

ВВРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1903.

№ 11.

ІЮНЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Стр.

Рѣчь Его Высокопреосвященства *Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго*, въ день годовичнаго акта (30 мая) воспитанникамъ Харьковскаго Института Благородныхъ Дѣтцъ . . . . . 671—674

Гипотеза генотензма или катенотензма (окончаніе). *Профессора Харьковскаго Университета, Прот. Т. Вуткевича* . . . . . 675—694

Екатерининская коммисія въ ея отношеніи къ духовенству, какъ ословію (продолженіе). *Виктора Брылова* . . . . . 695—728

Къ вопросу о дѣятельности англиканской іерархіи. (По поводу одной речевагіи) (окончаніе). *А. Рождественскаго* . . . . . 724—744

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Признавалъ ли Кантъ бытіе вещей въ себѣ? *М. Одинцова* . . . . . 445—468

Понятіе объ „*utile*“ (о полезномъ) во второй книгѣ сочиненія Цицерона „*De officiis*“ (Объ обязанностяхъ). *А. Попровскаго* . . . . . 469—481

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. Отъ Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ.—Отъ Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ.—Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго жевскаго училища.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.

1903.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ, все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлечения изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли изъ чужескихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человека и во время изнечества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листовъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяць, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 6 р. за каждый годъ; по 7 р. за 1890—1895 г., по 8 р. за 1896—1900 годы. За 1901 г.—9 р. и 1902 г. 10 рублей. Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 180 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ французскаго перевода Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.
2. Справедливы ли обвиненія, заводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождественна. Цѣна 60 к. съ пересылкою.
3. Біографическій очеркъ жизни, пастырской дѣятельности и литературныхъ трудовъ Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго. Протоіерея Т. И. Буткевича. Харьковъ. 1902 г. Цѣна 2 руб. съ перес.

Πίστει νοοῦμεν.
Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI.

РѢЧЬ

ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВА

Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія,
Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго,

въ день годовичнаго акта (30 го мая) воспитанницамъ Харьковскаго Института Благородныхъ дѣвиць.

Торжественное Богослуженіе, совершенное нынѣ въ Институтскомъ храмѣ, свидѣтельствуетъ о важности сегоднешняго дня и для Института, и для васъ — питомиць онаго. Институтъ нынѣ благополучно заканчиваетъ кругъ своихъ годовичныхъ занятій и совершаетъ выпускъ окончившихъ въ немъ курсъ ученія воспитанницъ; а вы оставляете это воспитавшее васъ заведеніе и вступаете въ жизнь. Привѣтъ отъ меня и Институту съ окончаніемъ его годовичныхъ занятій; привѣтъ и вамъ, окончившимъ ваше образованіе. Дѣло ученія и преподаванія — дѣло весьма трудное, требующее отдыха, и потому нынѣшній день, которымъ заканчивается ученіе, пріятенъ и для учащихся, и для учащихся. Кроме того, нынѣшній день пріятенъ Институту еще и потому, что сегодня онъ ясно видитъ результаты своихъ годовичныхъ трудовъ: ученицы младшихъ классовъ переходятъ въ старшіе, а воспитанницы послѣдняя-

го класса оставляютъ Институтъ и вступаютъ въ жизнь, на поприще семейной и общественной дѣятельности. Вотъ почему нынѣшній день—день вождельный для всѣхъ, и для учащихъ и для учащихся здѣсь. Для тѣхъ же изъ васъ, которыя оканчиваютъ курсъ ученія, нынѣ насталъ вождельный конецъ, къ которому вы стремились въ теченіи многихъ лѣтъ.

Но какъ ни радостенъ, какъ ни пріятенъ нынѣшній день для васъ, не чуждъ онъ, мнѣ кажется, и скорби. Оставляя Институтъ, вы вступаете въ жизнь; Богъ знаетъ, что ожидаетъ васъ въ жизни и что принесетъ вамъ жизнь! Пристанете ли вы къ тихому пристанищу или жизнь ваша исполнена будетъ житейскихъ тревоженій и быть можетъ окажется она для нѣкоторыхъ изъ васъ не любящей матерью, а суровой мачихой. Вотъ почему въ эти минуты разставанія съ Институтомъ вмѣстѣ съ радостью и скорбь можетъ наполнять сердца ваши. Грустно, должно быть, вамъ еще и потому, что вы расстаётесь съ этимъ учебнымъ заведеніемъ, пріютившимъ васъ;—съ этимъ святымъ храмомъ, въ коемъ вы изливали свои чувства въ молитвахъ, и воепѣвали Господа въ церковныхъ пѣніяхъ, и гдѣ удостоивались причащаться Св. Таинъ Тѣла и Крови Господа нашего Иисуса Христа, Да и вообще расстаётесь съ этимъ тихимъ пріютомъ, гдѣ вы были чужды всякихъ заботъ, и гдѣ всѣ комнаты и уголки въ нихъ дороги и милы для васъ... А какъ тяжело должно быть для васъ разставаніе съ тѣми лицами, подъ покровомъ которыхъ вы не знали заботъ, которыми все было предусмотрено для вашего благополучія, и для вашего образованія, и воспитанія. Но особенно тяжело разставаться съ подругами, съ которыми вы вмѣстѣ учились многіе годы и дѣлились

своими радостями и печалями, своими задушевными мыслями и чувствами... Удастся ли многимъ изъ васъ найти въ жизни такихъ искреннихъ друзей, какіе были здѣсь у васъ?—Встрѣтить такихъ друзей за стѣнами Института—дѣло не легкое. И какъ осторожно нужно будетъ вамъ выбирать друзей въ наше смутное время, опасное не только для юношей, но и для дѣвицъ! Какъ нужно быть осторожными, чтобы не поддаться вліянію дурныхъ людей, а бѣжать отъ нихъ, какъ отъ заразы. Вотъ почему привѣтствіе наше васъ съ окончаніемъ Институтскаго образованія имѣетъ не радостную только сторону, но и скорбную.

Но христіанское привѣтствіе соединяется обыкновенно съ благожеланіями. Таково и наше привѣтствіе вамъ. Прежде всего мы желаемъ, чтобы вы въ вашихъ сердцахъ навсегда сохранили добрую, благодарную память о воспитавшемъ васъ учебномъ заведеніи и о всѣхъ лицахъ, потрудившихся для васъ. Чувство благодарности есть самое благородное чувство... Отъ Господа преподаю вамъ благословеніе и молитвенно желаю, чтобы Господь хранилъ васъ до конца жизни вашей отъ всего худого: отъ худыхъ мыслей, дѣлъ, желаній и отъ худыхъ людей. Желаю, чтобы религіозныя и нравственныя правила, въ которыхъ вы воспитаны въ стѣнахъ Института, всегда служили для васъ руководствомъ и чтобы вы никогда отъ нихъ не отступали и въ счастья, и въ несчастья; при этомъ—въ первомъ случаѣ вы не забудьте, — въ послѣднемъ не впадете въ отчаяніе. Да подастъ вамъ Господь вся благая, яже къ животу, и благочестію, т. е. что необходимо и полезно въ настоящей жизни и что ведетъ ко спасенію вашему въ будущей. Благословеніе Божіе да пребудетъ на васъ во всѣ дни жизни вашей и благо-

дать Св. Духа да объемлетъ все существо ваше и да управляетъ вашими мыслями, желаніями и дѣлами. А вы, дабы не удалить отъ себя благодати Божіей, въ продолженіе всей своей жизни будьте послушными дочерьми общей Матери нашей Св. Церкви, и полученное вами здѣсь образованіе со всѣмъ усердіемъ употребляйте на служеніе семьѣ, школѣ и обществу. За это Господь васъ не оставитъ и люди будутъ любить васъ. Аминь.

Гипотеза генотеизма или катенотеизма.

(Окончаніе *).

Въ ученіи М. Мюллера о религіи, ея сущности и происхожденіи нужно различать, такъ сказать, три редакціи. Разсмотримъ же, какая изъ нихъ лучше, т. е., болѣе правдоподобна, а потому и болѣе удовлетворительна въ научномъ отношеніи; при этомъ мы, конечно, ясно увидимъ и то, получилъ ли какую либо выгоду этотъ ученый филологъ отъ того, что одну редакцію своего взгляда на религію онъ измѣнилъ на другую и даже третью.

Сначала, какъ мы видѣли, М. Мюллеръ былъ того мнѣнія, что человекъ, въ духовную природу котораго было вложено влеченіе къ Богу, подъ руководствомъ Божественнаго откровенія, имѣлъ чистое и возвышенное представленіе о Богѣ, какъ существѣ духовномъ, личномъ и всемогущемъ, изъ рукъ Котораго міръ получилъ свое бытіе и Промысломъ Котораго онъ управляется, но что потомъ, лишенный непосредственнаго руководства Божія и предоставленный только самому себѣ, своему ограниченному разуму, при различныхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, онъ утратилъ чистоту первоначальнаго понятія о Богѣ и въ своемъ религіозномъ сознаніи шель путемъ диалектическимъ, т. е. путемъ постояннаго и быстрого ниспаденія отъ духовнаго почитанія Бога, какъ единаго и совершеннаго существа, къ обоготворенію грубо чувственныхъ предметовъ. Къ такому пониманію собственно языческой или

*) См. жг. „Вѣра и Разумъ“ за 1908 г. № 10.

естественной религіи М. Мюллеръ пришелъ вовсе не подъ вліяніемъ библейскаго ученія, а путемъ изученія религіозныхъ вѣрованій различныхъ дикарей земного шара и міеологическихъ представленій народовъ культурныхъ—китайцевъ, индійцевъ, персовъ, египтянъ, грековъ и римлянъ. Его поражали съ одной стороны ясныя слѣды первоначальныхъ монотеистическихъ вѣрованій, болѣе или менѣе замѣтно сохранившіеся въ преданіяхъ даже самыхъ грубыхъ и изолированныхъ народовъ, а съ другой поразительное сходство многихъ народныхъ преданій съ ученіемъ Божественнаго откровенія, каковы, напр., преданія о твореніи міра, сотвореніи человѣка, о раѣ, о блаженствѣ и грѣхопаденіи первыхъ людей, о патриархахъ, жившихъ до потопа, о потопѣ, о Симѣ, Хамѣ и Іафетѣ, о вавилонской башнѣ, смѣшеніи языковъ и разсѣяніи народовъ, объ имѣющемъ явиться Примиритель, о концѣ міра, безсмертіи, вѣчномъ блаженствѣ и вѣчномъ мученіи по ту сторону гроба и т. д. Вѣрная сама по себѣ, эта первоначальная гипотеза М. Мюллера находила для себя подтвержденіе и въ историческихъ фактахъ, которые ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что человѣчество въ своемъ религіозномъ сознаніи шло не путемъ развитія, а путемъ постояннаго паденія и регресса. Въ этомъ убѣждаютъ насъ и великіе умы греческихъ мыслителей—Платона и Пиеагора, которые видѣли въ греческой религіи не только признаки разложенія и упадка, но и дурное, развращающее вліяніе на народъ; они осуждаютъ Гомера и Гезіода за тѣ неприличныя вещи, которыя они выдумали о богахъ, и запрещаютъ юношеству читать ихъ міеологическія и теогоническія произведенія, хотя въ этихъ произведеніяхъ со всею точностію воспроизводились вѣрованія ихъ современниковъ. Съ точки зрѣнія своей первоначальной гипотезы М. Мюллеръ легко могъ понять и уяснить себѣ то, что впоследствии стало для него непонятнымъ и необъяснимымъ. Такъ онъ не затруднялся объяснить, какимъ образомъ индійскій поэтъ еще 3000 лѣтъ тому назадъ могъ „чувствовать въ себѣ присутствіе всемогущаго Бога, Создателя неба и земли, и въ то же время сознавать тяжесть своихъ ошибокъ и умолять Господа, чтобы Онъ простилъ ему грѣхи“. М. Мюллеръ оста-

навливалъ тогда вниманіе своихъ читателей на индійскомъ гимнѣ въ честь Варуны, въ которомъ ясно высказывается древнее ученіе о первородномъ грѣхѣ прародителей и его послѣдствіяхъ вмѣстѣ съ потребностію искупленія этого грѣха и примиренія человѣчества съ Богомъ. Вотъ этотъ гимнъ:

„Мудры и могущественны дѣла Того, Кто отдѣлилъ обширныя небосклоны (небо и землю). Онъ помѣстилъ вверху свѣтящееся и славное небо и разъединилъ сводъ звѣздъ и земли;

— „Развѣ это я самъ говорю? Какимъ образомъ могу я приблизиться къ Варунѣ? Приметь ли онъ мою жертву съ удовольствіемъ? Когда увижу его, *духа* въ отдохновеніи, благосклоннаго къ моимъ молитвамъ?

„Я призываю Тебя, о Варуна, *желая узнать грѣхи мои*; я отправился спросить мудрецовъ. *Мудрецы все говорили одно: Варуна сердитъ на тебя.*

„Быль ли это какой нибудь древній грѣхъ, за который Ты *унижаешь Твоего друга*, всегда славящаго Тебя похвалами? Скажи мнѣ это, о Господи, Котораго ничто не можетъ преодолѣть, а я *освобожденный* съ этого времени *потъ грѣховъ*, поспѣшу стать предъ Тобою, неся Тебѣ дань почитанія.

„Дай мнѣ *Свое прощеніе за грѣхи отцовъ*; и за тѣ, которые мы совершили сами въ нашихъ тѣлахъ. *Освободи Vasisht'u* освободи его, о Господи, *сдѣлай его* похожимъ на вора, радующагося украденной кошкѣ, на теленка, освободившагося отъ придерживающей его веревки.

„*Не наша въ томъ вина, о Варуна, что мы споткнулись; мы были подъ ярмомъ упоенія, страсти, измѣнчиваго настроенія. Старикъ ведетъ помочу на распутстволѣ даже сонъ не можетъ снасти отъ грѣха.*“

„Я *желаю исправить мою жизнь отъ ошибокъ и дать удовлетвореніе обиженному Богу*, подобно тому, какъ невольникъ даетъ удовлетвореніе своему господину, одаряющему его милостію. Милостивый Богъ открылъ глаза неблагоприятному и освѣтилъ своею мудростію тѣхъ, которые *почитаютъ его добродѣтелями.*“

„О Господи, о Варуна, если бы пѣснь эта была хороша привяга твоимъ сердцемъ! О, еслибы я могъ быть счастли-

вымъ, сохраняя то, что имѣю, и приобретаая новыя блага. Осыпайте насъ, боги, всегда вашими благодѣянiями“.

Приведа этотъ индiйскiй гимнъ древнѣйшему божеству, М. Мюллеръ говоритъ слѣдующее: „Я ничуть не ослѣпляю себя касательно несовершенства этой древней молитвы, но я повимаю красоты, заключающiяся въ ней, и думаю, вы согласитесь, что открытiе такой одной поэмы между гимнами Ригъ-Веды и увѣренность, что эта поэма явилась въ Индiи по крайней мѣрѣ за 3 тысячи лѣтъ, безъ всякаго инаго внушенiя, кромѣ того, къ которому способенъ каждый человѣкъ, — вы согласитесь; говорю я, что такое открытiе стоитъ труда жизни, потому что здѣсь мы находимъ доказательство, что *человѣкъ никогда не былъ покинутъ Богомъ*, а эта увѣренность имѣетъ для историка больше значенiя, чѣмъ всѣ династiи Вавилона и Египта, чѣмъ всѣ свайныя постройки, всѣ черепа и челюсти изъ Неандерталя и Аббевиля“... Такъ рассуждалъ нѣкогда М. Мюллеръ о древнѣйшихъ вѣрованiяхъ народовъ, лишенныхъ сверхъестественнаго Божественнаго откровенiя. Но мы не знаемъ, что сказалъ бы онъ по поводу приведеннаго древне-индiйскаго гимна въ честь Варуны въ послѣднее время своей жизни. Мы отказываемся даже угадывать, какъ бы онъ объяснилъ существованiе у индiйцевъ, стоявшихъ на первой ступени развитiя своего религiознаго сознаниа, представленiя о Богѣ какъ *духъ*, дѣла Котораго мудры и могущественны, Который сотворилъ своею силою небо и землю, Который *однимъ только можетъ освобождать людей отъ древняго грѣха, содѣяннаго ихъ предками*, — мы, повторяемъ, не можемъ даже догадаться, какъ бы онъ объяснилъ это непонятное въ исторiи явленiе въ то время, когда онъ усвоилъ себѣ новую гипотезу, по которой люди на первой ступени своего религiознаго развитiя боготворили будто бы только *подушныя* *заемныя* *предметы* — горы, рѣки и моря? Ибо отъ горы сдѣлать заключенiе въ бытiю премудраго духа, какъ Творца мiра, не возможно не только для первобытнаго человѣка, но даже и для европейскаго философа, привыкшаго къ абстрактному мышленiю и быстрымъ логическимъ обобщенiямъ. Но если первоначальная гипотеза М. Мюллера о сущности

и происхожденіи религіи была весьма правдоподобна сама по себѣ и вполне удовлетворительно разъясняла многія явленія въ жизни дикарей и въ религіозныхъ вѣрованіяхъ древнѣйшаго язычества; то почему же—спрашивается—М. Мюллеръ оставилъ его и замѣнилъ новою. Или эта новая гипотеза, быть можетъ, выше стоитъ въ научномъ отношеніи оставленной?

Самъ М. Мюллеръ не объясняетъ намъ причины своего непонятнаго ренегатства; онъ ничего не говоритъ намъ и о томъ, какіе недостатки оказались въ его первой гипотезѣ. Онъ, какъ мы видѣли, представляетъ дѣло въ такомъ видѣ, что читатель самъ долженъ прійти къ неизбежному заключенію, г. М. Мюллеръ былъ увлеченъ общимъ потокомъ эволюціонизма, захватившимъ съ собою умы его соотечественниковъ—англичанъ по пути, проложенному Спенсеромъ. Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что М. Мюллеръ не во всемъ слѣпо послѣдовалъ за Спенсеромъ, по крайней мѣрѣ, вначалѣ, т. е., въ то время, когда онъ составлялъ вторую редакцію своего ученія о религіи, ея сущности и происхожденіи. Такъ,—онъ не допускаетъ и самой мысли о существованіи въ исторіи человѣчества такъ называемаго *животнаго періода*; онъ отвергъ съ полнымъ научнымъ основаніемъ дарвиновское положеніе о происхожденіи человѣка отъ обезьяно-виднаго животнаго, онъ призналъ слишкомъ легкомысленнымъ утвержденіе эволюціонистовъ и матеріалистовъ, что между человѣкомъ и животными нѣтъ существеннаго различія онъ доказалъ самыми очевидными фактами и выводами науки сравнительнаго языкознанія, что религія есть явленіе не только всеобщее, но и изначальное или исконное въ человѣческомъ родѣ. Но онъ не устоялъ противъ увлеченія основнымъ принципомъ эволюціонизма—закономъ всеобщаго и постепеннаго развитія, о которомъ въ то время, какъ и теперь, такъ громко кричали и кричатъ вседилетанты науки, всѣ, которыхъ страшитъ одно слово „отсталость“ и которые во что бы то ни стало хотятъ идти за какою-то „современною наукою“.—Этого, какъ сожалѣнію, было достаточно, чтобы онъ оставилъ свою первоначальную теорію, правдоподобную саму въ себѣ и согласную съ историческими фактами, и вмѣсто нея составилъ новую на новомъ принци-

пѣ—эволюціи! Впрочемъ, М. Мюллеръ сдѣлалъ этотъ переходъ не сразу, а постепенно. Видно, что ему было нелегко расставаться съ тѣмъ, что имъ было создано путемъ продолжительнаго труда и серьезнаго мышленія и что онъ долго и искренно признавалъ несомнѣнно истиннымъ!

Во второй редакціи своего ученія о сущности и происхожденіи религіи на мѣсто Божественнаго откровенія М. Мюллеръ, какъ мы видѣли, ставитъ идею безконечнаго или, по его утвержденію, идею Бога, находящуюся въ духѣ человѣка. Путь развитія и распространенія религіи шель „сверху внизъ“: сначала, за неимѣніемъ соотвѣтствующаго идеѣ Бога слова человѣкъ наименовалъ Бога „небомъ“ только въ переносномъ смыслѣ,—и не его вина, что въ послѣдствіи его потомки стали уже боготворить самое небо, солнце, луну, звѣзды и т. д. Этотъ взглядъ на религію и ея происхожденіе, при поверхностномъ отношеніи къ нему, можетъ быть признанъ, пожалуй, болѣе удовлетворительнымъ, чѣмъ взглядъ натуралистическій или гипотеза фетишизма. Такъ какъ М. Мюллеръ утверждаетъ, что духу человѣческому прирождена идея безконечнаго, то онъ повидимому, лучше защитниковъ указанныхъ гипотезъ разрѣшаетъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ „человѣкъ сталъ боготворить явленія и силы природы, отыскивая въ нихъ объектъ, соотвѣтствующій прирожденной ему идеѣ.“ Но это преимущество ученія М. Мюллера о религіи въ действительности оказывается лишь притягательнымъ. У Макса Мюллера было много противниковъ, въплоть до основательно указавшихъ на всѣя недостатки и слабыя стороны его ученія о религіи. Между ними первое мѣсто, безъ сомнѣнія, занимаетъ *Евгеній Шмидтъ*. Онъ прежде всего замѣтилъ, что М. Мюллеръ смѣшиваетъ или подтачиваетъ понятія и чрезъ это вводитъ въ заблужденіе своихъ читателей. Такъ онъ старается представить „тождественными“ идею Бога и идею безконечнаго и изъ послѣдней охочетъ вывести происхожденіе религіи въ родѣ „человѣческомъ.“ Это замѣчаніе *Евг. Шмидта*, по нашему смѣнію, совершенно вѣрно. Идея безконечнаго не составляетъ сущности ни въ понятіи о Богѣ, ни въ религіи, а потому даже и ея прирожденностію человѣческому духу еще

нельзя объяснить происхожденія религій въ родѣ человѣческомъ. Идея безконечности хотя и входитъ въ понятіе о Богѣ, но только какъ одинъ изъ признаковъ его. Болѣе существенное значеніе въ представленіи человѣка о Божествѣ имѣеть идея творческой и міроуправляющей силы. Безконечность можетъ быть приписываема и такому предмету, который совершенно не имѣеть никакого религіознаго значенія. Такъ мы знаемъ, что Платонъ приписывалъ признакъ безконечности или вѣчности даже матеріи, изъ которой образовавъ міръ; но самой матеріи онъ не боготворилъ, а ставилъ ее лишь рядомъ съ безконечнымъ или вѣчнымъ духомъ—Богомъ. Матеріалисты всѣхъ временъ также объявляютъ матерію вѣчною и безконечною; пантеисты признаютъ безконечнымъ свое абсолютное начало міровой жизни, которое однако же никогда не было и быть не можетъ предметомъ религіознаго почитанія. Замѣчаніе Е. Шмидта, какъ можно думать, напелъ справедливымъ и самъ М. Мюллеръ. По крайней мѣрѣ только этимъ мы можемъ объяснить себѣ то обстоятельство, что М. Мюллеръ самъ остался недоволенъ своею гипотезою и значительно измѣнилъ ее въ третьей редакціи, гдѣ на мѣсто идеи безконечнаго онъ ставитъ уже только какое-то *предчувствіе* безконечнаго. На этомъ основаніи въ защиту М. Мюллера противъ возраженія Е. Шмидта выступаетъ Пфлейдереръ, который утверждаетъ, что нападки Шмидта основательны, во что онѣ имѣютъ свой смыслъ только по отношенію къ предшествующей (второй) редакціи ученія М. Мюллера о религій, а не къ послѣдней какъ она изложена въ выше указанныхъ „Чтеніяхъ“. И дѣйствительно самъ М. Мюллеръ здѣсь говоритъ (стр. 259): „боги были называемы не безконечными, а напротивъ—непобѣдимыми, непреходимыми, неизмѣнными, бессмертными, нерожденными, вездѣсущими, всевѣдущими, всемогущими и только уже въ концѣ всего мы можемъ ожидать признанія за ними такой абстрактной природы, какъ безконечность“. При этомъ М. Мюллеръ съ особенною настойчивостію предупреждаетъ своихъ читателей, что источникомъ яфры въ Бога, т. е., религій онъ называетъ не опредѣленную мысль о безконечномъ, а только *предчувствіе* его. Но дѣло

отъ этого, очевидно, не измѣняется. Идея безконечнаго вообще, въ какой бы степени ясности или опредѣленности мы ее ни понимали, по самому содержанію ея, не можетъ быть признана источникомъ религіи и вѣры въ Бога.

Макс Мюллеръ въ этомъ случаѣ впалъ въ заблужденіе потому, что имъ избранъ былъ если не совсѣмъ ложный, то, по крайней мѣрѣ, весьма шаткій и еще твердо не установившійся путь изслѣдованія. Какъ мы видѣли, онъ приписываетъ слишкомъ большое значеніе сравнительному языкознанію и сравнительному изученію религій даже въ разрѣшеніи вопроса о сущности религіи вообще и о ея происхожденіи въ родѣ человѣческомъ. Конечно, самъ по себѣ языкъ представляетъ для этнографа весьма цѣнный и въ своемъ родѣ единственный матеріалъ для сужденія о міровоззрѣніи народа и о его пониманіи смысла міровой жизни. Сравнительное изученіе религій также можетъ быть полезнымъ какъ для философа, такъ и для христіанскаго богослова. Но въ какомъ состояніи находятся эти науки въ настоящее время? Такъ ли несомнѣнны добытые ими результаты, чтобы полагать ихъ въ основаніе теорій и гипотезы? Далеко нѣтъ. Самъ М. Мюллеръ свидѣтельствуетъ, что науки эти находятся только въ зародышѣ, „заключаютъ въ себѣ скорѣе проэктъ, нежели оконченное зданіе“. И онъ сдѣлалъ большую ошибку спѣша къ абстрактнымъ обобщеніямъ на основаніи лишь нѣсколькихъ добытыхъ его наукою фактовъ. Правда, что нѣкоторые народы (напр., древніе индійцы) называли своихъ боговъ „вѣчными“ (Адити); къ этому можно присоединить еще, что и въ первомъ Своемъ откровеніи Моисею Богъ называетъ Себя „Сущимъ“; но отсюда еще поспѣшно заключать, что идея безконечности есть корень, изъ котораго развилась религіозная жизнь человѣчества, потому, что на ряду съ этими именами древніе народы всегда употребляли для обозначенія своихъ боговъ и другія названія, указывающія уже на свойства всемогущества, всеприсутствія, всевѣдѣнія, святости (Девы, Элогимъ). Въ Ригведѣ (2, 27, 3), напр., говорится: вѣчные (Aditjas) видятъ все, худое и все хорошее; для нихъ все, даже и самое далекое, близко“, „правое для нихъ не со-

ставляетъ отличія отъ лѣваго, востокъ отъ запада“, онъ, мудрый сынъ адити (вѣчности), пусть исправитъ наши пути... Адити не спятъ и не дремлютъ“ и т. д. ¹⁾). Изъ этихъ и подобныхъ выраженій ясно видно, что и въ древнѣйшую эпоху жизни человѣчества, когда боги дѣйствительно часто называемы были словомъ „вѣчные“, сознаніе человѣка приписывало имъ вмѣстѣ съ вѣчностью и другія божескія свойства, какъ существенные признаки самаго понятія о богахъ

Слишкомъ фантастичною оказывается у М. Мюллера и мысль о томъ, будто бы образность выраженія для понятія безконечнаго послужила источникомъ политеистическихъ вѣрованій. „У древнихъ, говоритъ М. Мюллеръ, слова и мысли—двѣ нераздѣльныя вещи, не достигли еще такой степени абстрактности; чтобы выразить всѣ силы творенія, естественныя или сверхъестественныя, иначе, какъ въ формѣ олицетворенія болѣе или менѣе человѣческаго. Тамъ, гдѣ мы говоримъ объ искушеніи внутреннемъ или внѣшнемъ, для древнихъ были вещью вполне естественною говорить объ искустителѣ, представляющемъ ихъ уму въ образѣ человѣка или животнаго; тамъ, гдѣ мы говоримъ о вездѣсущей благодати Бога, они говорили: „Богъ наша скала, наша крѣпость, нашъ щитъ, наша башня“; гдѣ мы метафорически употребляемъ выраженія: божеское посланничество, посланничество неба, они говорили о крылатомъ посланникѣ; что мы называемъ *Вожіимъ провидѣніемъ*, то было для нихъ двигающимся облакомъ, указывающимъ имъ путь, по которому они должны идти, лучемъ освѣщающаго ихъ свѣта, бѣгствомъ передъ бурей, спасеніемъ отъ солнечнаго жноя“. Говоритъ такъ, по нашему мнѣнію, свойственно только человѣку, увлекающемуся собственной фантазіею, а не руководимому точною наукою. Навязывать *первобытнымъ* людямъ способность аллегорическаго изложенія мыслей можно только насильственно или въ угоду какой либо тенденціи. Тотъ моментъ, когда человѣкъ, не довольствуясь прямымъ значеніемъ слова, приписываетъ ему еще и другой смыслъ или—что то же—начинаетъ употреблять его въ переносномъ, т. е.,

1) Эбрардъ, Алологетика, II, стр. 16.

образномъ и аллегорическомъ значеніи, и такимъ образомъ. начинаетъ обогащать свой языкъ различными фигуральными выраженіями, долженъ быть отнесенъ не къ первобытному состоянію, а уже къ довольно высокой ступени духовнаго развитія человѣка, на которой весьма замѣтною является самостоятельная и активная дѣятельность разума. Это тотъ самый моментъ, когда на характерѣ языка уже отпечатлѣвается духъ народа, различныя свойства самобытной національности. Въ-стѣ съ-тѣмъ здѣсь обнаруживается уже и особый складъ ума человѣка; ибо для того, чтобы придать извѣстному слову переносное значеніе, нужно сначала найти у двухъ понятій, принадлежащихъ къ различнымъ категоріямъ, между-прочимъ, такой признакъ, по которому бы эти два понятія, не смотря на свою разновидность, сближались между собою; а такой результатъ предполагаетъ весьма сложный процессъ умственной дѣятельности. Для примѣра беремъ два понятія: „огонь“ и „любовь“, которыя, повидимому, рѣшительно ничего общаго не имѣютъ между собою; а между тѣмъ умъ человѣка нашелъ у нихъ внутреннее сходство и выразилъ его въ словахъ: „жаркій“, „пылкій“, „горячій“,—свойства, которыя въ собственномъ смыслѣ могутъ принадлежать только огню, а въ переносномъ—являются уже эпитетами любви. Нельзя допустить, чтобы достигнувъ такой высокой ступени своего умственнаго развитія, человѣкъ сталъ принимать образы своей творческой фантазіи за внѣшніе, реальныя объекты. Желая выразить твердость своего урованія на Бога, человѣкъ дѣйствительно могъ сказать (какъ и сказалъ Давидъ): „Богъ есть моя скала, моя опора, моя твердыня“; но утверждать, что на этомъ именно основаніи онъ впоследствии сталъ боготворить камни, скалы и горы,—значить просто—донкихотствовать въ области научныхъ изслѣдованій.

Вообще нужно замѣтить, что если по первоначальной гипотезѣ М. Мюллера прекрасно были разъясняемы политеистическія вѣрованія древняго язычества, какъ искаженія первоначальнаго Божественнаго откровенія ограниченнымъ умомъ человѣка, то для измѣненной гипотезы его (по второй редакціи), политеизмъ, это, во всякомъ случаѣ весьма видное, явле-

ніе въ исторіи духовной жизни человѣчества, остается совершенно необъяснимымъ и загадочнымъ. М. Мюллеръ, какъ мы видѣли, представляетъ дѣло такимъ образомъ. Человѣческому духу прирождена идея безконечнаго. Первобытный человѣкъ не нашелъ въ своемъ лексиконѣ такого слова, которое бы вполне соответствовало этой идеѣ; поэтому онъ называетъ Бога „небомъ“, но употребляетъ это слово лишь въ переносномъ смыслѣ. Затѣмъ какіе-то „старики“, какая-то „молодежь“ (очевидно, позднѣйшія поколѣнія) это переносное значеніе „неба“ утрачиваютъ, подлежащее превращаютъ въ сказуемое, сказуемое—въ подлежащее, и начинаютъ боготворить небо, утверждая, что не Богъ есть „небо“, а небо въ собственномъ смыслѣ есть богъ. Эта метаморфоза, съ точки зрѣнія М. Мюллера, совершенно непонятна. Отчего потомки оказываются худшими первобытнаго человѣка? Если идея безконечнаго, прирожденная человѣческому духу, есть источникъ религіознаго сознанія, то развѣ для потомковъ она уже утратила то значеніе, какое она имѣла для первобытныхъ людей? Развѣ она должна быть признана почему-то прирожденною только духу первобытнаго человѣка, а не духу человѣческому вообще? На эти вопросы у М. Мюллера нѣтъ никакого отвѣта; а между тѣмъ для его гипотезы въ рассматриваемой редакціи они, конечно, имѣютъ рѣшающее значеніе.

Не будемъ долѣе останавливаться на разсмотрѣніи недостатковъ и слабыхъ сторонъ этой гипотезы. Отрекшись отъ нея, eo ipso самъ М. Мюллеръ произнесъ надъ нею смертный приговоръ.

Но можемъ ли мы признать лучшимъ, т. е., болѣе научно обоснованнымъ, а потому болѣе достовѣрнымъ и болѣе правдоподобнымъ въ сравненіи съ предшествовавшими то ученіе М. Мюллера о сущности и происхожденіи религіи, какое онъ предлагаетъ намъ въ третьей и послѣдней редакціи. Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ мы должны сказать, что это ученіе М. Мюллера не отличается даже и характеромъ оригинальности. Оно смѣло могло бы быть отнесено нами къ такъ называемымъ натуралистическимъ гипотезамъ, хотя оно и превосходитъ ихъ своими недостатками. Даже защитники и по-

читатели М. Мюллера (напр., Пфлейдереръ) не расходятся съ нашимъ мнѣніемъ, когда заявляютъ, что ученіе М. Мюллера о сущности и происхожденіи религіи, въ его послѣднемъ видѣ, вѣрнѣе всего называть нужно— „натурализмомъ“. Но не опибется и тотъ, кто станетъ утверждать, что свой послѣдній взглядъ на религію М. Мюллеръ позаимствовалъ у эволюционистовъ или у О. Конта и позитивистовъ вообще. Здѣсь М. Мюллеръ является только непослѣдовательнымъ, когда настойчиво продолжаетъ отстаивать свое прежнее мнѣніе, что въ исторіи человѣчества не было такъ называемаго „животнаго періода“ и что человѣкъ имѣетъ какое либо существенное отличие отъ животного. Изъ общаго возрѣнія М. Мюллера такого заключенія выводить логически нельзя, а противоположное можетъ удобно мириться съ нимъ.

Теперь, какъ мы видѣли, М. Мюллеръ уже не утверждаетъ того, что идея безконечнаго прирождена человѣческому духу и тождественна съ идеею о Богѣ. По послѣднему мнѣнію его, человѣкъ пріобрѣтаетъ понятіе о безконечномъ тѣмъ же самымъ путемъ, которымъ онъ пріобрѣтаетъ и всѣ свои понятія вообще, т. е., путемъ опыта и наблюденія. Но какимъ образомъ, пріобрѣвъ это понятіе, человѣчество затѣмъ обращаетъ его въ идею личнаго живого Бога,—на этотъ вопросъ М. Мюллеръ не даетъ никакого отвѣта, а между тѣмъ въ такомъ именно отвѣтѣ и должно бы заключаться разрѣшеніе самаго главнаго вопроса—о происхожденіи религіи, въ родѣ человѣческомъ. На этотъ существенный недостатокъ въ ученіи М. Мюллера о происхожденіи религіи указалъ уже Джонъ Рей (извѣстный критикъ возрѣній нашего ученаго филолога¹⁾). „Максъ Мюллеръ допускаетъ,—говоритъ онъ,—что и низшія животныя имѣютъ тѣ же самыя опытыя воспріятія и однако же они не доходятъ чрезъ эти воспріятія до религіи. Чувствительныя воспріятія и въ животныхъ должны бы составлять впечатлѣніе чего то не вошедшаго въ нихъ,—впечатлѣніе, которое, по его возрѣвію, составляетъ одинъ изъ спеціальныхъ источниковъ религіозной вѣры. Кромѣ, напр., той части горизонта,

¹⁾ См. Хр. Ист. 1881, № 7—8, стр. 20—26.

которую они видятъ ясно, у животныхъ должны при этомъ оставаться чувство горизонта, видимаго ими или смутно или совсѣмъ невидимаго ими,—чувство, которое, говоря словами Миоллера, должно бы „постоянно видѣться въ глубинѣ картины однообразной жизни“ животныхъ. И нѣкоторые изъ естествоиспытателей дѣйствительно утверждаютъ, что и животныя, все это испытываютъ и не только въ чувственныхъ воспріятіяхъ, но и въ той внутренней своей дѣятельности, которая соотвѣтствуетъ дѣятельности разума въ человѣкѣ. Герлаудъ и Дарвинъ оба утверждаютъ, что животныя испытываютъ страхъ предъ необъяснимымъ; и между тѣмъ какъ первый считаетъ страхъ этотъ только субъективнымъ ощущеніемъ, Дарвинъ идетъ дальше и говоритъ, что животныя въ нѣкоторыхъ случаяхъ олицетворяютъ это, странное для нихъ, необъяснимое и ведутъ себя при этомъ такъ, какъ еслибы присутствовало при нихъ это олицетворенное ими существо. Впрочемъ, и Дарвинъ не считаетъ подобные случаи обычными въ жизни животныхъ и вполне соглашается, что они вовсе не имѣютъ понятія о *невидимомъ духѣ*. Какимъ же тогда образомъ изъ опыта, который одинаково доступенъ и человѣку и скотамъ, только одинъ человѣкъ выводитъ предположеніе объективнаго Бога? Если животныя имѣютъ понятіе о безконечномъ, какъ это безконечное понимается Миоллеромъ: почему одинъ только человѣкъ идетъ дальше и старается это безконечное и необъяснимое объяснить присутствіемъ еще болѣе необъяснимаго, присутствіемъ личнаго и невидимаго Существа“?

Признавая, что въ религіи человѣкъ преклоняется предъ безконечнымъ, понятіе о которомъ онъ приобретаетъ на основаніи опыта и наблюденія, М. Миоллеръ, очевидно, полагаетъ сущность религіи только въ одномъ званіи; а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ раздѣляетъ и всѣ недостатки мыслителей, которые, такъ же, какъ и онъ, думали объяснить происхожденіе религіи въ родѣ человѣческомъ лишь однимъ прирожденнымъ, человѣку стремленіемъ познать явленія окружающаго міра и объяснить ихъ указаніемъ причинъ. Хотя это самый существенный недостатокъ въ ученіи М. Миоллера о сущности и происхожденіи религіи; но мы не будемъ на немъ останавливаться, чтобы

не повторять того, что было высказано уже нами при разборѣ взглядовъ Гегеля, О. Конта и позитивистовъ вообще.

Въ послѣдней редакціи своего ученія о сущности и происхожденіи религіи М. Мюллеръ, какъ мы видѣли, вполнѣ подчинился вліянію эволюціонистовъ и въ отвѣтъ на вопросъ о томъ пути, какимъ шло религіозное сознаніе человѣчества. Прежде онъ утверждалъ, что путь этотъ шелъ „сверху внизъ“ — отъ болѣе чистаго и возвышеннаго понятія о Богѣ къ грубому и чувственному, отъ Бога, названнаго „небомъ“ лишь въ переносномъ смыслѣ, къ боготворенію какого либо чурбана, брошеннаго въ лѣсу, или раковины на морскомъ берегу. Теперь М. Мюллеръ утверждаетъ уже противное: теперь онъ думаетъ, что развитіе религіознаго сознанія началось боготвореніемъ полуосязаемыхъ предметовъ и постепенно переходило къ боготворенію предметовъ неосязаемыхъ. Первое мнѣніе М. Мюллера имѣетъ для себя несомнѣнно твердое основаніе, каково, напр., свидѣтельство исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, о чемъ свидѣтельствуемъ намъ исторія религій и сравнительное изученіе религіозныхъ вѣрованій различныхъ народовъ? Прекрасный отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ у Эббарда ¹⁾. „Если мы прослѣдимъ, подъ руководствомъ замѣчательныхъ по глубинѣ и основательности изслѣдованій Макса Мюллера, Шпигеля, Ленсіуса, Эберса, Шрадера, Дункера и др. исторію религій культурныхъ народовъ древности, говоритъ онъ, то во всей просвѣщенной древности тѣмъ выше мы будемъ восходить къ прошедшему, тѣмъ болѣе встрѣтимъ приближенія къ познанію единаго, живаго и святаго Бога, соединеннаго съ тѣмъ болѣе чуткимъ нравственнымъ сознаніемъ различія добра и зла и съ тѣмъ болѣе глубокимъ желаніемъ ожидаемаго Спасителя, — а тѣмъ ниже будемъ спускаться по времени, тѣмъ болѣе глубокой будетъ представляться *унадохъ* этой первобытной религіи, составляющей слѣдствіе нравственнаго безразсудства и состоящей въ помраченіи сознанія отъ Бога до грубаго политеизма, который впоследствии измѣнился, у разныхъ частныхъ народовъ, въ пантеизмъ, — и

1) Апологетика, т. II, Спб. 1880. Стр. 72.

рука объ руку съ этимъ, открывается болѣе и болѣе усиливющееся нравственное одичаніе, не смотря на всѣ успѣхи внѣшнихъ искусствъ, цивилизаціи и культуры. Взявъ затѣмъ во вниманіе изслѣдованія относительно *дикихъ народовъ*,—и именно относительно ихъ состоянія, языка и существующихъ у нихъ сказаній (сагъ),—мы найдемъ также и здѣсь, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ покидаетъ насъ исторія, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ столѣтіяхъ, которыя доступны изслѣдованіямъ, точно также доказанный болѣе и болѣе глубокой упадокъ, а въ то же время и почти повсемѣстное воспоминаніе о прежнемъ лучшемъ состоявіи и даже, тамъ и сямъ, предметные памятники такихъ воспоминаній“. Съ такимъ свидѣтельствомъ исторіи первоначально соглашался и М. Мюллеръ. Мало того, изъ его собственныхъ изслѣдованій по изученію языковъ и религій можно выводить единственно только такое заключеніе, какъ сдѣлано Эбрардомъ. Въ послѣднее время М. Мюллеръ измѣнилъ свой взглядъ на сущность и происхожденіе религій; но отъ достигнутыхъ имъ результатовъ въ области сравнительнаго изученія языковъ и религій онъ не отрекся и даже ничуть не уменьшилъ ихъ значенія. Отсюда для него было неизбежнымъ то внутреннее противорѣчіе съ самимъ собою, которое характеризуетъ третью редакцію его ученія о сущности и происхожденіи религій. Онъ призналъ за закономъ эволюціи всеобщее и неизмѣнное значеніе; для религій имъ не было сдѣлано исключенія. Но благоразуміе предъявило свои права. Не смотря на увлеченіе эволюціонизмомъ, М. Мюллеръ все-таки не могъ допустить, чтобы фетишизмъ былъ первою формою религіознаго совнѣпія человѣчества. М. Мюллеръ рѣшается быть скорѣе непоследовательнымъ, чѣмъ утратить научное благоразуміе. Какъ мы видѣли, по его послѣдней мнѣнію, религія началась боготвореніемъ лишь полуосязаемыхъ предметовъ и только постепенно развилась до боготворенія предметовъ неосязаемыхъ. Но что же дѣлать съ фетишизмомъ или съ боготвореніемъ осязаемыхъ предметовъ? Нельзя же отрицать самый фактъ существованія фетишизма! Вѣдь есть же дикари даже и въ наше время, которые оказываютъ религіознае почитаніе и деревянному чурбану, и камню, выброшен-

ному на берегъ, и якорю корабля, и рыбьей кости, и львиному хвосту и т. д.! И вотъ мы встрѣчаемъ у М. Мюллера новую непослѣдовательность: онъ думаетъ, что сначала, вмѣстѣ съ умственнымъ развитіемъ, шло и развитіе религіознаго сознанія человѣчества „снизу вверхъ“; а затѣмъ, достигнувъ высшаго пункта своего развитія, оно начинаетъ почему-то опять спускаться внизъ, регрессировать, пока не достигаетъ того состоянія, которое принято называть фетишизмомъ или идолопоклонствомъ въ самомъ грубомъ смыслѣ этого слова. Такимъ образомъ, по М. Мюллеру, выходитъ, что когда человѣкъ находился на первой и самой низшей ступени своего умственнаго развитія, тогда онъ не могъ боготворить „осязаемыхъ“ предметовъ, не могъ быть фетишистомъ, не могъ поклоняться идоламъ, потому что всѣ такъ называемые „осязаемые“ предметы вполне доступны его познанію и не могли оставлять за собою впечатлѣнія загадочности или безконечности, такъ какъ онъ могъ ихъ разсматривать и ощущивать со всѣхъ сторонъ, а когда онъ оставилъ низшую ступень своего умственнаго состоянія и перешелъ на высшую, тогда почему-то онъ уже можетъ быть и грубымъ идолопоклонникомъ, фетишистомъ! Вотъ до какихъ странныхъ выводовъ можетъ довести даже и несомнѣнно ученаго человѣка „стадное“ увлеченіе модными „идеями“! Эволюціонизмъ Спенсера отуманилъ умъ Мюллера! И мы серьезно отказываемся понять, какимъ образомъ М. Мюллеръ, признавъ законъ постепеннаго умственнаго развитія универсальнымъ, могъ допустить, что унизительное для разума первобытнаго человѣка становится не унизительнымъ для народа, достигшаго хотя нѣкоторой степени культуры? Неужели на этой ступени человѣкъ считаетъ недоступными для него и непонятными тѣ самые „осязаемые“ предметы, которымъ онъ не могъ поклоняться въ своемъ первобытномъ состояніи именно потому, что они были тогда для него совершенно понятными и не оставляли за собою впечатлѣнія загадочности или безконечности?

Наконецъ, намъ кажется страннымъ и то названіе, которое М. Мюллеръ далъ своему ученію о сущности и происхожденіи религіи. Онъ называлъ его, какъ мы видѣли, *ѣнотеизмомъ*

или даже *катенотеизмомъ*. Пфлейдереръ — почитатель М. Мюллера и защитникъ его послѣдняго пониманія религіи. Но и онъ призналъ это названіе несоотвѣтствующимъ; вмѣстѣ съ А. Ревиллемъ онъ находитъ, что слово *натуризмъ* болѣе отвѣчаетъ сущности Мюллеровскаго ученія, чѣмъ *генотеизмъ*. И, по нашему мнѣнію, Пфлейдереръ правъ. Кажется, что, назвавъ свою гипотезу *генотеизмомъ* (однобожіемъ), М. Мюллеръ еще разъ показалъ своимъ читателямъ, какую онъ сдѣлалъ большую ошибку, оставивъ свое первоначально ученіе о религіи и ея сущности и послѣдовавъ за толпою эволюціонистовъ. Совершенно вѣрно утвержденіе М. Мюллера, что у древнихъ индійцевъ хотя и были признаваемы многіе боги, но они никогда не были представляемы въ грубой формѣ политеизма, ибо въ каждый моментъ былъ почитаемъ только одинъ богъ какъ наивысшее существо. Замѣчательно еще при этомъ и то обстоятельство, что въ древнѣйшихъ гимнахъ индійцевъ хотя иногда и упоминаются многія божества, но относящееся къ нимъ сказуемое или обращеніе со стороны человѣка часто ставятся въ *единственномъ* числѣ. Божества древнѣйшаго періода Ведъ, какъ извѣстно, просто назывались *девами*. И вотъ, между прочимъ, въ одномъ изъ древнѣйшихъ гимновъ Ригведы (8; 30) говорится слѣдующее: „Между вами, девы, нѣтъ ни малаго, ни молодого; всѣ вы велики. Да будетъ слава вамъ, разрушители вражды, вамъ тридцати тремъ, вамъ святымъ богамъ Ману. *Защити* насъ, *помоги* намъ, *благослови* насъ, *помоги* намъ не уклоняться отъ дома нашихъ отцовъ, отъ дома Ману. Всѣ вы, сколько васъ есть въ настоящее время, всѣ вы боги (*devas*), и, отъ всѣхъ людей пользующіеся поклоненіемъ, покажите намъ вашу могущественную поддержку, дайте намъ коровъ и лошадей“. Этотъ гимнъ относится еще къ пастушескому періоду жизни индійскаго народа, просившаго у своихъ девъ только „коровъ и лошадей“. Ссылаясь на него и отмѣчая въ немъ то, что между девами еще не указывается никакого различія по могуществу и величію, М. Мюллеръ справедливо замѣчаетъ, что въ его основаніи еще нельзя усматривать никакого политеистическаго воззрѣнія въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, а потому онъ и обы-

ваётъ его словомъ „гепотеизмъ“. Но другіе ученые, болѣе внимательно относясь къ религіознымъ вѣрованіямъ древнихъ индійцевъ вообще, съ такимъ же правомъ утверждаютъ, что первоначальною формою этихъ вѣрованій долженъ быть названъ не гепотеизмъ, а прямо *моотеизмъ* въ смыслѣ вѣрованія въ бытіе единаго, живого и личнаго Бога. Къ такому заключенію приходитъ, напр., *Эбрардъ*: Вотъ что мы читаемъ у него. „О степеняхъ родства въ смыслѣ антропоморфизма, равно какъ о бракѣ и о происхожденіи одного бога отъ другого (въ древне индійской религіи) вѣтъ и рѣчи. Чаше всего упоминаются и призываются четыре божества: *Варуна, Митра, Индра* и *Сомъ*; но дѣйствительнаго (объективнаго) преимущества не приписывается ни одному какому-нибудь изъ нихъ надъ остальными тремя, ни всѣмъ четыремъ вмѣстѣ. Напротивъ того, относительно каждаго изъ четырехъ этихъ божествъ существуютъ выраженія: „онъ болѣе чѣмъ всѣхъ боговъ“. И *Агни* также приписываются предикаты (сказуемыя), которые дѣлаютъ его равнымъ съ этими четырьмя божествами (такъ 2, 1 говорится объ *Агни*, что онъ есть законодатель вселенной, господь, отецъ, братъ и другъ людей; 10, 186 говорится объ *Индры*: „Индра выше всѣхъ“; 9, 96, о *Сомѣ*: „онъ есть „даръ существующаго“ и „даръ высшаго неба (неба боговъ) и земли“, *Агни, Сурья, Индры* и *Вишну*, и наконецъ 2, 27 *Варуна* называется „царемъ всѣхъ боговъ и людей“). Такимъ образомъ изъ этого ясно видно, что эти *идеи* считались не различными другъ подлѣ друга существующими лицами (индивидуумами), но какъ бы лицами (простою) одного невидимаго святаго Бога, какъ бы различными образами откровенія, въ которыхъ Единный проявлялъ свое безконечно богатое существо и изъ которыхъ въ каждомъ Онъ опять есть высшій единый Богъ. Существовало и должно поддерживалось (у индійцевъ) ясное сознаніе того, что всѣ эти „божества“ были только именами одного и того же Бога. Въ одномъ изъ гимновъ читается такъ: „они называютъ его *Индра, Митра, Варуна, Агни*, онъ есть окрыленный небесный *Паруматъ*, то, что есть одно, мудрый называется различнымъ образомъ, они называютъ его *Агни, Яма, Матарисванъ*“. Съ такимъ воз-

зрѣніемъ Эббардъ вовсе не представляетъ исключенія между учеными изслѣдователями древне-индійскихъ религіозныхъ вѣрованій. Того же мнѣнія все время былъ и самъ М. Мюллеръ. И онъ не отказался отъ него. Вся переменна въ него воззрѣніяхъ состоитъ лишь въ томъ, что древне-индійскія религіозныя вѣрованія въ послѣднее время онъ сталъ называть не *монотеизмомъ* ($\mu\acute{o}\nu\omicron\varsigma$ = одинъ, $\theta\epsilon\acute{o}\varsigma$ = Богъ), а *гекотеизмомъ* ($\epsilon\acute{\iota}\nu\omicron\varsigma$ = одинъ, $\theta\epsilon\acute{o}\varsigma$ = Богъ). Но намъ кажется, что здѣсь рѣчь идетъ только о замѣнѣ словъ, а не понятій.

Противъ мысли, что первоначальною формою религіознаго сознанія были вѣрованія монотеистическія, а не политеистическія, нѣкоторые ученые изъ школы эволюціонистовъ какъ на самое серьезное возраженіе указываютъ обыкновенно на то, что монотеизмъ, какъ высшая форма религіозныхъ вѣрованій, несвойственна сознанію первобытныхъ людей. Эта мысль совершенно вѣрна. Самъ по себѣ монотеизмъ не можетъ быть признанъ результатомъ собственныхъ усилій чело-вѣческаго сознанія въ его первобытномъ состояніи. И кто признаетъ это, тотъ будетъ находиться въ такомъ же положеніи, въ какое попалъ М. Мюллеръ. Онъ прежде всего увидитъ себя поставленнымъ въ противорѣчіе съ исторіею; онъ не будетъ знать, что дѣлать съ тою позднѣйшею формою религіозныхъ вѣрованій, которую принято называть *фетишизмомъ* и самый регрессивный ходъ религіознаго сознанія отъ высшей ступени къ низшей, отъ монотеизма къ грубѣйшему политеизму, будетъ для него только непонятною аномаліею въ духовной жизни чело-вѣческаго рода. Вотъ почему и неосновательно допускать, что монотеизмъ самъ по себѣ, какъ результатъ только духовной дѣятельности чело-вѣка, былъ исходнымъ пунктомъ для его религіознаго сознанія. Но всѣ эти кажущіяся аномаліи будутъ совершенно понятными для того, кто полагаетъ, что первоначальный монотеизмъ былъ дѣломъ не чело-вѣческаго продуктивнаго духа, а непосредственнаго откровенія со стороны Самаго Бога. Въ этомъ случаѣ историческія аномаліи въ религіозной жизни представятъ только твердыя основанія для его убѣжденія. Дѣло оказывается яснымъ. Чистыя и возвышенныя монотеистическія вѣрованія внушены чело-вѣку

Богомъ. Но такъ какъ монотеизмъ, какъ высшая форма религіознаго сознанія, самъ по себѣ не свойственъ человѣку въ его первобытномъ состояніи, то, предоставленный самому себѣ, человѣкъ не только не могъ развиваться въ области религіозныхъ вѣрованій (ибо отъ монотеизма вверхъ идти некуда, а по необходимости долженъ былъ утрачивать чистоту первоначальнаго божественнаго откровенія и идти „путемъ внизъ“, отъ высшей ступени къ низшей, отъ монотеизма къ политеизму. Такимъ образомъ истинная причина того, что нѣкоторые ученые не могутъ признать монотеизма первоначальною формою религіознаго сознанія, должна заключаться не въ чемъ иномъ, какъ въ ихъ собственномъ атеистическомъ настроеніи. Кто не вѣруетъ въ бытіе личнаго живого Бога, тотъ, конечно, не въ силахъ допустить и возможности божественнаго откровенія; а безъ этого, конечно, нельзя предполагать, что монотеизмъ былъ первоначальною формою религіозныхъ вѣрованій человѣчества. Самъ по себѣ монотеизмъ—повторяемъ—дѣйствительно не свойственъ первобытному человѣку. Въ этомъ случаѣ середины нѣтъ—или вѣра въ бытіе живого, личнаго Бога, или эволюціонизмъ! Основная ошибка М. Мюллера и состоитъ именно въ томъ, что онъ искалъ этой невозможной середины...

Профессоръ Харьковскаго Университета, Прот. Т. Буткевичъ.

ЕКАТЕРИНИНСКАЯ КОММИССІЯ

ВЪ ЕЯ ОТНОШЕНІИ КЪ ДУХОВЕНСТВУ, КАКЪ СОСЛОВІЮ.

(Продолженіе *).

IV.

„Проектъ правъ средняго рода людей и блага духовенства“ и замѣчанія на него членовъ Св. Синода. Проектъ „духовно-гражданской комиссіи“ объ имущественныхъ правахъ духовенства.

Отвѣтомъ на всѣ просьбы и заявленія великорусскаго и малороссійскаго духовенства Екатерининской комиссіи можетъ служить только „проектъ правъ средняго рода, людей и блага духовенства“, составленный „комиссіей о среднемъ родѣ людей“. Намъ извѣстенъ составъ этой частной комиссіи; въ ней не было ни одного члена, сколько-нибудь заинтересованнаго въ болѣе или менѣе благопріятныхъ постановленіяхъ для духовенства, не было ни одного лица, сколько-нибудь знакомаго съ его нуждами и потребностями. Во всей законодательной комиссіи былъ только одинъ депутатъ, принимавшій близко къ сердцу интересы духовнаго сословія; это—Преосвященный Гавріиль, Архіепископъ С.-Петербургскій, но онъ не состоялъ членомъ „комиссіи о среднемъ родѣ людей“. Другой депутатъ,—хорошо знавшій нужды духовенства,—умный и дѣльный подканцеляристъ Углицкаго духовнаго правленія И. Сухопрудскій также не вошелъ въ составъ этой комиссіи.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1903 г. № 10.

Разсуждать и рѣшать о духовенствѣ суждено было лицамъ почти исключительно дворянскаго сословія, и между ними выдѣлялся ораторскимъ талантомъ и твердостью убѣжденій извѣстный историкъ екатерининскаго времени кн. М. М. Щербатовъ. Едва-ли будетъ несправедливо, если мы скажемъ, что сословныя и политическія воззрѣнія членовъ означенной комиссіи имѣли рѣшающее значеніе на причисленіе духовенства къ „среднему роду людей“ или мѣщанству. И въ самомъ дѣлѣ. Вспомянемъ только, чѣмъ жилъ и какими взглядами проникнуть былъ русскій дворянинъ XVIII вѣка. Типичнымъ и лучшимъ представителемъ въ этомъ отношеніи былъ тотъ же, только что упомянутый, депутатъ отъ ярославскаго дворянства кн. М. М. Щербатовъ. Его блестящая, пламенная рѣчь въ защиту исключительныхъ правъ и привилегій дворянскаго сословія можетъ служить, безъ сомнѣнія, прекраснымъ выраженіемъ крайнихъ взглядовъ русскаго дворянства XVIII вѣка. Нужно замѣтить, что при чтеніи законовъ о „правахъ благородныхъ“ главное вниманіе дворянъ привлекъ вопросъ о способахъ пріобрѣтенія дворянства, на которомъ, преимущественно, и сосредоточились пренія. Со времени Императора Петра 1-го дворянское достоинство пріобрѣталось выслугою: каждый гражданинъ, получившій на военной службѣ первый оберъ-офицерскій чинъ, дѣлался потомственнымъ дворяниномъ, какого бы онъ ни былъ, по рожденію, званія. Этотъ сравнительно легкій доступъ къ потомственному дворянству не могъ, конечно, нравиться людямъ родовитымъ, стремившимся къ замкнутости и обособленности. Кн. Щербатовъ и былъ самымъ виднымъ и энергичнымъ представителемъ этихъ стремленій въ комиссіи. „Первое требованіе дворянъ древнихъ родовъ, по словамъ князя, чтобы никто съ ними безъ Высочайшей власти не былъ сравненъ. Но они, сею любовью побужденные, не затворяютъ надменностью врата для доблести, а хотятъ, чтобы желающіе войти къ намъ въ обратство—удостоились тою истинною добродѣтью, которою бы самъ монархъ увѣнчалъ дворянскимъ званіемъ“¹⁾. Мысль, что только „истинная добродѣтель“ возво-

¹⁾ Сборн. т. 36, стр. 35.

дѣть въ дворянство лицъ другихъ сословій раздѣлялась почти всеми депутатами—дворянами Екатерининской комиссіи и внесена была въ самый „проектъ правъ благородныхъ“ съ добавленіемъ, что еще „заслуги возводятъ людей на степень благородства“¹⁾. Помимо сословныхъ взглядовъ, духовенству не благопріятствовали и религіозно-политическія воззрѣнія членовъ „комиссіи о среднемъ родѣ людей“, и въ частности, того же кн. Щербатова, какъ главнаго дѣйствующаго лица въ ней. Судя по тому, что мысли ярославскаго депутата были одобрены всѣми другими членами комиссіи, можно думать, что и они были тѣхъ же самыхъ воззрѣній, что и кн. Щербатовъ. Отъ послѣдняго осталось нѣсколько историческихъ трудовъ²⁾, въ которыхъ авторъ не стѣснялся субъективными замѣчаніями по поводу тѣхъ или иныхъ историческихъ событій древней русской жизни, дающими намъ полную возможность познакомиться съ религіозно-политическими воззрѣніями князя; кромѣ того, извѣстны его рѣчи, касающіеся религіи и нѣкоторыхъ учрежденій русской церкви. Религіозно-политическія воззрѣнія кн. Щербатова неоднократно служили предметомъ изслѣдованія въ русской исторической литературѣ, такъ что по этому вопросу установились уже опредѣленные взгляды. Несомнѣнно, что мысли русскихъ передовыхъ людей екатерининскаго времени по вопросамъ религіи и церкви были прямымъ отголоскомъ либеральныхъ взглядовъ энциклопедистовъ Западной Европы, сочиненія которыхъ нарасхватъ читались и очень усердно переводились въ русскомъ образованномъ обществѣ, начиная съ самой Императрицы Екатерины II. Но несомнѣнно также, что въ ихъ философіи мысли о борьбѣ съ клерикализмомъ и взгляды на религію, какъ только на извѣстное политическое орудіе, занимали одно изъ центральныхъ мѣстъ. И Вольтеръ и Монтескье одинаково внушали Императрицѣ безпощадную борьбу съ церковной властью до полного подчиненія ея власти государственной, и, если допускали религію, то только какъ нѣкоторое орудіе, полезное въ различныхъ политическихъ цѣляхъ³⁾. Императрица вполне раздѣляла взгляды

1) Сборн. т. 32, стр. 578. Проектъ ст. 6.

2) „Исторія Россіи“; „О поврежденіи правъ въ Россіи“ и др.

3) Бѣляковъ. Отношеніе государственной власти къ Церкви и духовенству въ

своихъ прославленныхъ учителей и блистательно доказала это на дѣлѣ. И большинство образованныхъ людей русскаго общества, вслѣдъ за самодержавной властью, также внимательно прислушивалось къ антиклерикальной проповѣди западныхъ философовъ, безъ всякой критической оцѣнки усваивая ихъ мысли и взгляды. Кн. М. Щербатовъ заплатилъ должную дань духу и направленію своего времени. Въ своихъ историческихъ трудахъ онъ при всякомъ удобномъ случаѣ старается показать, какъ иногда полезна бываетъ религія въ дѣлахъ политическихъ, особенно во время войнъ и народныхъ бѣдствій, и какъ иногда вредна, если ей предоставлена слишкомъ большая сила и самостоятельность. Въ своей „Исторіи Россіи“ князь не пропускаетъ ни одного лѣтописнаго сказанія объ участіи духовенства въ дѣлахъ государственныхъ и тѣхъ или иныхъ чудесныхъ событіяхъ, чтобы потолковать на свою любимую тему¹⁾. Ему, какъ и всѣмъ западнымъ публицистамъ того времени, постоянно грезилась опасность отъ сильной церковной власти, вслѣдствіе чего настойчиво указывалась правительству необходимость уничтожить этотъ грозный призракъ. „Въ Синодѣ, говоритъ кн. Щербатовъ, имѣютъ право присутствовать для духовныхъ дѣлъ, по именованію Государя, архіереи, архимандриты и нѣсколько протопоповъ. Онъ управляется, какъ и Сенатъ, и въ немъ обрѣтается Оберъ-Прокуроръ—особа нужная въ семь мѣстѣ для недопущенія духовенству захватывать надъ гражданскими правами, къ чему они весьма склонны... Архіереи и другія духовныя особы, присутствующія въ Синодѣ, суть люди почтенные ихъ саномъ, а часто и пронырствомъ, сочиняющіе корпусъ между собою, яко безпрестанно борющійся для пріобрѣтенія себѣ больше силы, а въ сопротивленіе имъ посаженъ одинъ оберъ-прокуроръ, человекъ меньшаго чина и по большей части несчастливый (т. е. не фаворитъ) при Государѣ, то можетъ ли онъ единой силѣ ихъ сана, пронырствамъ и соединенію про-

царствованіе Екатерины II. Чт. общ. люб. дух. просвѣщ. 1874 г. т. I, стр. 125, т. 2, стр. 156.

1) Знаменскій П. Историческіе труды Щербатова и Болтина въ отношеніи къ русской церковной исторіи. Труд. Кіев. д. ак. 1862 г., т. 2, стр. 47—49.

онъ же прокуроръ, а въ Синодѣ, по именованію Государя, архіереи, архимандриты и нѣсколько протопоповъ.

тивиться? Правда, понынѣ не видно еще, чтобы архіереи многое захватили, но постороннія тому обстоятельства противились... Но я впредь не ручаюсь, заключаетъ кн. Щербатовъ, чтобъ духовный чинъ, нашедъ удобный случай, не распростеръ свою власть“. Впрочемъ есть нѣкоторыя надежды, что этого не случится, п. ч. „нынѣ царствующая Императрица (т. е. Екатерина II), *послѣдователница новой философіи*, конечно, знаетъ, до какихъ мѣстъ власть духовная должна простираться и, конечно, изъ предѣловъ ее не вынуститъ“¹⁾.

Это мнѣніе кн. Щербатова можно считать отголоскомъ большинства образованныхъ людей екатерининскаго времени, и потому можно было догадываться, какъ выскажется о духовномъ сословіи „коммиссія о среднемъ родѣ людей“, состоящая изъ лицъ, за исключеніемъ одного члена, дворянскаго и даже аристократическаго происхожденія. И какъ дворяне, и какъ послѣдователи энциклопедистовъ въ религіозно-политическихъ вопросахъ, члены комиссіи не могли не быть тенденціозными въ своихъ сужденіяхъ о духовенствѣ, тѣмъ болѣе, что имъ извѣстны были и взгляды самого правительства въ этомъ отношеніи. Приравнять духовное сословіе къ дворянскому,—это было противно ихъ сословнымъ взглядамъ; надѣлать же его правами и преимуществами особеннаго привилегированнаго класса, это не согласовалось съ ихъ религіозно-политическими возрѣніями, и казалось опаснымъ для государственной власти. А такъ какъ въ „Наказѣ“ Императрицѣ указывались только три сословныя группы (благородные, средніе и низшіе), то приходилось выбирать между ними; пришлось поставить на очередь и рѣшить вопросъ: къ какому же изъ трехъ классовъ должно быть причислено духовенство? Образовать отдѣльный, привилегированный классъ члены комиссіи не рѣшались, п. ч. въ „Наказѣ“ указаны только три сословныя группы; отступить отъ него не смѣли, п. ч. онъ данъ былъ имъ въ непремѣнное и обязательное руководство. Не даромъ же депутаты постоянно искали доказательствъ своему поло-

¹⁾ Отношеніе госуд. вл.—Чт. въ общ. люб. д. правос. 1874 г. т. 2, стр. 157—158, сравн. Ч. И. О. т. 3, стр. 69+70.

женіямъ въ „Наказѣ“ Императрицы, бывшимъ для нихъ высшимъ авторитетомъ. Все это въ совокупности—и сословныя и релігіозно-политическія воззрѣнія членовъ комиссіи о среднемъ родѣ людей“ и извѣстные взгляды „Наказа“ на количество сословныхъ группъ въ государствѣ, все это и рѣшило судьбу духовенства въ „комиссіи о среднемъ родѣ людей“.

Вопросъ о томъ, къ какому сословному классу должно быть причислено духовенство, обсуждался въ двухъ засѣданіяхъ „комиссіи о среднемъ родѣ людей“—4 декабря 1767 г. и 11 марта слѣдующаго 1768 г. Къ сожалѣнію, матеріалы—„меморіи“ этихъ засѣданій еще не изданы. Сохранились только краткія записки о нихъ извѣстнаго публициста и общественнаго дѣятеля екатерининскаго времени Н. И. Новикова. Любопытно, что за матеріалами для разсужденія по этому предмету члены комиссіи обращались къ сочиненіямъ г. Гума, т. е. англійскаго философа Юма и читали изъ нихъ выдержки „приличныя сей матеріи“. Нечего и говорить, что выводы изъ сочиненій англійскаго философа были не въ пользу духовенства, и ч. этотъ мыслитель держался вообще отрицательныхъ взглядовъ на церковь и духовенство. Изъ членовъ больше всѣхъ разсуждалъ кн. Щербатовъ. Поэтому комиссія и поручила ему составить подробную записку о правахъ „духовнаго чина“ для общаго разсмотрѣнія въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій. Черезъ два дня записка была готова. Щербатовъ склонялся, какъ и слѣдовало ожидать, къ тому заключенію, что *духовенство слѣдуетъ причислить къ среднему классу*, причемъ разныя привилегіи духовнаго состоянія полагалъ оставить только за дѣйствительно-служащими при церковныхъ учрежденіяхъ лицами, а остальныхъ лицъ духовнаго происхожденія „въ число оныхъ не полагать; но дабы оныя не находились безъ мѣстъ, то, яко мѣщане, могутъ вступать въ торги и промыслы или, которые похотятъ, въ военную службу“. Мнѣніе князя показалось настолько убѣдительнымъ для г. членовъ комиссіи, что при чтеніи этой записки, назначавшейся въ число главъ уложенія (проекта), г. члены разсуждали, что она глава расположеніемъ своимъ и полною ясностію достойна ихъ аппробаціи, а трудившійся въ сочи-

неніи оной главы г. кн. Щербаатовъ заслуживаетъ похвалу и всѣхъ гг. членовъ благодарность“. Итакъ, духовенство причислено было къ „среднему роду государственныхъ жителей“, или мѣщанскому сословію. Благодаря издательскимъ трудамъ Императорскаго историческаго общества, мы имѣемъ полную возможность познакомиться съ „проектомъ о правахъ средняго рода государственныхъ жителей“¹⁾. Проектъ—довольно подробный и подраздѣляется на нѣсколько отдѣльныхъ „главъ“ и мелкихъ „частей“. Начинается опредѣленіемъ „что есть средній родъ государственныхъ жителей, и какъ оный раздѣляется“. Послѣ указанія сословныхъ группъ, подлежащихъ войти въ „средній родъ“, слѣдуетъ опредѣленіе „общихъ правъ средняго рода людей, личныхъ и имущественныхъ“, а затѣмъ уже излагаются личныя и имущественныя права и каждой общественной группы въ отдѣльности. Составъ средняго класса обширный.

ГЛАВА I означаетъ, что есть родъ средній государственныхъ жителей, и какъ оный раздѣляется. **ЧАСТЬ I.** Объясненіе.

1. Средній родъ людей или мѣщане суть тѣ, которые обитаютъ въ городахъ и, не бывъ дворяне, ни хлѣбопашцы, упражняются въ художествахъ, въ наукахъ, въ мореплаваніи, въ торговлѣ и ремеслахъ²⁾.

2. Сверхъ того, всѣ тѣ, кои вышли и впредь выходить будутъ, не бывъ дворянами, изъ всѣхъ Ея Императорскимъ Величествомъ и высокославными Ея предками учрежденныхъ училищъ и воспитательныхъ домовъ, какого бы тѣ училища званія ни были,—духовныя или свѣтскія³⁾.

3. Также приказныхъ людей дѣти⁴⁾.

4. Подкидыши и незаконнорожденные, токмо тѣ, которые всякаго званія мѣщанами воспитаны.

5. Въ сей средній родъ людей вступаютъ, кромѣ вышеозначенныхъ, освобожденные и чужестранцы, токмо не иначе, какъ записавшись въ оный на основаніи положеннаго обряда.

¹⁾ Сборн. т. 36, стр. 179—232.

²⁾ Сравни. Наказъ, стр. 359. П. С. З. т. XVIII, № 12949.

³⁾ Сравни. Наказъ, стр. 381.

⁴⁾ Сравни. Наказъ, стр. 332.

ЧАСТЬ II. Раздѣленіе ихъ.

6. Сей средній родъ людей раздѣляется по своимъ упражненіямъ на три части: а) на упражняющихся въ наукахъ и службахъ; б) на торгующихъ и с) на упражняющихся въ разныхъ приличныхъ мѣщанству работахъ.

7. Упражняющіеся въ наукахъ и службахъ раздѣляются: а) на *благое духовенство*; б) на ученыхъ въ разныхъ наукахъ; с) на выслужившихся и приказныхъ служителей и д) на художниковъ.

Такимъ образомъ духовенство причислено было къ среднему роду, какъ извѣстная общественная группа, которая, „не бывъ дворянскою“, „упражняется въ наукахъ и службахъ“. Несомнѣнно здѣсь сказалось вліяніе „Наказа“ Екатерины II, въ проектѣ почти буквальное и дословное повтореніе всѣхъ тѣхъ признаковъ, по которымъ должны быть причисляемы различныя сословныя группы къ тому или иному „роду государственныхъ жителей“¹⁾.

Подробно указавъ составъ „средняго рода людей“, коммиссія не менѣе подробно опредѣляетъ и права лицъ этого общественнаго класса. Естественно, что сначала излагаются „общія права средняго рода *съ прочими чинами государственными*“ — личныя и имущественныя, или, выражаясь языкомъ составителей проекта, права ихъ надъ имѣніемъ“. И здѣсь составители проекта находились подъ сильнымъ вліяніемъ „Наказа“.

ГЛАВА II. Объ общемъ правѣ средняго рода людей съ прочими чинами государственными. ЧАСТЬ I. Право ихъ личное.

1. Средній родъ людей составляетъ часть членовъ государственныхъ; слѣдовательно, онъ входитъ въ общее ихъ право и долженъ онымъ пользоваться.

2. Оное общее право состоитъ: въ сохраненіи благополучія каждаго члена государственнаго, т. е. въ томъ, что всякъ изъ нихъ долженъ вѣдать, что онъ защищенъ отъ непріятели, сохраненъ отъ разбоя, грабежа и всякаго ему насилія и оскорбленія. Всякъ долженъ быть увѣренъ, что не только жизни,

¹⁾ Наказъ, стр. 380—381.

ниже здоровья, чести и ему принадлежащаго у него отнять никто не можетъ, кромѣ законовъ, и то тогда, когда, по изслѣдованіи въ винахъ его, то онъ достоинъ явиться. Итакъ, не долженъ онъ никого бояться, кромѣ своихъ худыхъ дѣлъ, влекущихъ ему, по законамъ, достойное наказаніе ¹⁾.

3. Въ томъ, что всякъ изъ нихъ, какого бы кто состоянія ни былъ, состоитъ подъ одними законами такъ, что правосудіе по законамъ для всѣхъ есть равное ²⁾.

4. Въ томъ, что всякъ изъ нихъ, кромѣ уголовныхъ дѣлъ, свободенъ отъ содержанія подъ стражей, когда токмо дастъ по себѣ добрыхъ порукъ, или положитъ вѣрный залогъ ³⁾.

5. Въ томъ, что всякъ изъ нихъ имѣетъ право отъѣзжать изъ того мѣста, гдѣ судъ по его дѣлу производится, лишь бы только представилъ по себѣ надежныхъ порукъ и повѣреннаго въ своемъ дѣлѣ (сіе разумѣется кромѣ уголовныхъ дѣлъ).

6. Въ томъ, что всякъ изъ нихъ по дѣлу своему въ судѣ имѣетъ право или самъ себя защищать или представить съ своей стороны стряпчаго или ходатая въ предписанное законами время и не быть судимъ тѣми людьми, на кого онъ имѣетъ подозрѣніе ⁴⁾.

7. Въ томъ, что если бы гдѣ публичная была работа, отъ которой бы никто изъ жителей того мѣста не исключался, то всякъ отъ нея свободенъ, кто вмѣсто себя поставитъ работника ⁵⁾.

ЧАСТЬ II. Личное право ихъ надъ имѣніемъ.

10. Въ томъ, что каждаго изъ нихъ наследное имѣніе описано быть не можетъ, а и за долги описывается только та часть, которая довольно на заплату долговъ его ⁶⁾.

Послѣ общихъ „съ прочими чинами государственными“ правъ слѣдуютъ спеціальныя права „людей средняго рода“—личныя и имущественныя.

¹⁾ Сравни. Наказъ, п. 3, 33, 35, 39 и 244.

²⁾ Сравни. Наказъ, п. 34—35.

³⁾ Сравни. Наказъ, п. 334.

⁴⁾ Сравни. Наказъ, п. 116, 126—127.

⁵⁾ Мы выписываемъ статьи, болѣе или менѣе близко относящіяся къ нашей темѣ; прочія же выпускаемъ.

⁶⁾ Сравни. Наказъ, п. 341. Въ этомъ пунктѣ авторъ Наказа ссылается на „Великую хартію“ (Англій).

ГЛАВА III. Обѣ общемъ правѣ мѣщанъ. ЧАСТЬ I. О правѣ ихъ личномъ.

1. Мѣщане, показанные въ 1 главѣ (т. е. всѣ причисленные къ среднему роду), *суть люди свободные*, зависящіе отъ государя и учрежденныхъ на то правительствъ и управляемые по законамъ, *и своей свободы никогда не теряютъ, такъ что хотя бы и сами того захотѣли, однако укрѣплены быть не могутъ* ¹⁾.

2. Всякій мѣщанинъ воленъ избирать себѣ званіе и службу, сходную его роду, по желанію своему, такъ что противъ воли его принудить его къ тому никто не можетъ ²⁾.

3. Всякій мѣщанинъ имѣеть право, по желанію своему, переходить изъ одного мѣщанскаго состоянія *въ другое осякое мѣщанское же состояніе*, давъ о томъ вѣдать учрежденнымъ на то правительствомъ и имѣя къ тому пристойныя качества.

Въ примѣненіи къ духовенству содержаніе этой статьи нельзя назвать достаточнымъ и полнымъ. Духовенство, какъ намъ извѣстно, не желало замкнутости и обособленности, предоставляя свободный доступъ къ духовному званію лицамъ всѣхъ другихъ сословій, не исключая и низшаго. По смыслу же приведенной статьи оно могло принимать въ свою среду только изъ своего же класса—мѣщанскаго; слѣдовательно, и дворяне, и лица низшаго (третьяго) класса лишались возможности посвятить себя, даже въ случаѣ дѣйствительнаго призванія, пастырскому служенію.

13. Всякій мѣщанинъ имѣеть право достигать вѣчнаго и потомственнаго себѣ награжденія, т. е. дворянства, но не иначе, какъ тѣми законами достоинства, кои въ главѣ о правахъ дворянскихъ назначены ³⁾.

ЧАСТЬ II. О правѣ ихъ надъ имѣніемъ.

18. Мѣщане имѣютъ право владѣть городскими и загородными домами и, платя въ казну по установленію и по личному ихъ праву, ими пользоваться ⁴⁾.

19. Мѣщанинъ, будучи прямой стяжатель и властелинъ

1) Сравни. Наказъ п. 379.

2) Сравни. Наказъ п. 57.

3) Сравни. Наказъ, п. 380.

4) Сравни. Наказъ, п. 394.

своего имѣнія, можетъ всякія сдѣлки, покупки, продажи и завѣщанія, по личному своему праву и по законамъ, чинить невозбранно ¹⁾).

20. Мѣщанинъ, имѣя дѣтей или наслѣдниковъ, къ наслѣдству неспособныхъ, оставляя имъ довольное пропитаніе, можетъ имѣніе свое отдать прочимъ своего рода, а безродный—тому, кому заблагоразсудится ²⁾).

22. Всякій мѣщанинъ имѣетъ право нанимать къ себѣ въ домашнія услуги или въ работы вольныхъ и крѣпостныхъ людей, имѣющихъ прокормежныя письма, но самъ у себя крѣпостныхъ имѣть не можетъ.

28. Мѣщанка, вышедшая за крѣпостного человѣка замужъ, не только мужу и дѣтямъ, съ нимъ прижитымъ, свободы и права мѣщанскаго не сообщаетъ, но и сама оныхъ лишается до смерти своего мужа; по смерти же онаго свободу и право мѣщанское она получаетъ обратно; слѣдовательно, во время замужества своего не можетъ получить никакого наслѣдства мѣщанскаго; по смерти же мужа, получа обратно право мѣщанское, всего по мѣщанству наслѣдницею быть можетъ; однако того наслѣдства, которое во время ея замужества ее миновало, уже не возвращаетъ.

30. Всякій мѣщанинъ, положи за себя означенную учрежденіемъ сумму, можетъ откупиться вѣчно самъ и потомство свое отъ всякихъ казенныхъ денежныхъ податей.

Изъ „общихъ мѣщанскихъ правъ“ нами приведены только тѣ статьи, которыми такъ или иначе приходилось пользоваться духовенству, помимо его особенныхъ, спеціальныхъ правъ, отличавшихъ его отъ другихъ сословныхъ группъ мѣщанскаго класса. Права же собственно духовенства изложены въ 3-хъ отдѣльныхъ частяхъ IV главы.

ЧАСТЬ I. Объясненіе.

1. Бѣлое священство раздѣляется на священно-служителей и церковно-служителей.

2. Священно-служители суть тѣ, которые священнодѣйствуютъ, т. е. протоіерей, іерей, протодіаконъ и діаконъ.

¹⁾ Сравни. Наказъ, п. 394.

²⁾ Сравни. Наказъ, п. 407.

3. Церковно-служители суть тѣ, которые служатъ при церкви: иподьяконы, чтецы, пономари и прочіе, какъ положеніе о семъ церковное есть, которые дѣйствительно при церквахъ обрѣтаются.

Примѣчаніе. Словомъ „дѣйствительныхъ“ разумѣются тѣ, кои по установленному числу къ церквамъ приписаны, ибо такіе, которые хотя и при церквахъ обрѣтаются, но сверхъ положеннаго числа, въ право сіе не входятъ.

4. Въ саны священно-и-церковно-служителей входятъ по учивенному учрежденію ради постановленія ихъ.

Это объясненіе „коммиссіи о среднемъ родѣ людей“ ни въ какомъ случаѣ не могло удовлетворить духовенствѣ, какъ о томъ откровенно и заявлено было Св. Синодомъ, которому коммиссія представила проектъ на разсмотрѣніе. Св. Синодъ совершенно справедливо замѣтилъ, „что положеніе помянутой коммиссіи относится не до всего вообще духовенства“¹⁾; въ ея проектѣ вовсе не упомянуто о цѣлой группѣ русскаго общества—монашествѣ и высшемъ духовенствѣ, съ которымъ бѣлое духовенство, разумѣя подъ послѣднимъ приходскихъ священно-и-церковнослужителей, „столь есть соединено, что одно безъ другаго существенно быть не можетъ“²⁾. Нужно замѣтить, что коммиссія въ данномъ случаѣ сама себѣ противорѣчила. Развивая мысль „Наказа“ Императрицы, что „средній родъ людей или мѣщане суть тѣ, которые обитаютъ въ городахъ и, не бывъ дворяне, не хѣтѣбодашцы, упражняются въ *службахъ и наукахъ*“ и т. д., составители проекта не должны были обойти молчаніемъ монашествующее духовенство и высшее и низшее, если бы строго слѣдовали логикѣ, и ч. о. объ этомъ классѣ русскаго общества недѣла никакъ сказать, что члены его „не упражняются въ службахъ и наукахъ“. Напротивъ, богословская наука въ Россіи (да и не одна богословская) разрабатывалась почти исключительно ученымъ монашествомъ, труды котораго, напр. Преосвященнаго Гавріила, очень высоко цѣнились даже Россійскою Академіей наукъ и имѣли большое значеніе; по словамъ историка высшаго ученаго учрежденія Россіи—г. Сухомлинова, ни одинъ фило-

¹⁾ Сборн. т. 86, стр. 187.

²⁾ Сборн. т. 86, стр. 187.

логическій споръ въ екатерининское время не рѣшался академиками безъ участія Преосвященнаго Гавріила, голосъ котораго въ этомъ отношеніи всегда высоко цѣнился его учеными собратами ¹⁾). Нельзя, сказать, чтобы монашествующее духовенство „не упражнялось и въ службахъ“. По крайней мѣрѣ, высшее то духовенство всегда было въ курсѣ общественно-государственной жизни русскаго народа, принимая участіе почти во всѣхъ событіяхъ—радостныхъ и печальныхъ—своей родины. Т. О. члены комиссіи, слѣдуя логикѣ, должны бы отвести въ своемъ проеѣктѣ подобающее мѣсто и монашествующему духовенству. Кроме того, „при положеніи бѣлому духовенству правъ, по справедливому замѣчанію Синода же, не видно, чтобы въ разсужденіе входили особливныя права бѣлаго жъ духовенства малороссійскаго“ ²⁾). А между тѣмъ послѣднее, какъ извѣстно, обстоятельно и подробно изложило и мотивировало свои сословныя *ria desideria*, исцестривъ свои пункты массою ссылокъ на всевозможные законы и литовскіе, и польскіе, и русскіе—московскихъ царей и россійскихъ Императоровъ и Императрицъ. Въ виду этихъ соображеній Св. Синодъ и предложилъ г.г. составителямъ, „чтобы при разсужденіи о родѣ и правахъ духовенства положенію быть о всемъ вообще духовенствѣ, а не объ одной его части, ибо существо одуховенства во всѣхъ есть едино, поелику всѣхъ духовныхъ званіе состоитъ въ священнодѣйствіи и учительствѣ, и нижнее (названо въ комиссіи бѣлымъ) духовенство съ высшимъ столь соединено, что одно безъ другого существенно быть не можетъ“ ³⁾). Но такъ какъ въ духовенствѣ иные суть правительствующіе, яко-то: митрополиты, архіепископы, епископы, архимандриты, игумены, протоіереи, а другіе правительствуемые, яко-то: іеромонахи, священники, протодьяконы, дьяконы, внодіаконы и церковнослужители, то поему вмѣсто того, чтобы одну часть духовенства именовать бѣлымъ, правдлить а на высшее и низшее духовенство, дабы поды именемъ перваго заключились лица правительствующія, поды именемъ втораго—

¹⁾ Исторія россійск. академіи наукъ. М. И. Сухолиннова, в. 1. Статья о Преосвященномъ Гавріилѣ.

²⁾ Сборн. т. 86, стр. 187.

³⁾ Сборн. т. 86, стр. 187.

правительствуемые. И какъ нижнему, названному бѣлымъ, духовенству права отъ комиссіи о среднемъ родѣ людей назначены, то справедливо требуется, чтобъ и высшему положены были¹⁾. Въ свою очередь и комиссія не оставила безъ „объясненія“ замѣчаній Св. Синода и „за нужно сочла предложить, съ какими мыслями главу сію сочинила“. Аргументація г.г. составителей проекта очень несложная, хотя и не совсѣмъ ясная и понятная. Комиссія поясняетъ, что она и „не имѣла намѣренія вообще всему духовенству права предписывать, но единственно одной его части, т. е. той, которые сожитіемъ своимъ плотскимъ въ правы мірскія входятъ, и кои не токмо для благоденствія своего нѣкоихъ правъ, присвоенныхъ къ ихъ лицамъ, еще и для дѣтей своихъ опредѣленныхъ правъ требуютъ“, п. ч. только на это имѣла полномочіе отъ дирекціонной комиссіи, снабдившей ее опредѣленно-выработаннымъ правомъ²⁾. Къ сожалѣнію плана этого, за неимѣніемъ данныхъ, мы не знаемъ. Но если бы даже у комиссіи и не было извѣстной инструкціи, дававшей то или иное направленіе ея трудамъ, все же она не считала себя компетентной „касаться до правительствующаго духовенства и до сопряженія разныхъ степеней всего духовенства, которыя должны относиться къ догматамъ вѣры и къ праву церковному, которое есть чиноположеніе, или обряды, на вѣрѣ основанные“. Это „уже до частной комиссіи о среднемъ родѣ людей, трудящейся единственно въ положеніи правъ единой части жителей Имперіи, принадлежать не можетъ“³⁾. На замѣчаніе же Св. Синода, почему комиссія не внесла въ проектъ и бѣлаго малороссійскаго духовенства, послѣдняя отвѣтила, что „понеже сочиняется не частное, но общее уложеніе,—а вся Малороссія состоитъ на особливыхъ привиллегіяхъ, о коихъ разсужденіе до комиссіи не принадлежитъ“⁴⁾. Въ этомъ случаѣ комиссія была права, п. ч. дѣйствительно не имѣла никакого права обсуждать исключительныя привилегіи жителей Малороссіи. Даже въ большомъ собраніи маршалъ присужденъ былъ прекратить споры объ исключительныхъ привиллегіяхъ Мало-

1) Тамъ же.

2) Сборн. т. 36, стр. 188.

3) Сборн. т. 36, стр. 188.

4) Сборн. т. 36, стр. 189.

россiи, Лифляндіи и Эстляндіи, заявивъ, что „Коммиссія, за силою XV статьи Обряда ¹⁾, не можетъ входить ни въ какое разбирательство, касающееся до правленія, зависящаго единственно отъ Монаршей власти“ ²⁾. И сама Императрица впоследствии дала знать Коммиссіи чрезъ генераль-прокурора кн. Вяземскаго, что обсужденіе правъ и привилегій Малороссіи, какъ равно и нѣкоторыхъ другихъ областей Россійской Имперіи, находящихся въ исключительномъ положеніи, не принадлежитъ коммиссіи: „быть или не быть“ ихъ „вольностямъ“ зависятъ только отъ одной самодержавной власти, раздающей милости своимъ подданнымъ по личному благоусмотрѣнію.

Что же касается до „примѣчанія“ къ 3 статьѣ „объясненія“, по которой въ числѣ церковно-служителей отнесены только т. н. „дѣйствительные“, т. е. „тѣ, кои по установленному числу къ церквамъ приписаны, ибо такіе, которые хотя и при церквахъ обрѣтаются, но сверхъ положеннаго числа, въ право сіе (т. е. духовенства) не входятъ“, то здѣсь несомнѣнно отразилось вліеніе члена коммиссіи „о среднемъ родѣ людей“, кн. Щербатова. Именно по его мысли составители проекта оставили привилегіи духовнаго состоянія только за церковно-служителями, состоящими на дѣйствительной службѣ; всемъ же остальнымъ, сверхштатнымъ, предоставили право „вступать въ торги и промыслы, или, которые похотятъ, въ военную службу“. Несомнѣнно также, что этимъ „примѣчаніемъ“ духовенство не могло быть довольно. Правда, перспектива сдѣлаться болѣе или менѣе состоятельнымъ торговцемъ или промышленникомъ не могла не предъщать бѣдныхъ церковно-служителей, но съ другой стороны трудность „выбиться“ за бѣдностью, въ порядочные торговцы; многочисленность сверхштатныхъ церковно-служителей и, наконецъ, необходимость лишенія всѣхъ, исключительно бѣдному духовенству принадлежащихъ сословныхъ привилегій, и зачисленія въ ряды податнаго класса;—все это не могло не возбуждать неудовольствія въ средѣ церковно-служителей, привыкшихъ искони относить себя къ духовному званію и, хотя отчасти, раздѣлять

¹⁾ П. С. З. т. XVIII, № 12948.

²⁾ Сборн. т. 32, стр. 346.

почести, соединенныя съ нимъ. Кромѣ того, не могла не беспокоить клириковъ и судьба ихъ родныхъ дѣтищъ, обыкновенно очень многочисленныхъ у духовныхъ лицъ, между которыми (дѣтьми) было не мало недоучекъ, слѣдовательно, прямыхъ кандидатовъ въ податной классъ, особенно, если принять во вниманіе недостаточность церковнослужительскихъ мѣстъ ¹⁾).

ЧАСТЬ II. Право ихъ личное.

5. Священно-служители, яко люди особливо посвященные къ законно-божественной службѣ и суть учителя народные, должны пользоваться особливымъ почтеніемъ и уваженіемъ къ ихъ саву отъ мірянъ, а за учиненную имъ обиду *излишнее* полагается наказаніе, какъ о томъ закономъ положено. „Излишнее“, очевидно, только сравнительно съ прочими мѣщанами или „людьми средняго рода“, къ которому духовенство было причислено. Намъ извѣстно, какія наказанія налагались за оскорбленія и обиды духовныхъ лицъ; это—незначительные денежные штрафы, которые, по признанію самаго духовенства, были бессильны для огражденія его, тѣмъ болѣе, что за безчестіе, напр., уѣздныхъ и безмѣстныхъ священниковъ назначался меньшій штрафъ, чѣмъ за тяглыхъ лучшихъ людей. Коммиссія, предлагая за учиненную духовнымъ лицамъ обиду *излишнее* наказаніе, дѣлала шагъ впередъ сравнительно съ нѣкоторыми изъ прежнихъ узаконеній въ этомъ отношеніи, и могла отчасти удовлетворить требованья духовенства, но своей неопредѣленностью и заключительною ссылкой, „какъ о томъ закономъ положено“, уничтожала значеніе и силу своего опредѣленія, п. ч. прежнее законодательство, какъ мы видѣли, не гарантировало личности духовнаго лица отъ обидъ и оскорбленій. Къ тому же составители проекта предложили *излишнее* наказаніе сравнительно только съ остальными мѣщанами, между тѣмъ какъ духовенство домогалось уравниенія въ этомъ отношеніи съ лучшими людьми“, т. е. „благородными“. Иное постановленіе предложено „духовно-гражданской“ комиссіей.

¹⁾ О малочисленности церковно-служительскихъ мѣстъ могутъ свидѣтельствовать т. н. „разборъ церковниковъ“, неоднократно производившіеся правительствомъ Евкатерины II.

Чтобы оградить духовенство отъ обидъ и оскорбленій, члены ея проэктировали установить опредѣленные взысканія, сравнивъ, въ отношеніи наказуемости за понесенныя духовными лицами безчестія, митрополитовъ съ фельдмаршалами, архіепископовъ — съ генераль—аншефами, епископовъ — съ генераль—поручиками, іеромонаховъ и протопоповъ соборныхъ — съ секундъ—майорами, бѣлыхъ священниковъ — съ поручиками, дьяконовъ — съ прапорщиками и т. д. При этомъ комиссія сочла нужнымъ оговориться, что такое соотвѣтствіе допущено ею только для большей точности, но что во всѣхъ другихъ отношеніяхъ между чинами свѣтскими и саномъ духовнымъ нѣтъ ни малѣйшаго сходства, ни подобія ¹⁾).

6. Священно-служители и „дѣйствительные“ церковно-служители освобождаются какъ самолично, такъ малолѣтныя и при школахъ обрѣтающіеся ихъ дѣти, до опредѣленныхъ о нихъ особливимъ учрежденіемъ лѣтъ, отъ поголовныхъ денегъ и податей, кои собираются съ мѣщанъ въ казну, или бываютъ налагаемы отъ гражданскаго правительства съ ихъ лицъ.

И эта статья не вполне отвѣчала желаніямъ духовенства, во 1-хъ потому, что не освобождала отъ поголовныхъ податей т. н. „недѣйствительныхъ“, т. е. сверхштатныхъ церковно-служителей, въ число которыхъ легко могъ попасть и каждый „дѣйствительный“ и во 2-хъ потому, что не дѣлала свободными отъ нихъ дѣтей духовенства, но только „до опредѣленныхъ о нихъ особливимъ учрежденіемъ лѣтъ“.

7. Священно-служители и „дѣйствительные“ церковно-служители и дѣти ихъ, какъ малолѣтныя, такъ и при школахъ обучающіеся, до опредѣленныхъ особливимъ о нихъ учрежденіемъ лѣтъ, хотя средняго рода люди, имѣютъ право не быть причисляемы въ число другихъ мѣщанъ для рекрутскаго набора.

Постановленіемъ этимъ духовенство также не могло быть вполне довольно, п. ч. и здѣсь, какъ и въ предыдущей статьѣ, дѣти его не освобождались совершенно отъ рекрутчины, а опять только до извѣстныхъ „особливимъ учрежденіемъ опредѣленныхъ лѣтъ“.

¹⁾ Рукопись № 415. Меморіалъ дух.-гражданской комиссіи. Предупрежденіе. Предметъ XXVIII, л. 332—336.

8. Священно-служители и дѣйствительные церковно-служители не могутъ ни въ какія гражданскія службы избираться.

9. Ниже противу ихъ изволенія быть опредѣлены въ опекуны.

10. Священно-служители и церковно-служители по духовнымъ и церковнымъ дѣламъ подсудны единымъ духовнымъ властямъ.

11. Священно-служители и дѣйствительные церковно-служители по гражданскимъ дѣламъ не могутъ быть судимы безъ депутата, присланнаго изъ духовнаго правленія.

Послѣднія двѣ статьи прямо уже отвѣчали желаніямъ приходскаго духовенства, изъявлявшаго, какъ извѣстно, полную готовность судиться по гражданскимъ дѣламъ у свѣтскихъ судей, тѣмъ болѣе еще съ депутатомъ отъ своей стороны. Развѣ только нѣкоторая неполнота ихъ (мы разумѣемъ умолчаніе проекта) относительно предварительнаго разслѣдованія преступленій могла возбуждать неудовольствіе духовныхъ лицъ, п. ч. давала возможность свѣтскимъ судьямъ безнаказанно злоупотреблять своей властью и подвергать священнослужителей, какъ мы видѣли, даже тюремному заключенію до рѣшенія дѣла. Но зато слѣдующая статья вносила нѣкоторое успокоеніе, по которой

12. Священно-служители и дѣйствительные, имѣющіе рукоположеніе церковно-служители, не могутъ быть тѣлесно наказаны до снятія съ нихъ сана ихъ.

Правда, священно-служители не освобождались совершенно какъ благородные отъ позорныхъ экзекуцій¹⁾, а только пока носили священныи санъ, но и это постановленіе было уже большою привиллегіей, п. ч. тѣлесныя наказанія духовныхъ лицъ въ ихъ санахъ практиковались нерѣдко, да и само духовенство, какъ извѣстно, просило пока именно только этого права; не надѣясь, можетъ быть, на полную свободу отъ позорныхъ наказаній, такъ ронявшихъ его престижъ въ глазахъ подлыхъ людей.

13. Священно-служители и дѣйствительные церковно-служители не могутъ быть принуждаемы ни къ какой публичной работѣ, ни къ платежу за оную, кромѣ той, которая есть для

1) Сборн. т. 32, стр. 579, гл. II, ст. 4.

чистоты и спокойствія города, и то токмо противъ ихъ дворовъ, т. е.: мощенія мостовой, чищенія улицы, каналовъ, стоковъ и прочаго, какъ о томъ опредѣлено въ распоряженіе о полиціи“.

Содержаніе этой статьи, безъ сомнѣнія, свидѣтельствуешь, что всѣ многочисленныя и подробныя жалобы духовенства—и городского и сельскаго—на тяжесть указанныхъ здѣсь общественныхъ повинностей остались „гласомъ воіующаго въ пустынь“. Составители проэкта провели такое именно постановленіе, которое болѣе всего могло не нравиться духовенству. Но какъ бы въ утѣшеніе ему постановили, что

14. Священнослужители могутъ ѣздить въ каретахъ.

Любопытно, что здѣсь слѣдуетъ ссылка на 306 „Наказа“ Императрицы Екатерины II, въ которой говорится о славолубіи и гордости, и о значеніи ихъ въ жизни общества и человѣка ¹⁾. Можетъ быть комиссія, дозволяя священнослужителямъ ѣздить въ каретахъ, имѣла въ виду возбудить въ духовныхъ лицахъ благородное соревнованіе, привить къ нимъ нѣкоторую долю славолубія, и чрезъ послѣднее развить въ нихъ „раченіе, учтивость, вкусъ, изящество“ и др. блага, происходящія отъ этой добродѣтели.

15. Священно-и-церковно-служительскія дѣти имѣютъ преимущественно входъ предъ другими во всѣ учрежденныя при епархіяхъ семинаріи и другія училища.

ЧАСТЬ III. Личное право ихъ надъ имѣніемъ.

16. Въ домахъ священнослужителей и дѣйствительныхъ церковно-служителей, въ *тѣхъ токмо, гдѣ они сами живутъ, по нѣскольку покоевъ, съ различеніемъ по степенямъ ихъ сановъ*, освобождены отъ постоевъ или отъ платежа за оныя“.

Едва-ли приходское духовенство вполнѣ было довольно этимъ

¹⁾ Вотъ эта статья: „Но славолубіе есть столь твердая подпора правленію, сколь опасна гордость. Въ увѣреніе сего должно только представить себѣ съ одной стороны безчисленное множество благъ, отъ славолубіи происходящихъ; отсюда раченіе, науки и художества, учтивость и вкусъ, а съ другой стороны, безконечное число золъ, рождающихся отъ гордостей нѣкоторыхъ народовъ; лѣность, убожество, отвращеніе отъ всего, истребленіе народовъ, случайно или во власть пришедшихъ, а потомъ и ихъ самыя гибель“. П. С. З. Т. XVIII, стр. 245—246.

постановленіемъ комиссіи. Его единодушнымъ желаніемъ была полная свобода отъ „постоевъ воинскихъ командъ“; здѣсь же—только относительная. Освобождались отъ этой повинности: во 1-хъ только жилия помѣщенія духовенства; слѣдовательно, всѣ другія могли быть занимаемы войсками и во 2-хъ не всѣ и жилия помѣщенія освобождались, а лишь „*по нѣсколькѣ покоевъ*“, да и то съ „различеніемъ по степенямъ сановъ“ священнослужителей. Къ тому же самая неопредѣленность статьи могла возбуждать опасенія духовенства, п. ч. давала возможность полиціи злоупотреблять своей властью и толковать смыслъ постановленія по своему произволу. И это вполнѣ вѣроятно, п. ч. городскія власти, какъ мы знаемъ, позволяли себѣ игнорировать иногда даже правительственные указы, освобождавшіе духовенство, по крайней мѣрѣ часть его, отъ ненавистныхъ для него „постоевъ воинскихъ командъ“. Все таки сравнительно съ общимъ мѣщанскимъ правомъ здѣсь уже нѣкоторое преимущество, нѣкоторая привиллегія бѣлому духовенству. Еще большая привиллегія предоставлялась приходскому духовенству слѣдующей статьей, которая шла прямо на встрѣчу желаніямъ духовныхъ лицъ и могла только радовать ихъ. Этой статьей

17. Священно-служители и дѣйствительные церковно-служители съ домовъ своихъ, въ которыхъ они сами живутъ, освобождены отъ рогаточнаго караула, отъ хожденія на пожаръ, отъ представленія сотскихъ и десятскихъ, или отъ платежа за оное.

Наконецъ, бѣлое духовенство ничего, кажется, не могло имѣть и противъ послѣдней статьи проекта, по которой

18. Священно-служители и церковно-служители (уже всѣ, а не одни дѣйствительные) могутъ имѣть въ томъ городѣ, гдѣ мѣщанами написаны, на дворахъ своихъ харчевни, постоянные дворы, погреба, лавки для съѣстнаго, цырюльни, избы, амбары, для отдачи въ наймы, кому такіе промыслы принадлежатъ, съ надлежащимъ платежемъ въ казну и мѣщанство.

Въ 3-хъ статьяхъ т. о. изложены всѣ имущественныя права бѣлаго духовенства. Правда, къ духовенству относились и нѣкоторыя общія статьи „о правѣ мѣщанъ надъ имѣніемъ“, ко-

торами оно могло руководиться въ извѣстныхъ случаяхъ. Но въ общемъ, конечно, нельзя не признать слишкомъ большой скромности у г.г. составителей проекта по вопросу объ имущественныхъ правахъ бѣлаго духовенства. Впрочемъ, неполнота выработанаго „коммиссіею о среднемъ родѣ людей“ проекта отчасти дополняется постановленіями „духовно-гражданской коммиссіи“, удѣлившей значительную долю вниманія матеріальнымъ интересамъ приходскаго духовенства.

Духовно-гражданская коммиссія прежде всего устававляетъ принципиальную, исходную точку зрѣнія, на основаніи которой и дѣлаетъ свои дальвѣйшія заключенія по данному вопросу. Взгляды членовъ ея въ этомъ отношеніи почти нисколько не разнятся отъ взглядовъ самого правительства, которыя высказаны были Императрицей Екатериной II въ извѣстной рѣчи къ членамъ Св. Синода по поводу секуляризаціи церковныхъ имѣній ¹⁾. „Духовно-гражданская коммиссія за нужно почитаетъ, чтобъ существо церковнаго имѣнія составляли такія токмо вещи и доходы, кои бы наименѣе причиняли заботы тѣмъ лицамъ, коимъ управленіе онымъ имѣніемъ препоручено будетъ, а наипаче, чтобъ самизъ духовныхъ лицъ не вовлекало еіе имѣніе ни въ какія не только судебныя дѣла и хлопоты, но и не подавало бы имъ повода ни къ какимъ соблазнамъ“ ²⁾. Установивъ эту общую точку зрѣнія, коммиссія дѣлаетъ отсюда логически-правильный выводъ, что „недвижимыя имѣнія прямо и навсегда церкви принадлежатъ не будутъ, и духовныя лица отъ непосредственнаго управленія церковнымъ имѣніемъ исключаются для того, что сіе не токмо не приличествуетъ ихъ званію, но еще препятствуетъ только къ исправленію имъ и безъ того важныхъ должностей“ ³⁾. Равнымъ образомъ, и всѣ духовныя лица, какъ монашествующія, такъ и „бѣльцы“, не могутъ пріобрѣтать себѣ недвижимыя имѣнія, „ни деревнями владѣть“ ⁴⁾. Но въ силу нѣкоторыхъ практическихъ соображеній духовно-гражданская

¹⁾ См. рѣчь Екатерины у Вильбасона. Исторія Екатерины II, т. II, гл. XIII, стр. 246—247.

²⁾ Рукопись № 415, л. 317 об.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Рукопись № 415, л. 318.

коммиссія вынуждена была сдѣлать небольшія отступленія отъ первоначальнаго положенія, и относительно недвижимыхъ имѣній церковныхъ и—права духовныхъ лицъ на нихъ. Порѣшивъ въ принципѣ, что „недвижимыя имѣнія прямо и навсегда церкви принадлежать не будутъ“, члены коммиссіи допускаютъ однако возможность церковныхъ владѣній, земель, дворовъ, мельницъ, да и самыхъ фабрикъ и деревень, „не яко имѣній“ въ собственномъ смыслѣ, „но яко предлоговъ или способовъ къ приращенію только всеобщаго церковнаго имѣнія служащихъ, а отнюдь не для особенной выгоды какой-либо церкви или монастыря изысканныхъ“¹⁾. Эта туманная фраза, кажется, заключаетъ въ себѣ тотъ смыслъ, что члены коммиссіи признавали необходимымъ извѣстныя владѣнія у церквей въ цѣляхъ удовлетворенія обще-церковныхъ нуждъ, потребностей всей церкви и ея „служащихъ“, а не отдѣльнаго какого-либо прихода или монастыря. Правда, сборъ доходовъ съ этихъ церковныхъ „имѣній, не яко имѣній, но яко предлоговъ“, поручался извѣстной церкви или монастырю, но это—только для удобства и легкости сборовъ, церковь же или монастырь не могли смотрѣть на эти имѣнія, какъ на свою собственность; доходы съ нихъ шли на общецерковныя нужды и распредѣлялись между всѣми нуждающимися приходскими церквами и монастырями и ихъ „служащими“²⁾. Они составляли собственность Государя, который „властенъ и впредь предлоги или способы къ приращенію всеобщаго церковнаго имѣнія опредѣлять и жаловать“, но „властенъ также оныя и уничтожить, сирѣчь, назадъ взять при излишествѣ того (всеобщаго церковнаго имѣнія) и по другимъ важнымъ и нужнымъ обстоятельствамъ, и для приращенія другихъ доходовъ отдать“³⁾.

Въ число указанныхъ церковныхъ „имѣній, не яко имѣній, но яко предлоговъ“ духовно-гражданская коммиссія включила также и вклады въ церкви, какого бы они (вклады) рода и вида не были, дорогія-ли вещи, строенія-ли, цѣлыя-ли даже населенныя деревни. Принимать вклады разрѣшалось безпрепятственно

¹⁾ Рукопись № 415, л. 318.

²⁾ Рукопись № 415, л. 318.

³⁾ Рукопись № 415, л. 318 об.

каждой церкви и каждому монастырю, но непременно подъ известнымъ условіемъ, именно: вклады „съ завѣщаніемъ“ дозволялось брать только „на время известное и определенное, на примѣръ, на 30 лѣтъ“, и ни въ какомъ случаѣ не считать ихъ „неотъемлемыми“¹⁾. Самое употребленіе вкладовъ должно быть предоставлено благоусмотрѣнію Государя и правительства, а не „дателя“, и только „вещами тлѣнными“ вкладчикъ могъ распоряжаться по своему желанію, „но не въпротивность токмо правилъ о благолѣпії церковномъ предписанныхъ“²⁾. Для духовенства эти вклады могли имѣть не маловажное значеніе: на доходы съ нихъ, по мнѣнію комиссіи, можно было позволить священнослужителямъ строить себѣ дома и „содержать ихъ въ починкѣ“, чего, какъ мы знаемъ, усердно домогалось велико-русское духовенство. Духовно-гражданская комиссія находила постройку священнослужительскихъ домовъ на средства „церковной казны“ очень практичной, считывая этимъ, между прочимъ, и побудить духовенство содержать свои жилища въ большей чистотѣ и порядкѣ, „черезъ что послѣднія могли дольше сохраняться“, п. ч. въ случаѣ доказаннаго „небрежія“ священнослужители подвергались значительному денежному штрафу,—и дать возможность духовнымъ лицамъ имѣть „всѣмъ равный покой противу равныхъ же себѣ и лучшую удобность ко исправленію должностей своихъ“,—и, наконецъ, у городскихъ священнослужителей отнять „всѣ предлоги къ роптанію и ко испрошенію всякихъ свободностей для домовъ своихъ“³⁾.

Получая известную долю вспоможенія отъ т. н. церковныхъ „предлоговъ“, духовенство, по мнѣнію духовно-гражданской комиссіи, могло даже имѣть и свои собственныя недвижимыя имѣнія. Это исключеніе допускалось впрочемъ не для всѣхъ духовныхъ лицъ, а только для тѣхъ, которыя вступали въ ряды духовенства изъ другихъ сословій и владѣли прежде недвижимымъ имѣніемъ. Комиссія была вынуждена сдѣлать это отступленіе отъ первоначальнаго постановленія

1) Рукопись № 415, л. 319.

2) Рукопись № 415, л. 318 об. и 319.

3) Рукопись № 415, л. 319 об. и 320.

своего съ тою цѣлю, чтобы привлечь къ духовному званію и дворянъ и лицъ другихъ сословій. Въ противоположность „коммисіи о среднемъ родѣ людей“, члены духовно-гражданской коммисіи не считали возможнымъ причислить духовенство къ мѣщанству, а находили необходимымъ выдѣлить его въ особый привилегированный классъ русскаго общества, чтобы лишить его замкнутости и обособленности ¹⁾.

Понятно, дворянина, пожелавшаго сдѣлаться духовнымъ лицомъ, не могъ не смущать вопросъ о правѣ его на пользованіе своимъ недвижимымъ имѣніемъ, тѣмъ болѣе, что, привыкнувъ къ матеріальной обеспеченности, онъ всегда ожидалъ встрѣтить въ новомъ положеніи одну голую нужду и бѣдность. Понятно также, что нужна была очень сильная воля и высокое религіозное воодушевленіе, чтобы въ виду такой неблагоприятной перспективы дворянинъ могъ легко и безповоротно рѣшиться принять на себя званіе приходскаго пастыря. Имѣя въ виду подобныя затруднительныя обстоятельства, духовно-гражданская коммисія, „основываясь единственно на простомъ своемъ разсудкѣ“, и постановила „не лишать наследственнаго права“ священнослужителей изъ дворянъ на ихъ недвижимыя имѣнія, а также „отрѣшать родственниковъ ихъ отъ наследства послѣ смерти ихъ, сирѣчь послѣ вступившихъ въ духовенство, по справедливости не можно“ ²⁾.

Духовно-гражданской коммисіей допускались и еще нѣкоторые другіе источники къ матеріальному обезпеченію приходскаго духовенства, кромѣ указанныхъ нами, болѣе или менѣе неопредѣленныхъ, непрочныхъ и случайныхъ. Это источники естественныя, вытекающіе изъ самаго положенія человѣка. Какъ всякій членъ гражданскаго общества, священнослужитель можетъ „содержать себя значеніемъ“ и своими трудами, которые могутъ быть очень разнообразны, лишь бы не отвлекали его отъ исполненія прямыхъ и непосредственныхъ пастырскихъ обязанностей и не были предосудительны „достоинству ихъ саяновъ“ ³⁾. Епископу, на примѣръ, уже ни въ какомъ случаѣ, по мнѣнію коммисіи, неприлично „приобрѣтать имѣніе столяр-

¹⁾ Рукопись № 415, л. 323 и 324 — 325.

²⁾ Рукопись № 415, л. 323 об.

³⁾ Рукопись № 415, л. 323 и 324.

нымъ ремесломъ¹⁾, какъ и дворянину—быть церковно-служителемъ, „спрѣчь оставаться на долгое время“¹⁾). Этимъ и исчерпываются всѣ источники матеріальныхъ доходовъ приходскаго духовенства, указанные духовно-гражданскою комиссіею. Замѣчательно, что какъ здѣсь, такъ и въ комиссіи „о среднемъ родѣ людей“, нѣтъ рѣшительно никакого упоминанія о платѣ за требы, служившей однимъ изъ главныхъ источниковъ матеріальныхъ доходовъ приходскаго духовенства. Мы не знаемъ причинъ этого непонятнаго молчанія членовъ обѣихъ частныхъ комиссій, рѣшившихъ участь духовенства; странно только, что вопросъ, которымъ интересовались и правительство, установившее извѣстныя таксы за требосправленіе, и духовенство и наконецъ прихожане, оставленъ безъ вниманія комиссіями, тогда какъ онъ, несомнѣнно, требовалъ того или иного разрѣшенія въ виду своего безспорно важнаго и жизненнаго значенія. „Гласомъ вопіющаго въ пустынѣ“ остались также и жалобы приходскаго духовенства на частыя и невыгодныя для него недоразумѣнія по земельному вопросу съ сосѣдями помѣщиками, и многочисленныя протесты его противъ различныхъ поборовъ, напр., „банной подати“, которою особенно, какъ мы видѣли, тяготилось приходское духовенство и проч.

Вообще, сопоставляя жалобы и заявленія духовенства въ Екатерининскую комиссію уже извѣстныя намъ изъ его пунктовъ, съ тѣмъ, что проектировали дать ему комиссіи „о среднемъ родѣ людей“ и „духовно-гражданская“, нельзя не придти къ заключенію, что нуждамъ приходскаго духовенства удѣлено было очень мало вниманія, и онѣ въ большинствѣ должны были остаться неудовлетворенными. Въ этомъ отношеніи проектъ правъ духовенства представлялъ полнѣйшій контрастъ проекту „правъ благородныхъ“, въ который внесено было положительно все, чего только домогалось всеяльное русское дворянство XVIII в. И неудивительно, надъ составленіемъ послѣдняго трудились сами же дворяне; надъ составленіемъ же перваго—лица, чуждыя интересамъ приходскаго духовенства и даже враждебныя. Повидимому, странною можетъ показаться и та невнимательность, съ какою отнесся къ проекту правъ блага духовенства самъ Св. Си-

¹⁾ Рукопись № 415, л. 324.

нодь, на разсмотрѣніе котораго комиссія о „среднемъ родѣ людей“ передала свои заключенія. Неполнота и неудовлетворительность проэкта были очевидны, а между тѣмъ въ замѣчаніяхъ на него со стороны членовъ Св. Синода нѣтъ подробнаго разбора статей проэкта. Но винить членовъ Синода въ невнимательномъ отношеніи къ интересамъ приходскаго духовенства было бы несправедливо, п. ч. преждевременно на самомъ дѣлѣ всесторонне разбирать проэктъ, когда самое принципиальное положеніе комиссіи „о среднемъ родѣ людей“—причисленіе духовенства къ мѣщанскому классу, члены Св. Синода считали совершенно неправильнымъ и обиднымъ для всего русскаго духовенства. Естественно, что вся энергія синодальныхъ членовъ была направлена на одну сторону дѣла, самую главную и принципиальную,—на протестъ противъ причисленія духовенства къ „среднему роду людей“. Св. Синодъ представилъ нѣсколько доказательствъ, которыми думалъ повліять на членовъ комиссіи. Уже самое званіе священнослужителей, „какъ пастырей и учителей всякаго званія людей“, по мнѣнію членовъ Синода, говоритъ за то, что духовные не должны быть причислены къ мѣщанамъ, а „въ особливомъ родѣ положены“; но въ какомъ,—члены Св. Синода не опредѣляютъ, предоставляя это исключительно „милосердной волѣ Ея Императорскаго Величества, Благочестивѣйшей Монархини нашей“, чтобы только „они (священнослужители) могли пользоваться особливымъ почтеніемъ и уваженіемъ къ ихъ сану отъ мірянъ всякаго рода“¹⁾. Съ послѣднею цѣлію какъ греческими православными царями духовные почтены были между благородными“, такъ и „русскими государственными узаконеніями“. Правда такого прямого узаконенія не было въ Россіи, но изданъ былъ указъ, равносильный, по мнѣнію членовъ Св. Синода, первому,—это извѣстный указъ Императора Петра Великаго отъ 23 марта 1714 г., дозволявшій дворянамъ вступать „въ духовный чинъ безъ всякаго предосужденія“²⁾. Безпрепятственное вступленіе дворянъ „въ духовный чинъ“, очевидно, означало, что послѣдній—такое же „благородное званіе“, какъ и первое. Малороссійское же духовенство по своимъ

¹⁾ Сборн. т. 36, стр. 187—188.

²⁾ Сборн. стр. 188 в П. С. З. т. V, № 2739, п. 15, стр. 94.

правамъ и привилегіямъ и „въ дѣйствительности считается въ равенствѣ съ свѣтскими чиновными шляхетскаго чина людьми“¹⁾. Наконецъ, и на основаніи самаго „Наказа“ Императрицы Екатерины II, по мнѣнію членовъ Св. Синода, можно судить, что духовенство не должно быть причислено „къ среднему или мѣщанскому роду людей“. По опредѣленію автора „Наказа“ въ „средній родъ людей“ должны быть включены: „всѣ тѣ, которые въ городахъ обитаютъ, и упражняются въ художествахъ, въ наукахъ, въ мореплаваніи, въ торговлѣ и ремеслахъ, а также выходящіе изъ учрежденныхъ свѣтскихъ и духовныхъ училищъ и воспитательныхъ домовъ“²⁾, но нигдѣ не сказано, какъ замѣчаютъ члены Св. Синода, о духовенствѣ, чтобы и оно принадлежало къ этой же группѣ русскаго общества³⁾. Правда, нѣкоторые изъ духовенства, *какъ въ городахъ живущіе*, и могутъ быть причислены, повидимому, къ мѣщанамъ, но тоже самое нужно сказать и о многихъ дворянахъ, проживающихъ въ городахъ,—на основаніи этого признака и они должны сдѣлаться мѣщанами⁴⁾. Большинство же изъ духовенства живетъ „въ селахъ“, очень многіе „въ полкахъ“, а все это доказываетъ, что „обитаніе“ въ городахъ не есть существенный признакъ, по которому духовенство непременно должно быть включено въ „средній или мѣщанскій родъ людей“⁵⁾.

Св. Синодъ представилъ свои замѣчанія комиссіи о „среднемъ родѣ людей“. Послѣдняя отвѣтила на нихъ „нѣсколькими объясненіями“. На заявленіе синодское, что духовные, какъ „пастыри и учителя всякаго рода людей“, не должны быть причислены „къ среднему или мѣщанскому роду“, члены комиссіи отвѣтили, что 1-хъ, они не касались и не могли касаться т. н. „правъ церковныхъ“ духовенства и разсуждали о немъ „единственно по мірскому состоянію“, а во 2-хъ, какъ учителей народныхъ, сочли болѣе естественнымъ включить вмѣстѣ съ учеными въ одинъ—„средній родъ“, и даже сравнительно съ послѣдними дать ему „нѣкоторое преимущество“⁶⁾. Что же касается „узаконеній греческихъ царей и обычаевъ“

1) Сборн. стр. 188.

2) Наказъ, гл. XVI, ст. 377, 380—381.

3) Сборн. т. 36, стр. 188.

4) Тамъ же.

5) Сборн. т. 36, стр. 188.

6) Сборн. т. 36, стр. 188—189.

нѣкоторыхъ народовъ, по которымъ духовенство приравнивалось къ „благороднымъ“, комиссія, не вдаваясь въ какія-либо разсужденія по этому вопросу, находила вполне достаточнымъ разъяснить Св. Синоду, что всѣ права лицъ духовныхъ, данныя „отъ греческихъ императоровъ и прочихъ, велики-ли они или малы“, „должны отпоситься, по ея мнѣнію, къ духовнымъ и богослужебнымъ упражненіямъ и, слѣдовательно, какъ къ чину служенія, имѣющему свои степени, а не къ роду“. Поэтому она и не считала себя въ правѣ касаться всего „до изящнаго ихъ чина принадлежащаго“, что „должно относиться къ праву церковному“, „а что касается до рода, то яко граждане, имѣющіе мірское сожитіе и пользующіея всѣми выгодами мірянъ, и не могутъ иначе, какъ въ средній родъ быть вмѣщены“¹⁾. Эти „объясненія“ комиссіи будутъ намъ болѣе или менѣе понятны, если мы сопоставимъ ихъ съ разсужденіями Екатерины II о „различныхъ правахъ“, высказанными ею въ „наказѣ генераль-прокурору комиссіи“ и, несомнѣнно, повліявшими здѣсь на составителей проекта о правахъ блага духовенства. Побуждая генераль-прокурора смотреть за тѣмъ, „чтобы комиссіею сочинено не было ничего противнаго разуму въ пунктахъ наставленія (т. е. Большого Наказа) содержащемуся“, Императрица разъясняетъ въ руководство своему представителю, какими правами или законами управляются разные люди. Правъ этихъ нѣсколько: 1) право божественное; 2) право церковное; 3) право естественное; 4) право народное; 5) право государственное общее; 6) право государственное особенное; 7) право завоеванія; 8) право гражданское и, наконецъ, 9) право домашнее или семейное²⁾. Свои опредѣленія и предложенія члены комиссіи и должны были согласовать съ какимъ-либо изъ указанныхъ Екатериной 9-ти правъ. Комиссія въ своемъ „объясненіи“ обыкновенно ссылается на „право церковное“. Въ чемъ же оно состоитъ? „Церковное право, по опредѣленію Императрицы, есть чиноположеніе, или обряды, на вѣрѣ основанныя“³⁾. Имѣя въ виду разнаго рода внѣшнія отличія и преимущества духовныхъ лицъ, какъ „пастырей и учителей народныхъ“, члены комис-

1) Сборн. т. 36, стр. 189.

2) П. С. З. т. XVIII, № 12950.

3) Тамъ же, п. 9.

сін, естественно, отнесли ихъ (отличія) именно къ „праву церковному“, разсуждая о которомъ не считали себя уполномоченными; разсуждая же о духовенствѣ „по мірскому состоянію“ пашли нужнымъ причислить его къ „среднему роду“, какъ извѣстную сословную группу, какъ гражданъ русскаго общества.

Для членовъ комиссіи это казалось тѣмъ болѣе возможнымъ, что одно право, по опредѣленію Императрицы, въ существѣ „не противорѣчило другому“¹⁾. Комиссія „о среднемъ родѣ людей“ не оставила также безъ отвѣта и ссылку синодальныхъ членовъ на извѣстный указъ Петра Великаго, разрѣшавшій и дворянамъ вступать въ духовное званіе безъ „всякаго предосужденія“. Но въ своемъ отвѣтѣ члены комиссіи рѣшительно ничего не разъяснили. Они откровенно даже заявили, что и не хотятъ „вступать ни въ какія объясненія“ по этому вопросу, п. ч. право дворянъ свободно и „безъ предосужденія“ принимать духовное званіе не входитъ въ сферу ихъ компетентности; оно принадлежитъ вѣдѣнію другой частной комиссіи, которая и можетъ рѣшить, „какія права должно оставить благороднымъ, вступавшимъ или вступающимъ“ въ духовное званіе, поскольку „оныя могутъ сходствовать съ духовными упражненіями и съ политическимъ положеніемъ государства“²⁾.

Итакъ, комиссія „о среднемъ родѣ людей“, причислившая духовенство къ мѣщанству, осталась при своемъ мнѣніи и передала „проектъ правъ средняго рода людей и блага духовенства“ съ замѣчаніями на него членовъ Св. Синода, согласно Обряду, въ Дирекціонную комиссію, куда вносились всѣ положенія, составленныя частными комиссіями. Дирекціонная комиссія, по разсмотрѣніи и соображеніи проекта съ правилами Большаго Наказа, могла или приять его (проектъ), или измѣнить, объясняя при этомъ, по какимъ соображеніямъ сдѣланы его тѣ или иныя измѣненія³⁾. Какъ же отнеслась Дирекціонная комиссія къ факту зачисленія приходскаго духовенства въ „средній или мѣщанскій родъ людей?“

Викторъ Крыловъ.

(Окончаніе будетъ).

1) Тамъ же, ст. II. 2) Сборн. т. 36, стр. 189. 3) Сборн. т. 4, стр. 44.

Къ вопросу о дѣйствительности англиканской іерархіи.

(по поводу одной рецензии).

(Окончаніе *).

Переходимъ къ уясненію смысла выраженія: „избранный епископъ“. Представленное мною толкованіе этого выраженія г. О. находитъ не сообразнымъ ни съ значеніемъ самыхъ словъ „избранный епископъ“ (не просто „епископъ“), ни съ смысломъ всего чина, ни съ историческимъ употребленіемъ титула *electus episcopus* въ англійской церкви (стр. 742). Разсмотримъ каждое изъ этихъ трехъ основаній порознь:

1. „Избранный епископъ“, говоритъ г. О,—не просто „епископъ“, желая выразить этимъ, очевидно, ту мысль, что „избранный епископъ“—еще не есть епископъ, а только предназначенный сдѣлаться таковымъ чрезъ посвященіе. Но первая составная часть этой мысли вноситъ противорѣчіе въ понятіе „избранный епископъ“, усвоивъ предикату „избранный“ не принадлежащее ему свойство¹⁾ обращать терминъ „епископъ“ въ его отрицаніе (въ римскомъ понтификатѣ говорится о *consecratio electi in episcopum*, а не *episcopi*; см. оглавленіе чина). Вторая же часть мысли сама ищетъ опоры себѣ въ слѣдующемъ изъ приводимыхъ г. О. основаній, куда мы за нею и направимся.

2. Мое пониманіе, по мнѣнію г. О., не согласно „съ смысломъ всего чина“. Спрашивается, откуда г. О. почерпаетъ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1903 г. № 10

1) Есть такіе предикаты, которые обладаютъ этимъ свойствомъ, напр., „будущій“, бывший, „днѣшний сана“ и-т. п.; но не „избранный“.

этотъ смыслъ? Я (худо ли, хорошо ли—не мое дѣло судить объ этомъ) стараюсь установить общій смыслъ чина на основаніи частныхъ особенностей, отличающихъ его отъ другихъ родственныхъ ему чиновъ. Г. О., напротивъ, считаетъ этотъ смыслъ чѣмъ то напередъ даннымъ и на основаніи его толкуетъ смыслъ частныхъ. Кто изъ насъ въ данномъ случаѣ поступаетъ научнѣе,—предоставляю рѣшить этотъ вопросъ ему самому. Съ своей же стороны считаю долгомъ лишь указать на то, что для моего пониманія общаго смысла чина и частнаго смысла выраженія „избранный епископъ“, кромѣ буквальнаго значенія послѣдняго, есть и другія данныя въ чинѣ и притомъ весьма вѣскія (напр. 6-й вопросъ архіепископа), для его же пониманія такихъ данныхъ не имѣется, кромѣ факта существованія особаго чина епископскаго посвященія, на первый взглядъ (но только на первый), ничѣмъ существеннымъ не разнящагося отъ остальныхъ двухъ чиновъ англиканскаго ординала.

3. Не можетъ восполнить собою недостатокъ данныхъ въ самомъ чинѣ для предлагаемаго г. О. пониманія выраженія „избранный епископъ“ и ссылка его на историческое употребленіе термина *electus episcopus* въ английской церкви. Въ самомъ дѣлѣ, употребленіе термина *electus episcopus* въ какомъ бы то ни было смыслѣ въ дореформенный періодъ жизни английской церкви (если этотъ терминъ дѣйствительно употреблялся въ то время въ строго установленномъ смыслѣ) не можетъ служить основаніемъ для вывода, что и въ послѣдующее время онъ долженъ быть понимаемъ въ томъ же смыслѣ, такъ какъ переворотъ, произведенный реформаціею въ умахъ западно-европейскихъ народовъ, не могъ не повліять и на измѣненіе смысла множества терминовъ, которыми схоластика тщетно старалась оковать живую мысль человѣчества. Историческое же употребленіе термина *electus episcopus* въ английской церкви со времени реформаціи, очевидно, должно стоять въ зависимости отъ того, какое значеніе съ того же времени придавалось въ этой церкви чину посвященія епископовъ и въ частности выраженію этого чина „избранный епископъ“, а не наоборотъ. Изъ данныхъ исторіи английской церкви за этотъ

периодъ можно убѣдиться только въ томъ, что избранные епископы не допускались къ отправленію своихъ новыхъ обязанностей до посвященія; но отъ этого факта еще далеко до утвержденія, что, по вѣрованію англиканской церкви, самая власть на отправленіе этихъ обязанностей сообщалась имъ актомъ посвященія. Все равно какъ изъ того, что благочестивые (а также лицемѣры) хозяева не входятъ въ новыя жилища или не сѣютъ сѣмянъ, не осятивъ ихъ предварительно особыми установленными на сей случай молитвословіями, совѣтъ еще не слѣдуетъ, чтобы они непременно вѣровали, что самая пригодность дома для жилья или способность сѣмянъ къ произрастанію сообщалась имъ молитвою церкви. Обязательность посвященія епископовъ предварительно ихъ допущенія къ отправленію своихъ обязанностей могла быть простымъ требованіемъ богослужебнаго однообразія въ странѣ, истекающимъ изъ компромиссивнаго характера англиканства, и, слѣдовательно, могла имѣть чисто обрядовое, а не догматическое значеніе. Такъ и смотрѣли на это дѣло первые вожаки англійской реформаціи. Такъ, напр., Кранмеръ и Барлоу еще при Генрихѣ VIII открыто высказываются въ комиссіи 1540 года, что посвященіе епископовъ не необходимо, а достаточно одного избранія, а въ слѣдующее царствованіе Гуперъ, еп. Глочестерскій, долго отказывается отъ обряда посвященія (но не отъ занятія епископской кафедры) при назначеніи на Глочестерскую епископію; такъ что Кранмеру приходится его упрашивать. Наконецъ, болѣе чѣмъ столѣтнее молчаніе всѣхъ церковныхъ и государственныхъ узаконеній Англійи объ епископскомъ посвященіи, какъ условіи законности служителей церкви англійской, и продолжающееся доселѣ молчаніе этой церкви о необходимости епископскаго института (а слѣдовательно и формы для продолженія этого института) для существа жизни церковной, кажется, достаточно ясно говорятъ за то, что терминъ *electus episcopus* со времени реформаціи не могъ имѣть строго опредѣленнаго значенія въ его историческомъ употребленіи въ церкви англійской.

Слѣдующее мѣсто, будто бы произвольно истолкованное мною, г. О. видитъ въ формулѣ обращенія епископа къ на-

роду предъ литанією, именно въ словахъ: „слѣдую примѣру нашего Спасителя Христа и Его апостоловъ (непосредственно предъ тѣмъ говорится о событіяхъ, изложенныхъ въ Лук. VI, 12 и слѣд. и Дѣян. XIII, 3), помолимся, прежде чѣмъ допустимъ и пошлемъ эту представленную намъ личность на дѣло, къ которому, мы увѣрены (или твердо вѣруемъ, trust), „Духъ Св. призвалъ его“ (стр. 742). На стр. 38, а также 40, 44—46 (прим. 1 къ 45 стр.) своего изслѣдованія я объясняю это, равно какъ и параллельныя съ нимъ мѣста англійскаго ординала, въ которыхъ говорится о призваніи къ епископству (до посвященія въ епископы), какъ о фактѣ совершившемся, въ смыслѣ божественнаго призванія къ этому служенію или дѣлу, получаемого кандидатами на епископство еще при поставленіи въ пресвитерское званіе. Г. О. находитъ мой комментарий противоестественнымъ и доказываетъ это слѣдующимъ упрощеннымъ способомъ: „Формула говоритъ *мы вѣримъ* и предполагаетъ тѣмъ самымъ призваніе къ епископству внутреннее“. Но почему же именно предполагаетъ это призваніе? Развѣ внутрення состоянія чужой души есть обязательный и притомъ единственно обязательный предметъ для нашей вѣры? Въ своемъ объясненіи я не указывалъ всѣхъ основаній въ пользу такого, а не иного пониманія призванія отъ Духа, о которомъ говоритъ формула, полагая совершенно достаточнымъ для этого правильнаго пониманія англійскаго слова „trust“, означающаго не просто вѣру, какъ первичный актъ свободы въ дѣлѣ воспріятія духовныхъ истинъ (довѣріе), а увѣренности. Что указанный терминъ не приложимъ здѣсь къ внутреннему призванію, это можно видѣть изъ параллельныхъ мѣстъ въ чинахъ діаконскаго и пресвитерскаго посвященія. Поставляемаго въ діаконы епископъ спрашиваетъ: „увѣрены ли вы (trust) въ томъ, что вы внутренне движитесь (inwardly moved) Духомъ Св. къ принятію на себя этого званія и служенія, чтобы служить Богу для распространенія славы Его и назиданія Его народа“, т. е. увѣрены ли вы въ томъ, что вы руководитесь въ данномъ случаѣ чистымъ желаніемъ посвятить себя на служеніе Богу и ближнимъ, а не какими нибудь земными, эгонистическими побужденіями. Къ поставляемымъ въ

пресвитеры епископъ не обращается съ такимъ вопросомъ, но въ то же время онъ не выражаетъ и увѣренности въ наличности у нихъ эгихъ чистыхъ побужденій, а лишь высказываетъ *добрую надежду* (a good hope) на то, что они заблаговременно (long before this time) взвѣсили и оцѣнили въ своемъ умѣ всю важность пресвитерскаго званія и трудность прохожденія его и „искренно рѣшились, по благодати Божіей, всецѣло предать себя призванію, къ которому Богу угодно было призвать“ ихъ, такъ чтобы, насколько это зависитъ отъ нихъ, всецѣло посвящать себя на это только дѣло и устремлять всѣ свои заботы и старанія въ этомъ направленіи и къ этой цѣли. Само собою разумѣется, что основаніемъ для этой надежды у епископа служатъ, помимо предварительнаго испытанія, которому подвергаются ставленники до посвященія, выраженные уже ими чистыя намѣренія посвятить себя на служеніе Богу при поставленіи въ діаконы и затѣмъ честное прохожденіе діаконскаго служенія. Спрашивается, можетъ ли эта надежда перейти въ увѣренность по отношенію къ поставляемымъ во епископы, если, по слову писанія, никто не знаетъ того, что происходитъ въ человѣкѣ, „точію духъ человѣка, живущій въ немъ“ (1 Кор. II, 11). Напротивъ, божественное призваніе къ епископскому служенію, получаемое, по мысли составителей чиновъ посвященія, кандидатами на епископство еще при возведеніи ихъ въ пресвитерское званіе, относясь къ внутренней сторонѣ церковнаго призванія пресвитеровъ (рукоположенія ихъ), есть необходимо предметъ вѣры для послѣдователей англиканства, и, поскольку эта вѣра, съ точки зрѣнія англійскаго ординала (слова 6-го вопроса испытанія въ третьемъ чинѣ: „согласно власти, которую вы имѣете *по слову Божію*“, въ связи съ расположеніемъ чтеній изъ Писанія въ послѣднихъ двухъ чинахъ), имѣетъ для себя твердое основаніе въ Писаніи, она необходимо переходитъ въ увѣренность. Нужно ли говорить, послѣ этого, о вѣдомъ выводѣ, который дѣлаетъ г. О. изъ даннаго мною объясненія? „Получается, говоритъ онъ, слѣдующее. Пресвитера посвящаютъ во епископа и говорятъ: прежде чѣмъ допустимъ епископа *на дѣло пресвитера* (у меня говорится о допущеніи на дѣло епископа), на которое, мы вѣримъ. (у меня „мы, увѣ-

ренъ“), онъ уже *былъ допущенъ* (у меня, согласно съ текстомъ формулы,— „онъ уже получилъ призваніе отъ Духа Св.“, при чемъ разумѣется божественное призваніе къ епископскому, вмѣстѣ съ пресвитерскимъ, служенію, осуществляемое чрезъ поставленіе въ званіе пресвитера), помолимся“.

Подобное же извращеніе моихъ мыслей допускаетъ г. О. и при разсмотрѣніи даннаго мною объясненія выраженія „is called“ въ одномъ изъ прошеній литаніи, совершаемой при посвященіи въ епископы (стр. 743). Мѣсто это принадлежитъ къ категоріи особенностей чина епископскаго посвященія, на первый взглядъ, противорѣчащихъ изложенному мною пониманію этого чина. Изъ разсмотрѣнія грамматической формы „is called“ (хотя бы и при помощи „самоучителя англійскаго языка“,— вѣдь ссылается же самъ г. О. на учебники обличительнаго богословія!), въ связи съ употребленіемъ этой формы въ англійскомъ текстѣ св. книгъ Новаго Завѣта, а также изъ сопоставленія даннаго мѣста съ другими особенностями чина епископскаго посвященія, кромѣ того, съ параллельными ему мѣстами первыхъ двухъ чиновъ и, наконецъ, съ редакціею англійскаго ординала 1662 г.—я вывожу заключеніе, что это мѣсто не содержитъ въ себѣ мысли о возведеніи въ новое званіе, т. е. въ епископское. Г. О. по этому поводу снова даетъ такую резолюцію: „Опять составителямъ приписывается *непонятная* идея на епископскомъ посвященіи молиться о дарованіи благодати, необходимой *для пресвитерскаго званія*, къ которому посвящаемый уже давно былъ призванъ *и необходимую благодать* для котораго, предполагается, *давно уже получилъ*, другими словами—*идея пресвитери посвящаютъ во пресвитера*“¹⁾. И здѣсь замѣчается то же искусство смѣшивать различныя понятія, въ данномъ случаѣ, помимо „званія“ и „служенія“, еще понятія а) о спеціальной іерархической благодати, или власти, особой для каждой степени священства и сообщаемой разъ навсегда при возведеніи священнослужителей въ ту или другую степень (potestas ordinis, по католической терминологіи; съ точки зрѣнія англійскаго ординала,

¹⁾ Курсивъ какъ въ этой, такъ и въ другихъ выдержкахъ изъ рецензій принадлежитъ мнѣ!

какъ показано выше, на стр. 9-й, эта власть принадлежитъ епископамъ уже до посвященія ихъ—и, судя по особенностямъ чина пресвитерскаго посвященія, разсмотрѣннымъ въ моемъ сочиненіи, она сообщается имъ при поставленіи ихъ въ пресвитерское званіе) и б) объ общей благодати, необходимой для каждаго служенія или дѣла человѣческаго и особенно для служенія церковнаго, труднѣйшаго и самаго отвѣтственнаго изъ всѣхъ человѣческихъ дѣлъ, требующаго для своего успѣшнаго прохожденія участія всѣхъ силъ человѣческихъ и потому нуждающагося въ особой и постоянной помощи Божіей (*sanctificationis gratia, qua idoneus habilisque ad recte munus suum fungendum reddatur*). Различіе этихъ двухъ видовъ благодати указываетъ мною на стр. 59—60 моего сочиненія. Но и помимо того г. О. могъ бы обратиться за разъясненіемъ того же предмета хоть къ римскому катихизису (Р. II, cap. VII, quaest. XXXI), или къ самому англійскому ординалу, гдѣ эти понятія также различаются (срв. формулы посвященія въ первыхъ двухъ чинахъ съ молитвами ординала, цитованными на 60-й стр. моего изслѣдованія), или, еще лучше, къ „Чинovníку архіерейскаго служенія“, гдѣ въ чинахъ хиротоніи раздѣльно говорится объ обоихъ видахъ благодати, а въ молитвахъ „чиновъ на поставленіе, на произведеніе и т. п.“ (чтеца, архидіакона, протоіерея, игумена, архимандрита и въ чинѣ хиротоніи иподіакона, гдѣ о благодати перваго рода дѣлается только общее упоминаніе) испрашивается лишь благодать втораго рода, или, наконецъ, что лучше всего, къ св. Писанію, гдѣ дается твердое основаніе для различенія указанныхъ видовъ благодати. Благодать перваго рода, по мысли англиканскаго ординала, сообщается пресвитерамъ во всей полнотѣ при возведеніи ихъ *въ званіе* пресвитерское, благодать втораго рода испрашивается въ молитвахъ, произносимыхъ при этомъ священнодѣйствіи, постольку, поскольку она необходима для прохожденія пресвитерскаго *служенія*,—такъ что нельзя сказать, чтобы при допущеніи пресвитеровъ къ епископскому служенію, ни о какой благодати не было надобности молиться, когда эта надобность настоятъ каждому изъ насъ и въ особенности служителямъ церковнымъ не только предъ нача-

тѣмъ cadaго новаго, но и въ началѣ и въ продолженіе и при окончаніи всякаго дѣла, сколько бы разъ ни повторялось совершеніе его, что и дѣлается священнослужителями православной церкви, напр., при отправленіи службъ церковныхъ и особенно святѣйшаго таинства евхаристіи (см. правилъникъ, а также тѣ части іерейскаго служебника или требника, гдѣ совершитель молится о себѣ самомъ). А что понятія о власти іерархической, какъ даръ благодати или, что то же, божественныхъ полномочій на отправленіе церковнаго служенія, и о человѣческомъ правѣ на осуществленіе этого служенія въ извѣстномъ кругѣ обязанностей (*potestas ordinis* и *jurisdictionis*) могутъ по объему и не совпадать между собою и, въ зависимости отъ сего, *званіе* и *служеніе* іерархическое (по отношенію къ англійскому ординалу—пресвитерское) могутъ и не быть понятіями соотносительными (съ англиканской точки зрѣнія первое шире послѣдняго, обнимая въ своей идеѣ и пресвитерское и епископское служеніе), аналогичные примѣры сему можно указать и въ жизни православной восточной церкви и, въ частности, церкви русской (викарные епископы и главный священникъ арміи и флотовъ).

Далѣе слѣдуетъ въ рецензіи перечень „слабыхъ данныхъ“, на которыхъ я будто бы исключительно основываю свои сужденія (стр. 743—744). Болѣе „сильныя“ данныя, излагаемыя мною въ сочиненіи, г. О. обходитъ молчаніемъ по причинамъ весьма понятнымъ; но и въ ряду тѣхъ данныхъ, о которыхъ онъ говоритъ въ своей рецензіи и большинство которыхъ относится ко второй категоріи особенностей англійскаго ординала, особенностей, только внушающихъ, наводящихъ на основную мысль моего изслѣдованія, есть такія, которыя могутъ показаться „слабыми“ лишь потому, что г. О., по обыкновенію, или извращаетъ ихъ подлинный смыслъ, или же разсматриваетъ ихъ внѣ всякой связи между собою и съ другими данными ординала.—Таково наименованіе *опытного* призванія отъ церкви во второмъ чинѣ ординала „согласнымъ съ порядкомъ церкви англійской“, а въ первомъ и третьемъ чинахъ—„съ порядкомъ этого государства“ (въ испытаніи поставляемыхъ), причемъ въ первомъ чинѣ этотъ

порядокъ называется „должнымъ“ порядкомъ, т. е. хотя и не богоустановленнымъ порядкомъ (срв. названіе діаконства церкви англійской только „подобнымъ“ діаконству апостольской церкви, тогда какъ пресвитерство называется „*тѣмъ же самымъ*“ званіемъ и служеніемъ спасенія человѣчества“, которое было установлено Христомъ; см. мое сочиненіе, стр. 12, 13), но тѣмъ не менѣе согласнымъ съ нуждами самой церкви и ими вызываемымъ (трудностью пресвитерскаго служенія), на что указываетъ также и то обстоятельство, что діаконское служеніе въ данномъ мѣстѣ называется „служеніемъ церкви“ (the ministry of the Church), а епископское въ параллельномъ мѣстѣ—просто служеніемъ, да еще добавочнымъ, а не основнымъ (to this ministraton, нѣсколькими строками выше названному терминомъ: administration), какъ вызваннымъ къ существованію нуждами чисто государственными, именно невозможностью для англійскихъ королей единолично управлять религіозною жизнью своихъ подданныхъ, безъ помощниковъ, которые и избираются ими изъ среды пресвитеровъ, чтобы нести это добавочное служеніе вмѣстѣ съ главнымъ, основнымъ служеніемъ, на отправленіе котораго (ученіе и священодѣйствіе) свѣтская власть никогда не выражала притязаній. Замѣчательно, что и самое служеніе пресвитерское, когда рѣчь идетъ о кругѣ обязанностей, въ которыхъ оно должно осуществляться, т. е. о его внѣшней юрисдикціи, а не о сущности также поставляется въ зависимость отъ государственнаго порядка (см. 3-й вопросъ въ испытаніи пресвитеровъ).

Къ разряду особенностей, только внушающихъ основную мысль моего сочиненія, относятся и наименованія только одного пресвитерства „святымъ званіемъ“ и „святымъ служеніемъ“ и призванія къ нему только „законнымъ призваніемъ. Противъ яснаго смысла перваго термина г. О. не можетъ возразить ничего существеннаго ¹⁾, особенно если онъ прочитаетъ рѣчь епископа къ поставляемымъ во второмъ чинѣ и сопоставитъ ее съ рѣчами перваго и третьяго чиновъ, а также если онъ сопоставитъ эти рѣчи съ содержаніемъ молитвъ англиканскаго

¹⁾ Общее возраженіе его, что логическій смыслъ рѣчи не зависитъ отъ словъ и выраженій, ее составляющихъ, не можетъ быть признано основательнымъ.

ординала, гдѣ указываются основанія для учрежденія въ церкви отдѣльныхъ служеній. Наконецъ, если принять во вниманіе, что подобная же терминологія для обозначенія сравнительной важности церковныхъ служеній, въ зависимости отъ основаній, на которыхъ покоится ихъ бытіе въ церкви, принята также въ католической (Catech. Conc. Trid. р. II, сар. VII quæst XII) и православной церкви (раздѣленіе служеній на священныя и церковныя), то едва ли останется какое-либо основаніе для того, чтобы считать эту терминологию случайною въ англійскомъ ординалѣ и не имѣющею рѣшительно никакого значенія въ дѣлѣ уясненія вопроса объ англиканскихъ воззрѣніяхъ на церковную іерархію. Что же касается второй изъ указанныхъ особенностей, именно—наименованія одного только призванія къ пресвитерскому служенію „законнымъ“ призваніемъ, какъ призваніемъ отъ самого Бога, а не отъ людей, только и обусловливаемомъ законами жизни церкви, данными ей ея божественнымъ Основателемъ, то г. О. въ моемъ толкованіи усматриваетъ лишь простое непониманіе прямого смысла текста англійскаго ординала. „Епископъ говоритъ тамъ же (т. е. въ формулѣ обращенія къ народу, въ чинѣ поставленія пресвитеровъ), что, послѣ испытанія поставляемыхъ во пресвитеры, нашелъ, что они *законно призваны* къ своему служенію, т. е. что нѣтъ препятствій къ ихъ посвященію“—таковъ, по мнѣнію г. О., смыслъ начальной части формулы обращенія къ народу въ чинѣ поставленія пресвитеровъ. Но уже одно то обстоятельство, что составители чина нашли нужнымъ присоединить эту вновь составленную часть формулы къ слѣдующей, представляющей собою почти дословное повтореніе формулы обращенія епископа къ народу въ чинѣ діаконскаго поставленія, достаточно говоритъ за то, что они имѣли въ виду подъ „законнымъ призваніемъ“ выразить нѣчто большее, чѣмъ простое отсутствіе препятствій къ посвященію. Съ этимъ согласуется и самый текстъ указанной части формулы въ его дословной передачѣ. „Добрые люди, вотъ тѣ, которыхъ мы *намѣреваемся*, съ помощію Божіей, принять сегодня въ святое званіе пресвитерства. *Ибо*, по должномъ испытаніи, мы *не находимъ* *противнаго* къ тому, чтобы имъ быть *законно*

призванными къ своей дѣятельности и служенію и чтобы имъ быть лицами, *соотвѣтствующими* для того. Однако, если кто-нибудь изъ васъ знаетъ какое-либо *препятствіе etc.* Епископъ говоритъ здѣсь о томъ, что онъ согласенъ (*find not the contrary, а не any impediment, какъ ниже*) допустить представленныхъ ему лицъ къ законному призванію, т. е. къ посвященію, въ виду отъзыва о нихъ архидіакона (у г. О.—„онъ нашелъ, что они законно призваны къ своему служенію, т. е. что нѣтъ препятствій къ ихъ посвященію“) и признаетъ ихъ съ своей стороны пригодными для этого. Такимъ образомъ, „законное призваніе“ разсматривается здѣсь какъ фактъ будущаго, а не прошедшаго (срв. выраженія въ рѣчи къ поставляемому: *the office, whereunto ye be called, an office ye be called*); кромѣ того, отождествленіе его съ простымъ отсутствіемъ препятствій къ посвященію съ одной стороны вводитъ въ текстъ формулы ненужную тавтологію („нашелъ, что они законно призваны“, по толкованію г. О., „и соотвѣтствуютъ этому“), а съ другой—дѣлаетъ непонятнымъ дальнѣйшее обращеніе къ народу (епископъ нашелъ, что „нѣтъ препятствій къ ихъ посвященію“ и тутъ же спрашиваетъ объ этихъ препятствіяхъ, ибо объявляетъ призваніе „законно“ состоявшимся, не удостовѣрившись въ отсутствіи препятствій путемъ опроса присутствующихъ въ храмѣ, нѣсколько преждевременно ¹⁾).

Наиболѣе яркій примѣръ моей привычки гоняться за словами и строить на ихъ буквѣ свои заключенія, не обращая вниманія на ихъ логическій смыслъ“, г. О. усматриваетъ въ данномъ мною объясненіи молитвы, предшествующей акту рукоположенія во епископы, гдѣ я, утверждая, что словомъ „данную“ (*given*) власть представляется уже принадлежащая лицу до посвященія (срв. 50 моего сочиненія); обнаруживаю лишь простое неумѣніе разобратся въ значеніи временъ въ сложныхъ предложеніяхъ. Обвиненіе свое г. О. подкрѣпляетъ ссылкой на православныя чины хиротонія, гдѣ архіерей мо-

1) Срв. параллельное данному мѣсто, въ которомъ слово „lawfully“ употребляется въ смыслѣ соотвѣтствія божественному установленію, въ чинослужебномъ бракѣ. См. Parker, Pr.—В., р. 335 (обращеніе къ публичнымъ вступать въ бракъ съ вопросомъ о препятствіяхъ).

лится, чтобы Богъ помогъ рукополагаемымъ достойно употреб-
лять „дарованную ему священническую честь“, „дарованную
ему (діакопскую) степень“ (стр. 744). Но 1) на чемъ основыва-
ется г. О. свое предположеніе, что въ молитвахъ православ-
ныхъ чиновъ хиротоніи слово „дарованную“ употреблено для
обозначенія дѣйствія еще не совершившагося, а только имѣю-
щаго совершиться, когда, и логическая послѣдовательность
дѣйствій (сначала возведеніе въ степень, а потомъ уже сообще-
ніе благодатныхъ силъ и даровъ, необходимыхъ для достой-
наго прохожденія ея, а не наоборотъ, и положеніе молитвъ
въ чинахъ за формулою рукоположенія, чрезъ произнесеніе
которой, въ связи съ возложеніемъ рукъ, ставленники „прору-
чествуются благодатию“ въ священныя степени, и, наконецъ,
самый контекстъ молитвъ, въ которыхъ это „проручествованіе“
представляется уже дѣйствіемъ законченными и назначеніе кото-
рыхъ состоитъ лишь въ испрашиваніи помощи Божіей, необхо-
димой „для подъятія сей великой благодати Св. Духа въ непороч-
номъ жителствѣ и въ неуклонной вѣрѣ“¹⁾), повидимому, говорятъ
за противное? 2) Никакой такой послѣдовательности времени,
въ силу которой прошедшія причастія могли бы означать фак-
ты будущаго, теорія русскаго языка, слѣдуя законнымъ требо-
ваніямъ стилистики (въ данномъ случаѣ требованію „ясности“
отъ слога), не знаетъ (см. въ синтаксисѣ Кирпичникова отдѣлъ
о сокращеніи опредѣлительныхъ предложеній); если же подоб-
ныя явленія и встрѣчаются на практикѣ (въ рѣчи устной или
письменной), то онѣ объясняются отсутствіемъ будущихъ при-
частій въ русскомъ глаголѣ и во всякомъ случаѣ должны быть
отнесены къ недостаткамъ русскаго стила, легко устранимымъ
путемъ заимствованія и приспособленія недостающей формы
изъ родственнаго ему церковно-славянскаго языка (именно

1) „Самъ, Владыко и сего, его же благоволи еси проручествоватися отъ мене
во діаконства служеніе, во всякой честности соблюди. Даруй же ему благодать,
якоже даровалъ еси Стефану первоученику Твоему, „его же и приволи еси пер-
ваго отъ дѣла служащаго Твоего“ и др. Самъ, Владыко всѣхъ, и сего, его же благо-
воли еси проручествоватися отъ мене, въ непорочномъ жителствѣ и неуклон-
ной вѣрѣ, благоволи подъяти великую сію благодать святаго Твоего Духа и со-
вершенна покажи раба Твоего... достойно жителствующа даровавшаго ему...
асмѣнѣ, для священнической чести“ и др.

формы описательнаго будущаго чрезъ обращенія ея въ причастную), что многіе и дѣлаютъ; 3) если бы, далѣе, теорія и практика русскаго языка, а также церковно-славянскаго, согласно свидѣтельствовали въ пользу мнѣнія г. О. о возможныхъ значеніяхъ прошедшихъ причастій въ сложныхъ предложеніяхъ, то и въ такомъ случаѣ, мнѣ кажется, ему слѣдовало бы подумать о томъ, имѣлъ ли онъ право толковать англійскій текстъ чрезъ приложеніе къ нему законовъ русскаго языка, и потомъ уже возводить на меня обвиненіе въ незнаніи русской грамматики; 4) въ англійскомъ языкѣ если и не существуетъ особыхъ глагольныхъ формъ, соотвѣтствующихъ будущимъ причастіямъ глаголовъ въ другихъ языкахъ, тѣмъ не менѣе есть особые способы выраженія, близко подходящія по значенію къ этимъ формамъ и вполне пригодные къ замѣнѣ ихъ. Одну изъ такихъ формъ, употребляемую для обозначенія *ближайшаго* будущаго дѣйствія, можно найти во второмъ изъ разсматриваемыхъ мною прошеній литаніи, какъ оно читается въ первыхъ двухъ чинахъ англійскаго ординала („now to be committed“). Спрашивается, что препятствовало составителямъ ординала воспользоваться этою формою и для сообщенія болѣе точнаго значенія слову „данную“ (given, обративъ его въ „now to be given“) тѣмъ болѣе, что въ остальныхъ отношеніяхъ конструкція сравниваемыхъ мѣстъ совершенно одинакова (цѣлѣвое сочетаніе предложеній и въ томъ и въ другомъ случаѣ)? Единственнымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ быть лишь указаніе на 6-й вопросъ архіепископа къ посвящаемымъ въ епископы, изъ котораго узнаемъ, что послѣдніе уже „имѣютъ епископскую власть по слову Божію“ до посвященія ихъ. Или, можетъ быть, и здѣсь сокрыта какая-нибудь особенная послѣдовательность времени?

„Изумительное мудрованіе“ видитъ, далѣе, г. О. въ объясненіи мною молитвы „Всемогущій Боже“, читаемой на епископскомъ посвященіи вслѣдъ за литаніею, при чемъ ходъ моихъ мыслей называетъ „ученымъ фокусомъ“, а заключеніе, что въ словахъ этой молитвы „in this office“ разумѣется званіе пресвитерское, а не епископское, — „результатомъ, добытымъ цѣлою отреченія отъ здраваго смысла“ стр. 744, 745. Попро-

буемъ выяснитъ подлинную причину изумленія г. О. Разсматриваемое мѣсто принадлежитъ къ категоріи особенностей, на первый взглядъ внушающихъ мысль объ епископствѣ, какъ особомъ званіи, отличномъ отъ пресвитерскаго. Поэтому мое объясненіе даннаго мѣста можетъ имѣть характеръ лишь болѣе или менѣе правдоподобной гипотезы. Весь вопросъ, следовательно, сводится къ тому, удовлетворяетъ ли оно всѣмъ требованіямъ, предъявляемымъ логикою къ гипотезамъ, претендующимъ на научность. Можно съ увѣренностью сказать, что удовлетворяетъ, ибо 1) мысль о томъ, что въ молитвѣ „Всемогущій Боже“ говорится только о призваніи къ новому служенію или дѣлу, а не о возведеніи въ новое званіе, въ логическомъ отношеніи возможна, т. е. внутренняго противорѣчія въ себѣ не заключаетъ, такъ какъ термины „званіе“ и „служеніе“, какъ было уже показано выше, не означаютъ понятій ни равнозначущихъ, ни соотносительныхъ; 2) въ качествѣ гипотезы она необходима, такъ какъ безъ нея невозможно объяснить причину уклоненія составителей чина епископскаго посвященія отъ языка первыхъ двухъ чиновъ, выразившагося въ замѣнѣ слова „званіе“ въ начальной части молитвы (*now called to the like office and ministrations* перваго чина и *now called to the office of Priesthood* втораго чина) словами „дѣло и служеніе“ (*now called to the work and ministry of a Bishop*), при сохраненіи въ полной неприкосновенности всей остальной фразеологіи параллельныхъ молитвъ; 3) для объясненія указанной особенности разсматриваемой молитвы она совершенно достаточна; 4) съ остальными особенностями молитвы не стоитъ въ противорѣчіи, такъ какъ единственное кажущееся препятствіе къ ея допущенію, заключающееся въ словѣ „this“, при ближайшемъ разсмотрѣніи теряетъ свой противорѣчивый характеръ, ибо это слово въ устной, разговорной рѣчи (къ каковой принадлежитъ и языкъ молитвъ) можетъ и не относиться къ ближайшему предыдущему предмету той же рѣчи, а указываетъ просто на предметъ, находящійся предъ глазами говорящаго, присутствующій на мѣстѣ или во время произнесенія рѣчи, *настоящій* (срв. въ формулѣ обращенія къ народу— „*this day*“— „въ настоящій день, сегодня“, а въ рѣчи

къ посвящаемымъ въ пресвитеры: „long before *this times*“, также (формы разговорной рѣчи); 5) съ другими фактами, относящимся къ той же области явленій; совершенно согласна и ими подтверждается (см. эти факты во 2-й гл. моего сочиненія); 6) не противорѣчитъ и общему взгляду на англиканство, принятому въ наукѣ объ исповѣданіяхъ, по заявленію г. О., т. е. компромиссивному характеру этого исповѣданія, такъ какъ не иначе, какъ въ цѣляхъ компромисса, оставлено въ молитвѣ выраженіе „*in this office*“, само по себѣ неопредѣленное и уже въ силу этой неопредѣленности способное вводить въ заблужденіе людей, расположенныхъ впадать въ него недостающій въ немъ смыслъ отъ себя, какъ это и случилось съ моимъ рецензентомъ; наконецъ 7) изобрѣтенная мною гипотеза не имѣетъ другой, равной себѣ по научнымъ достоинствамъ, изложеннымъ въ предыдущихъ пунктахъ, такъ какъ единственное, выставленное взамѣнъ ея г. О., предположеніе (иного и нельзя выставить), что подъ „*this office*“ разумѣется епископское званіе, не отвѣчаетъ большей части научныхъ требованій отъ гипотезы, ибо а) оно не объясняетъ замѣны слова „*office*“ словами „*work and ministry*“ (въ начальной части молитвы, а просто относить эту замѣну къ разряду явленій случайныхъ; б) къ той же области случайныхъ явленій относить она и всѣ другіе факты уклоненія чина епископскаго посвященія отъ употребленія слова „*office*“; в) для оправданія своего (безаслуженно лишаетъ слово „*office*“ принадлежащаго ему терминологическаго значенія (объ этомъ см. выше, стр. 655—656); г) идетъ въ разрѣзъ съ остальными особенностями того же чина, отмѣченными мною во II-й главѣ сочиненія, а будучи выражено въ категорической формѣ („казалось бы, нельзя было и ожидать, чтобы у кого нибудь могъ возникнуть вопросъ, о какомъ званіи идетъ рѣчь въ послѣднихъ словахъ; до того ясно, что вѣсь разумѣется званіе епископское“ стр. 744), оно вмѣстѣ съ тѣмъ становится въ противорѣчіе и съ общими началами англиканства, какъ вѣроисповѣдной системы. Кто изъ насъ, такимъ образомъ, „отрекается отъ здраваго смысла“, я или г. О., предоставляю судить, объ этомъ болѣе безпристрастнымъ и здравомыслящимъ читателямъ.

Въ качествѣ послѣдняго образца произвольнаго отношенія съ моею стороны къ тексту англійскаго ординала г. О. указываетъ на мое толкованіе первой формулы чина епископскаго посвященія (стр. 745, 746). Не трудно показать, кто изъ насъ болѣе повиненъ въ грѣхѣ произвола. Въ пользу моего толкованія (или, собственно, двухъ возможныхъ толкованій указанной формулы въ ея второй части, при чемъ вторая имѣетъ болѣе основаній за себя) единогласно говорятъ 1) особенности подлиннаго текста самой формулы, а именно: а) „take“ вмѣсто „receiue“, какъ стоитъ въ Іоанн. XX, 22, и откуда оно перешло въ параллельную формулу пресвитерскаго посвященія; б) „которая есть въ тебѣ“, какъ въ 2 Тим. 17, 7, гдѣ выраженіе это указываетъ на присутствіе благодати въ лицѣ, къ коему обращена рѣчь, въ силу бывшаго прежде рукоположенія; в) опущеніе изъ апостольскаго изреченія слова „мое“ безъ замѣны его другимъ опредѣлительнымъ словомъ и г) отдѣленіе словъ „черезъ рукоположеніе“ запятою отъ „которая есть въ тебѣ“, вслѣдствіе чего они обратились въ дополненіе къ глаголу „вспоминай“ (послѣдняя особенность служитъ основаніемъ для предпочтенія второго изъ данныхъ мною толкованій первому); 2) особенности, отмѣченныя мною въ другихъ мѣстахъ англиканскаго ординала, гдѣ благодать епископства, понимаемая, какъ власть *divinitus data* (*potestas ordinis*), та самая власть, которая первоначально сообщена была апостоламъ Самимъ Христомъ словами: „Receive (a ne take) ye the holy Ghost“, представляется данною епископомъ еще до посвященія ихъ. Къ этимъ, такъ сказать, внутреннимъ основаніямъ, имѣющимся въ текстѣ англ. ординала, можно, пожалуй, присоединить, согласно желанію г. О., выраженному имъ въ своей рецензіи, и одно внѣшнее основаніе въ пользу моего толкованія, именно ссылку на римскій понтификалъ, „послужившій ближайшимъ образцомъ“ для англійскаго ординала, гдѣ въ чинѣ посвященія епископовъ стоитъ формула: „Accipe (a ne „sume“, соотвѣтствующее англійскому „take“) Spiritum Sanctum“, каковая формула является общею и для первыхъ двухъ чиновъ. Единственное препятствіе къ принятію моихъ толкованій г. О. видитъ въ послѣдствіяхъ, къ которымъ они ведутъ (самыхъ

основаній онъ не оспариваетъ). „Автору (при допущеніи перваго толкованія) не кажется страннымъ“, говоритъ онъ, „возложить руки въ настоящее время, а въ произносимыхъ при этомъ словахъ разумѣть давно бывшее рукоположеніе“, и далѣе: „что въ такомъ случаѣ (при допущеніи втораго моего толкованія) придется читать: „черезъ это возложеніе рукъ вспомни возгрѣвать благодать“, и окажется въ концѣ извращеннымъ первоначальный смыслъ, какой разсматриваемое мѣсто имѣетъ у апостола, это автора, повидимому, не затрудняетъ“. Но причину странности послѣдствія, получающагося при допущеніи перваго изъ моихъ толкованій, въ силу изложенныхъ выше основаній въ пользу его, нужно искать, очевидно, не въ толкованіи, а въ свойствахъ самой формулы, а причину этихъ послѣднихъ въ свойствахъ принявшаго это формулу вѣроисповѣданія, представляющаго собою и въ его цѣломъ и въ частностяхъ одну сплошную странность, объясненіе которой (а не закрываніе глазъ передъ нею) лежитъ на обязанности представителей науки объ исповѣданіяхъ. Что же касается затрудненія къ принятію моего втораго толкованія формулы епископскаго посвященія, то оно создано исключительно воображеніемъ г. О., не принявшаго въ расчетъ того важнаго обстоятельства, что составители формулы заимствовали для своей цѣли лишь форму выраженія мысли, подвергнувши ее предварительно измѣненіямъ, а не самую мысль Апостола (посвящающій говоритъ въ формулѣ не отъ лица Апостола, а отъ своего лица и отъ лица той церкви, представителемъ которой онъ служитъ, и потому объ извращеніи послѣдней никакой рѣчи быть не можетъ. Если обратимся теперь къ пониманію той же формулы, высказанному самимъ г. О., то увидимъ, что оно не имѣетъ для себя достаточныхъ основаній. „Кажется, достаточно ясно, говоритъ онъ, что по *прямому* смыслу этихъ словъ (т. е. словъ формулы: „прими Св. Духа и помни возгрѣвать“...) посвящаемому сообщается Духъ Св. и заповѣдуются возгрѣвать *опнов* полученную (въ силу первыхъ словъ: прими Св. Духа) благодать въ послѣдующей жизни“. Изложенный здѣсь *прямой* смыслъ формулы 1) не выводится изъ разсмотрѣнія подлиннаго текста формулы, а опирается лишь на не-

вполнѣ точный русскій ея переводъ и больше никакихъ оснований для себя не имѣеть, и 2) этотъ смыслъ кажется г. О. достаточно яснымъ, хотя сами представители англиканства не находили его таковымъ и потому признали необходимымъ въ 1662 году сообщить ему большую опредѣленность путемъ измѣненія текста формулы; впрочемъ, послѣднее обстоятельство, хотя оно мною и указано въ своемъ мѣстѣ, *ни мало не затрудняетъ* г. О., такъ какъ его *прямой* смыслъ 3) не имѣеть никакого отношенія къ тексту формулы; мало того, буква этого текста, по мнѣнiю г. О., даже мѣшаетъ истинному уразумѣнiю его. Можно ли такой смыслъ считать *логическимъ*, каковымъ именемъ величаетъ его самъ г. О., (см. ниже на той же стр.: „грамматическая форма глагола,... опять оказалась для него непреодолимымъ затрудненiемъ къ уразумѣнiю логическаго смысла его“),—и этотъ вопросъ представляю на судъ читателей.

Разсмотрѣнiе II-й главы моего сочиненiя г. О. заканчиваетъ указанiемъ на „новую“ гипотезу, достойную по своей „фантастичности“ выше разсмотрѣнныхъ,—гипотезу о томъ, что англиканскiе пресвитеры получаютъ при посвященiи власть вязать и рѣшить, но до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаются епископами, не имѣютъ права осуществлять эту власть. Г. О. несправедливо считаетъ эту мою гипотезу „*новой*“, впервые встрѣчаемую имъ лишь на 65-й стр. моего труда, такъ какъ я не одинъ разъ попутно высказываю ее и раньше при разсмотрѣнiи особенностей англiйскаго ординала (напр. на стр. 33-й говорится о полнотѣ iерархической власти, сообщаемой пресвитерамъ, а на стр. 36-й о томъ, что право на отправленiе епископскихъ функцiй сообщается избраннымъ силою королевскаго указа); „новымъ“ здѣсь нужно признать развѣ только болѣе полное изложенiе этой гипотезы и приведенiе новыхъ оснований въ пользу ея. Главное изъ этихъ оснований (6-й вопросъ архiепископа на испытанiи посвящаемыхъ въ епископы) г. О. въ своей рецензiи обходитъ молчанiемъ, остановивъ свое вниманiе лишь на особенностяхъ формулъ пресвитерскаго посвященiя, при чемъ придаетъ имъ отъ моего лица значенiе, котораго онѣ въ моемъ изложенiи не имѣютъ, усматривая въ нихъ

главное и даже чуть ли не единственное основаніе изобрѣтенной мною „новой“ гипотезы; между тѣмъ какъ въ моемъ изложеніи особенности въ конструкціи указанныхъ формулъ въ связи со многими другими особенностями чина пресвитерскаго посвященія (выборъ для чтеній изъ Писанія—Мѡ. XXVIII, 18—20, Іоан. XX, 19—23, наименованіе пресвитерства „званіемъ“ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ параллельныхъ мѣстахъ епископство и діаконство называется только „служеніями“; наименованіе только его одного „святѣмъ званіемъ“ и призванія къ нему одному „законнымъ“ призваніемъ; наименованіе его „тѣмъ же самымъ“ служеніемъ, къ которому призваны и апостолы, и др.) разсматриваются лишь какъ ограниченія протестантскаго характера англійскаго ординала, ибо, не будь этихъ особенностей, пришлось бы признать, что англиканство молчаливо раздѣляетъ общепротестантское ученіе о всеобщемъ священствѣ (срв. сказанное выше на стр. 9 и 10).

Въ заключительной части своей рецензій г. О. лишь мимоходомъ касается III главы моего труда, объясняя изложенныя въ ней историческія данныя, служащія къ подтвержденію „фантастическаго построенія“, сдѣланнаго мною на основаніи детальнаго изученія англійскихъ чиновъ посвященія дружественными отношеніями англиканской церкви къ протестантамъ континента и пуританамъ, а также „латитудинаризмомъ“ этой церкви, „какъ ея постояннымъ свойствомъ“ (основательность этого объясненія уже разсмотрѣна мною выше на стр. 4 и 5)¹⁾; затѣмъ, также мимоходомъ, извращаетъ основную мысль моего труда, навязывая ему задачу, которой у меня и въ мысляхъ не было при составленіи его, именно показать, что англиканское ученіе объ іерархіи „во всѣхъ пунктахъ“ совпадаетъ съ ученіемъ лютеранъ и кальвинистовъ, и, наконецъ, при помощи указаннаго *научнаго* приѣма дѣлаетъ слѣдующій выводъ изъ своей

1) Особою замѣчательна въ научномъ отношеніи гипотеза о дружбѣ англиканства съ пуританствомъ, наглядно свидѣтельствующая о своеобразномъ пониманіи г. О. характера отношеній между указанными теченіями англійскаго протестантизма, идущемъ въ разрѣзъ даже съ заглавіями существующихъ по этому предмету изслѣдованій въ русской литературѣ, не говоря уже объ ихъ содержаніи см. капитальное изслѣдованіе проф. А. Н. Потѣхина: „Очерки изъ исторіи борьбы (а не дружбы) англиканства съ пуританствомъ при Тюдорахъ (1550—1603)“.

рецензіи о научномъ достоинствѣ моего труда: съ своей стороны замѣтимъ, что такъ какъ основную мысль автора нельзя признать доказанной, то не можетъ имѣть силы и выводъ, сдѣланный изъ нея въ приложеніи къ англиканской іерархіи“. Замѣчу и я съ своей стороны, что такъ какъ „основную мысль“ рецензіи г. О. нельзя признать доказанной, то не можетъ имѣть силы и выводъ, сдѣланный изъ нея въ приложеніи къ оцѣнкѣ научнаго достоинства моего труда. А что эта мысль не доказана имъ, т. е. что онъ своею рецензіею не опровергъ основной мысли моего труда, въ томъ, помимо несостоятельности изложенныхъ въ ней возраженій, можно убѣдиться изъ простаго обзора ея содержанія. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ возраженія г. О., если бы даже они и были основательны, не могутъ достигнуть той цѣли, къ которой они направлены, такъ какъ они касаются лишь II-й главы моего труда и притомъ не всей этой главы, а лишь той ея части, которая посвящена разсмотрѣнію англійскаго ординала въ его первой редакціи. Сопоставляя же содержаніе каждой изъ трехъ главъ моего труда съ его основною мыслию, какъ она изложена во введеніи и заключеніи его, именно въ нея отрицательной формѣ, не трудно видѣть, что ее слѣдовало бы признать доказанной даже и въ томъ случаѣ, если бы второй главы или, по крайней мѣрѣ, той ея части, которой посвящена рецензія г. О., даже и не было совсѣмъ въ моемъ трудѣ; иными словами, если бы англійскій ординалъ со времени своего первоначальнаго составленія имѣлъ совершенно тотъ же видъ и составъ, который онъ получилъ въ послѣдней своей редакціи (1662 г.). Въ самомъ дѣлѣ, г. О. признается, что съ содержаніемъ моей I-й главы, гдѣ я показываю, что въ мѣстахъ англиканскихъ вѣроизложеній, приведенныхъ въ диссертациі проф. Соколова (а безъ сомнѣнія эти мѣста самыя выразительныя) не содержится отличій отъ православныхъ воззрѣній на церковную іерархію, „вообще говоря, нельзя не согласиться“ (стр. 738); въ то же время онъ не опровергаетъ по существу и значенія изложенныхъ мною въ III гл. фактовъ изъ жизни англиканской церкви, на которые мы вправѣ смотрѣть, какъ на исповѣданіе этою церковью своей вѣры дѣй-

ствіемъ (стр. 745), не опровергаетъ, несомнѣнно, потому, что и въ значеніи этихъ фактовъ также „нельзя не согласиться“. Если же онъ всетаки не соглашается съ нимъ, а предпочитаетъ въ объясненіе ихъ сослаться на латитудинаризмъ, какъ постоянное, но недостаточно оцѣненное имъ свойство англиканской церкви, или, что еще хуже, на существующую только въ его воображеніи дружбу этой церкви съ пуританами, то это онъ дѣлаетъ единственно потому, что ему почему-то не *хочется* согласиться съ выводомъ, который я дѣлаю изъ доказанной мною основной мысли въ приложеніи къ англиканской іерархіи. Правда, я нѣсколько погрѣшилъ въ формально-научномъ отношеніи, когда, во второй главѣ, выступилъ изъ тѣсныхъ рамокъ рецензій на книгу г. Соколова и отъ констатированія неполноты ученія англиканской церкви объ іерархіи, включающагося въ ея вѣроизложенія, перешелъ къ доказательству его чисто протестантскаго характера (не лютеранскаго и не кальвиновскаго, а протестантскаго, представляющаго специфическую особенность англиканства). Но если эта задача, предпринятая мною, выполнена удовлетворительно во II и III главахъ моего сочиненія (надѣюсь, что г. О. въ своей рецензій не доказалъ противнаго), то научное значеніе послѣдняго не только не могло уменьшиться отъ этого, а напротивъ должно еще возрасти до степени самостоятельнаго, хотя и небольшого по размѣрамъ, изслѣдованія въ области науки объ исповѣданіяхъ. *Ал. Рождественскій*.

Признавалъ ли Кантъ бытіе вещей въ себѣ?

Ученіе о вещахъ въ себѣ излагается въ различныхъ отдѣлахъ „Критики чистаго разума“ по большей части въ отрывочной формѣ (сравнительно полноѣ и систематичнѣе оно представлено въ заключительныхъ отдѣлахъ аналитики: „объ основѣ различія всѣхъ предметовъ вообще на рхаепомена и пошмена“ и „объ амфиболіи рефлексивныхъ понятій черезъ смѣшеніе эмпирическаго разсудка съ трансцендентальнымъ“). Но такая отрывочность по формѣ не препятствовала бы ясному пониманію ученія о вещахъ въ себѣ, если бы между отдѣльными положеніями его, находящимися въ различныхъ частяхъ критики, не было взаимнаго противорѣчія. Между тѣмъ эти положенія, по отношенію къ вопросу о реальномъ существованіи вещей въ себѣ, настолько противоположны, что повидимому вполне отрицаютъ другъ друга. Если пересмотрѣть всѣ положенія Канта, отвѣчающія на этотъ вопросъ, какъ они непосредственно даны въ разныхъ отдѣлахъ критики, то ихъ можно будетъ свести къ тремъ основнымъ типамъ. Въ указанныхъ отдѣлахъ аналитики заявляется, что дѣленіе міра и предметовъ на рхаепомена и пошмена въ положительномъ смыслѣ допускаемо быть не можетъ и что о вещи въ себѣ мы не можемъ сказать, возможна ли она или невозможна. Въ другихъ мѣстахъ критики (преимущественно въ эстетикѣ) утверждается несомнѣнное существованіе вещей въ себѣ на томъ основаніи, что онѣ воздѣйствуютъ на нашу чувственность и производятъ въ ней ощущенія, какъ матеріальнаго нашего познанія, безъ этого воздѣйствія необъяснимый. Нако-

нецъ, въ разрѣшеніи третьей антиноміи (и въ §§ 57, 58 и 59 пролегоменъ) дается иной отвѣтъ на вопросъ о существованіи вещей въ себѣ—здѣсь утверждается ихъ реальность, какъ безусловныхъ причинъ міра явленій въ его цѣломъ. Вотъ три отвѣта Канта на вопросъ о существованіи вещей въ себѣ; первый отвѣтъ—отрицательнаго характера (хотя не безусловно), второй и третій—утвердительнонаго, но съ различной мотивировкой. Какое же изъ трехъ рѣшеній нужно приписать Канту, какъ его дѣйствительное убѣжденіе? Признавалъ онъ бытіе вещей въ себѣ или не признавалъ, и если признавалъ, то на чемъ его обосновывалъ?

Признаніе существованія чего либо есть актъ познанія, изслѣдованіе возможности и основъ котораго составляетъ непосредственное содержаніе „Критики чистаго разума“. Поэтому рѣшеніе вопроса о томъ, признавалъ ли Кантъ бытіе вещей въ себѣ, должно быть дано на основаніи изслѣдованія общаго вопроса о возможности и основахъ познанія по Канту,—такое изслѣдованіе дастъ возможность установить какъ именно относился Кантъ къ акту признанія бытія вещей въ себѣ съ точки зрѣнія своихъ гносеологическихъ принциповъ. Если подъ эти принципы долженъ будетъ подойти одинъ изъ вышеуказанныхъ отвѣтовъ Канта относительно существованія вещей въ себѣ, то какъ нужно тогда смотрѣть на два другіе отвѣта? Признать ихъ противорѣчіями? Но противорѣчія возможны только тогда, когда тезисъ и антитезисъ лежатъ, такъ сказать, въ одной плоскости мысли, когда что либо утверждается или отрицается съ одинаковыхъ основныхъ точекъ зрѣнія. Следовательно, необходимо подвергнуть изслѣдованію природу аргументацій Канта, остающихся за выясненіемъ его гносеологическаго воззрѣнія, необходимо открыть ту основу, на которой онъ построенъ. Только тогда возможно будетъ определенно рѣшить вопросъ о томъ, признавалъ или нѣтъ Кантъ бытіе вещей въ себѣ. Общій планъ рѣшенія этого вопроса будетъ такимъ образомъ, слѣдующій: 1) Изслѣдованіе принципиально гносеологическаго отношенія Канта къ признанію бытія вещей въ себѣ, какъ акту познанія, на основаніи общаго ученія Канта о возможности и основахъ позна-

нія. 2) Исслѣдованіе природы и сущности отвѣтовъ Канта на вопросъ о существованіи вещей въ себѣ, остающихся за выясненіемъ его гносеологическаго воззрѣнія. 3) Заключительный выводъ о дѣйствительномъ смыслѣ ученія Канта о вещахъ въ себѣ.

I.

Фактъ познанія предполагаетъ познавательныя способности, какъ орудія, посредствомъ которыхъ осуществляется человеческое познаніе. Кантъ признаетъ *четыре* познавательныхъ способности: *чувственность, разумъ, способность сужденія и разумъ* (три послѣднія у Канта часто объединяются подъ общимъ именемъ разсудка). Опредѣленіе функций и общаго гносеологическаго значенія каждой изъ этихъ способностей занимаетъ очень важное мѣсто въ гносеологіи Канта. Чувственность есть способность, посредствомъ которой намъ даются предметы познанія (его матеріаль), разсудокъ (въ общемъ смыслѣ)—способность, посредствомъ которой эти предметы нами мыслятся ¹⁾. Въ частности, разсудокъ въ собственномъ смыслѣ есть способность понятій или правилъ познанія, способность сужденія есть способность, подводящая матеріаль познанія (доставляемый чувственностью) подъ правила разсудка, разумъ—способность принциповъ, простирающихся на все разсудочное познаніе его въ цѣломъ ²⁾. Изъ такого пониманія познавательныхъ способностей и ихъ функций необходимо вытекаетъ существенное, родовое различіе чувственности и разсудка, какъ познавательныхъ способностей. Именно, чувственность—способность пассивная, разсудокъ—активная (самодѣятельная); содержаніе чувственности возникаетъ не изъ нея самой, а только дается въ ней, т. е., сознаніе находитъ его въ чувственности какъ данное, разсудочное же познаніе (мышленіе о предметѣ) образуется, т. е., въ сознаніе входитъ (или можетъ входить) самый процессъ его образованія. Это общее различіе чувственности и разсудка даетъ тотъ важный выводъ, что познаніе, поскольку оно есть опредѣленіе предметовъ въ

¹⁾ Критика чистаго разума. Пер. Н. Соколова. 1897 г. Стр. 49.

²⁾ Кр. ч. раз. Стр. 75, 133, 250.

мышленія, не есть дѣло какой либо одной изъ названныхъ способностей, а есть ихъ общее произведеніе, такъ какъ чувственность только даетъ матеріаль, не опредѣляя его, разумъ же безъ чувственности не имѣетъ матеріала для своей опредѣляющей дѣятельности; слѣдовательно, созерцанія чувственности безъ понятій разсудка слѣпы, понятія безъ созерцаній пусты ¹⁾. Предметы познанія даются въ чувственности въ ея примѣненіи къ опыту, съ котораго, слѣдовательно, и начинается все наше познаніе. Но познаніе не адекватно опыту, т. е., не объясняется во всемъ своемъ объемѣ и содержаніи однимъ опытомъ. Такъ заставляеть думать уже одно то обстоятельство, что одинъ изъ необходимыхъ элементовъ познанія—разсудочный—возникаетъ изъ чистой самодѣятельности разсудка. Слѣдовательно, вполне возможно, что существуетъ познаніе, независимое отъ опыта и впечатлѣній внѣшнихъ чувствъ—познаніе а priori, въ противоположность познанію а posteriori, т. е. опытному. Если же такое апріорное познаніе существуетъ, то оно непременно должно обладать двумя характерными свойствами—всеобщностью и необходимостью,—отличающими его отъ познанія апостеріорнаго, обязаннаго своимъ происхожденіемъ опыту, который, показывая намъ, что нѣчто существуетъ съ тѣми или другими свойствами, не говоритъ, что это нѣчто не могло бы существовать иначе и что нѣтъ никакого исключенія изъ того или другого правила существованія ²⁾. Указанныя положенія имѣютъ значеніе гносеологическихъ предпосылокъ, обнимающихъ познаніе по его источникамъ. Относительно формы познанія Кантъ предпосылаетъ раздѣленіе всѣхъ познавательныхъ сужденій на аналитическія и синтетическія, т. е. на такія, въ которыхъ или только раскрывается содержаніе даннаго понятія (чрезъ расчлененіе его признаковъ), или же къ данному понятію присоединяется другое, и ихъ связь (синтезъ) мыслится въ той или другой формѣ какъ дѣйствительное познаніе. Кантъ утверждаетъ, что познаніе въ собственномъ смыслѣ, какъ расширеніе и обогащеніе нашего сознанія, можетъ быть только

¹⁾ Крит. чист. раз. Стр. 76.

²⁾ Кр. чист. раз. Стр. 28.

синтетическимъ, потому что при анализѣ понятій лишь проясняется уже имѣющееся познавательное содержаніе, но не расширяется за свои предѣлы. Понятіе синтеза необходимо требуетъ, кромѣ соединяемыхъ элементовъ, еще основы, на которой происходитъ самый синтезъ, потому что въ самихъ понятіяхъ нѣтъ ничего взаимно соотносящагося, что дѣлало бы возможнымъ переходъ отъ одного изъ нихъ къ другому. Гдѣ нѣтъ такой основы, тамъ невозможно и синтетическое познаніе. Апостеріорное (эмпирическое) познаніе всегда синтетично, потому что опытъ, на основѣ котораго оно возникаетъ, представляетъ изъ себя именно синтетическую связь созерцаній, но эта опытная синтетическая связь не всеобща и не необходима. Наоборотъ, логическое познаніе (только изъ понятій) всегда аналитично, такъ какъ разлагаетъ понятія на ихъ составные элементы, но поскольку оно апріорно, ему присущи свойства апріорности—всеобщность и необходимость. Идеаль познанія, какъ опредѣленія предметовъ въ мышленіи, требуетъ, чтобы оно, во-первыхъ, было дѣйствительнымъ обогащеніемъ сознанія новымъ содержаніемъ, во-вторыхъ, имѣло не случайный, но всеобщій и необходимый характеръ, т. е., требуетъ, чтобы въ познаніи синтетичность соединялась съ апріорностью. Существуетъ ли такое синтетическое познаніе а priori и если существуетъ, то какъ оно возможно при отсутствіи въ апріорномъ мышленіи связывающей основы опыта—рѣшеніе этого вопроса составляетъ основную задачу „критики чистаго разума“. Права на синтетическое познаніе а priori предъявляются со стороны математики и метафизики (въ широкомъ смыслѣ), какъ наукъ, совершенно независимыхъ отъ опыта,—поэтому для Канта необходимо выясненіе возможности и основъ познанія метафизическаго, а такъ какъ метафизика вообще противопоставляетъ себя опыту, то является необходимымъ и выясненіе возможности познанія эмпирическаго.

«Математика» есть наука о величинахъ въ пространствѣ (геометрія) или во времени (арифметика). Ея положенія отличаются безусловной всеобщностью и необходимостью, слѣдовательно, она наука—апріорная. Съ другой стороны, всѣ основныя положенія математики—синтетичны, такъ какъ создаются

не посредствомъ анализа чистыхъ понятій (напр. понятій о линіи въ геометріи или числѣ въ ариметикѣ), но посредствомъ представленія понятій въ созерцаніяхъ (пространственныхъ и временныхъ чувственныхъ образахъ). Пространство и время, такимъ образомъ, составляютъ, какъ созерцанія, необходимыя условія синтетичности математическаго познанія. Но какимъ образомъ всеобщность и необходимость синтетическихъ положеній математики соединяется съ конструированіемъ ихъ въ созерцаніяхъ, образахъ чувственности, имѣющихъ, повидимому, только эмпирическое значеніе? Въ данномъ случаѣ математика конструируетъ понятія величинъ въ пространствѣ и времени прежде всякаго опыта (опытнаго воспріятія предметовъ въ пространствѣ и времени) и въ то же время свои положенія, созданныя путемъ такой конструкціи, она распространяетъ безусловно на всѣ возможные предметы опыта. Но чтобы созерцаніе предшествовало въ качествѣ познанія а ргіогі дѣйствительному предмету, это возможно, говоритъ Кантъ, въ томъ единственномъ случаѣ, если такое, созерцаніе не содержитъ въ себѣ ничего, „кромѣ формы чувственности, формы, предшествующей въ нашемъ субъектѣ всякимъ дѣйствительнымъ впечатлѣніямъ, получаемымъ нами отъ предметовъ“ ¹⁾. Слѣдовательно, пространство и время—созерцанія, которыя чистая математика полагаетъ въ основу всѣхъ своихъ познаній—должны быть признаны апріорными, формами чувственности, предшествующими всякому дѣйствительному воспріятію, предметовъ и обусловливающихъ его, какъ воспріятіе пространственное и временное. Только при такомъ пониманіи пространства и времени возможно математическое познаніе. Такимъ образомъ, пространство и время, въ качествѣ апріорныхъ формъ чувственности, обнимаютъ все содержаніе внѣшняго и внутренняго опыта, какъ чувственнаго познанія, и въ этомъ смыслѣ они реальны (эмпирическая реальность пространства и времени), но если мы выбросимъ условія возможности всякаго опыта, то должны будемъ признать трансцендентальную идеальность пространства и времени, потому

¹⁾ Прологомени ко всякой буд. метафизикѣ, пер. В. С. Сохольева (II выпускъ Тр. М. Цсах. Об-ва). § 9 стр. 41—2.

что въѣ опытнаго познанія они, какъ апріорныя формы его, —ничто ¹⁾).

Въ рамкахъ пространства и времени, какъ чистыхъ чувственныхъ формъ, сознание находитъ вставленнымъ разнообразное содержаніе (ощущенія), слагающееся въ этихъ формахъ въ эмпирическое созерцаніе, которое и является непосредственнымъ предметомъ эмпирическаго познанія. Разнообразное содержаніе эмпирическаго созерцанія смѣняется и измѣняется сообразно съ тѣми впечатлѣніями, которыя испытываетъ наша чувственность (называемая иначе воспріимчивостію впечатлѣній). Наше сознание относитъ эти впечатлѣнія и соотвѣтствующее имъ содержаніе эмпирическихъ созерцаній (ощущенія) на счетъ объектовъ, воздѣйствующихъ на чувственность, и потому эмпирическое познаніе содержанія созерцаній понимается какъ познаніе этихъ объектовъ. Это познаніе не можетъ совершаться въ самой чувственности, въ которой только даются эмпирическія созерцанія безъ всякаго дальнѣйшаго ихъ опредѣленія, тогда какъ эмпирическое познаніе есть именно опредѣленіе эмпирическаго созерцанія, во-первыхъ, въ его качествѣ, во-вторыхъ, въ его отношеніи къ объекту, въ третьихъ, въ его отношеніи къ другимъ эмпирическимъ созерцаніямъ. Слѣдовательно, въ эмпирическомъ познаніи, какъ таковомъ, необходимо существуетъ, кромѣ пассивныхъ элементовъ чувственности, элементъ активный, —именно мышленіе, какъ опредѣленіе предмета эмпирическаго созерцанія.

Эмпирическое (опытное) познаніе, какъ было отмѣчено выше, синтетично по своей формѣ и состоитъ вообще въ синтезѣ:

¹⁾ Такое (основанное на возможности математическаго познанія) доказательство апріорности пространства и времени, какъ формъ чувственности, Кантъ называетъ трансцендентальнымъ. Кромѣ него онъ выставляетъ (въ эстетикѣ) метафизическое (положительное) доказательство, сущность котораго въ слѣдующемъ: пространство и время не могутъ имѣть эмпирическаго происхожденія, потому что одновременность, послѣдовательность и мѣстоположеніе предметовъ опыта не могли бы быть восприняты, если бы въ чувственности уже а priori не находилось чистое созерцаніе пространства и времени, какъ неустранимая изъ сознанія форма представленія предметовъ; съ другой стороны, пространство и время, какъ единичныя представленія, части которыхъ не предшествуютъ въ качествѣ составныхъ элементовъ, но только мыслятся въ нихъ, какъ ихъ ограниченія, суть именно созерцанія, а не общія (дискурсивныя) понятія.

эмперическихъ созерцаній. Функціей разсудка, въ которой выражается этотъ синтезъ, является эмперическое синтетическое сужденіе. Разсудокъ не есть способность созерцанія, и потому разсудочное эмперическое познаніе не есть познаніе чрезъ созерцанія (интуитивное), какъ разсудочное, оно является познаніемъ чрезъ понятія (дискурсивнымъ) ¹⁾; отличіе понятій, какъ продуктовъ самодѣятельности разсудка, отъ созерцаній состоитъ въ томъ, что созерцаніе, какъ единичное представленіе, относится къ предмету непосредственно, понятіе же посредственно, въ силу признака, общаго для многихъ вещей ²⁾. Разсудокъ въ тѣсномъ смыслѣ и есть, по Канту, способность понятій. На основаніи понятій создаются опытные сужденія причемъ эта функція принадлежитъ способности сужденія. Общая форма опытныхъ сужденій состоитъ въ томъ, что для познанія предмета вмѣсто непосредственнаго представленія берется одно высшее (понятіе), которое включаетъ въ себѣ многія представленія, и въ числѣ ихъ и данное представленіе, которое уже непосредственно относится къ предмету ³⁾. Такимъ образомъ, сужденіе есть посредственное познаніе предмета, представленіе его представленія, какъ говоритъ Кантъ. Функція разсудка (въ общемъ смыслѣ) при эмперическомъ познаніи чрезъ понятія въ сужденіяхъ состоитъ, въ подведеніи подъ высшія понятія представленій единичныхъ (будутъ ли они созерцаніями или снова понятіями),—въ объединеніи представленій на основаніи высшихъ понятій; поэтому Кантъ называетъ всѣ сужденія вообще функціями единства. Объединеніе представленій, есть ихъ синтезъ; всякій синтезъ необходимо требуетъ, кромѣ синтезируемыхъ элементовъ, еще ихъ единства, какъ основы синтеза. Это единство должно принадлежать разсудку, такъ какъ въ чувственности всѣ созерцанія совершенно обособлены и между ними нѣтъ никакого единства, и должно выражаться въ чистыхъ разсудочныхъ понятіяхъ, потому что формами самодѣя-

1) Кр. ч. раз. Стр. 86.

2) Тамъ же. Стр. 268.

3) Кр. чист. раз. стр. 87. Отъ опытныхъ сужденій нужно отлывать простыя сужденія воспріятія, которыя обозначаютъ только субъективную связь созерцаній и не относятся къ эмперическому познанію, поскольку оно есть познаніе объектовъ (объективно).

тельности разсудка служатъ понятія. Въ сужденіяхъ разсудокъ и синтезируетъ представленія на основаніи единства чистыхъ разсудочныхъ понятій. Поэтому анализъ объединительныхъ функцій разсудка, по Канту, необходимо долженъ привести къ открытію чистыхъ разсудочныхъ понятій, какъ основъ синтеза. Соотвѣтственно такому анализу функцій сужденія (по ихъ количеству, качеству, отношенію и модальности) Кантъ и даетъ таблицу чистыхъ разсудочныхъ понятій или категорій, состоящую изъ четырехъ трехчленныхъ группъ (количество: единство, множество, всеобщность; качество: реальность, отрицаніе, ограниченіе; отношеніе: принадлежность и самостоятельность, причинность и зависимость, общеніе; модальность: возможность—невозможность, существованіе—несуществованіе, необходимость—случайность). Всѣ эти категоріи суть высшія объединительныя понятія, на основаніи которыхъ синтезируются представленія въ сужденіяхъ, составляющихъ эмпирическое познаніе. Это же послѣднее, какъ было указано, обычно понимается какъ познаніе объектовъ, воздѣйствующихъ на нашу чувственность и производящихъ въ ней содержаніе эмпирическихъ созерцаній, хотя непосредственнымъ предметомъ эмпирическаго познанія являются только эти созерцанія. Слѣдовательно, сущность эмпирическаго познанія по категоріямъ состоитъ; во-первыхъ, въ синтезѣ субъективныхъ элементовъ познанія (понятій и созерцаній), во-вторыхъ, въ объективированіи этого синтеза. Но какъ возможенъ объективный синтезъ субъективныхъ элементовъ познанія?

Эмпирическое познаніе, какъ таковое, заключаетъ въ себѣ двѣ стороны—интеллектуальную, поскольку объекты эмпирическаго познанія мыслятся чрезъ понятія въ сужденіяхъ, и чувственную, поскольку эти объекты находятся какъ данныя въ воспріятіяхъ. Въ первомъ отношеніи объекты синтетически познаются, во второмъ отношеніи эти объекты представляются какъ таковыя, т. е., въ воспріятіяхъ наши субъективныя эмпирическія созерцанія получаютъ для насъ значеніе объектовъ. Этотъ послѣдній познавательный актъ такъ же синтетиченъ, какъ и первый: какъ сужденіе представляетъ синтезъ понятій, такъ и воспріятіе является синтезмомъ отдѣльныхъ

созерцаній. Поэтому дедукція возможности эмпирическаго познанія должна выяснить его возможность въ двухъ отношеніяхъ, какъ синтеза интеллектуальнаго и какъ синтеза чувственнаго (фигурнаго). Какъ уже указано, оба синтеза имѣютъ то общее между собою, что они оба объективны. Поэтому прежде всего должна быть выведена ихъ объективность.

Элементы эмпирическаго познанія (какъ въ его интеллектуальной, такъ и въ чувственной формѣ)—понятія и созерцанія—сами по себѣ суть только различныя опредѣленія сознанія субъекта и имѣютъ значеніе только относительно этого послѣдняго. Но въ эмпирическомъ познаніи ихъ субъективныхъ и индивидуальныхъ они становятся объективными, какъ элементы всякаго возможнаго сознанія, т. е., признаются всеобщими и необходимыми (когда, напр., въ сужденіи утверждаютъ:—тѣла суть тяжелы—или въ воспріятіи опредѣляютъ: домъ существуетъ, то во всѣхъ этихъ случаяхъ выходятъ за предѣлы индивидуальнаго эмпирическаго сознанія и элементы послѣдняго понимаютъ какъ необходимые элементы всякаго возможнаго сознанія). Обычное мышленіе относитъ причину такой объективности субъективныхъ элементовъ сознанія на счетъ объектовъ, существующихъ внѣ сознанія и на него воздѣйствующихъ. Но въ этомъ случаѣ то, что нужно объяснить (объектъ, какъ постулатъ сознанія) принимаютъ какъ данное и объясняютъ его имъ же самимъ (*petitio principii*). Кантъ разлагаетъ эмпирическое познаніе и въ немъ самомъ находитъ причину объективироваія субъективной наличности сознанія. Онъ констатируетъ, что всѣ познавательные акты (какъ въ сужденіяхъ, такъ и въ воспріятіяхъ) сопровождаются тождествомъ самосознанія—субъектъ сознаетъ себя, однимъ и тѣмъ же во всѣхъ своихъ познавательныхъ актахъ, хотя его эмпирическое самосознаніе, обусловленное наличнымъ содержаніемъ сознанія, мѣняется съ измѣненіемъ послѣдняго. Это сплошное тождество самосознанія само по себѣ аналитично (аналитическое единство апперцепціи), но его возможность обусловлена высшимъ синтетическимъ актомъ; такъ какъ единство самосознанія выражаетъ принадлежность субъекту всего содержанія его сознанія, то оно возможно только потому, что субъектъ

можетъ а priori назвать своимъ все возможное содержаніе своего сознанія, т. е., можетъ а priori синтезировать это содержаніе, какъ ему принадлежащее; безъ такого трансцендентальнаго синтетическаго единства самосознанія не было бы возможно и его аналитическое единство. Такъ Кантъ приходитъ къ трансцендентальному синтетическому единству апперцепціи. Въ этомъ единствѣ и коренится причина объективности всего нашего познанія. Какъ показано выше, эта объективность состоитъ въ перенесеніи содержанія субъективнаго сознанія за его предѣлы въ качествѣ содержанія всякаго возможнаго сознанія. Слѣдовательно, объектъ познанія (по своему гносеологическому опредѣленію) есть то, въ понятіи чего объединяется разнообразное содержаніе сознанія¹⁾, потому что только такое соединеніе выдѣляетъ эмпирическое содержаніе изъ рамокъ индивидуальнаго сознанія и переноситъ его за предѣлы послѣдняго. Но то, что прежде не соединено внутри насъ (въ нашемъ сознаніи), то не можетъ быть представляемымъ и соединеннымъ внѣ насъ. Трансцендентальное синтетическое единство апперцепціи именно и соединяетъ а priori все возможное содержаніе нашего сознанія, и такъ какъ это единство не эмпирическое, а априорное, то и создаваемое имъ соединеніе всеобще и необходимо, слѣдовательно, объективно въ выше указанномъ смыслѣ. Отсюда слѣдуетъ, что объективность вполне и безусловно объясняется функціей трансцендентальнаго синтетическаго единства апперцепціи и въ силу свойствъ этого единства выражаетъ только отношеніе всего содержанія сознанія къ одному трансцендентальному субъекту. Такимъ образомъ, объективное существованіе должно быть понимаемо изъ законовъ человѣческаго самосознанія и объясняемо только ими; такъ какъ трансцендентальное синтетическое единство апперцепціи, обуславливающее объективное существованіе, есть единство субъективныхъ элементовъ познанія, соприндалежащихъ одному субъекту, то объективное существованіе простирается только на эти элементы, которые, въ свою очередь, сводятся къ эмпирическимъ созерцаніямъ.

1) Кр. ч. р. Стр. 113.

Даже чистыя созерцанія (пространство и время) не были бы объективными, если бы не были формами эмпирических созерцаній.

Объективированіе содержанія субъективнаго сознанія осуществляется въ эмпирическомъ познаніи въ формѣ сужденія (какъ познанія объекта путемъ интеллектуальнаго синтеза) и въ формѣ воспріятія (какъ сознанія объекта—путемъ фигурнаго синтеза). Въ основѣ сужденій (ихъ логическихъ объединительныхъ функцій) лежатъ чистыя разсудочныя понятія—категоріи. Всякое сужденіе утверждаетъ или отрицаетъ (что въ гносеологическомъ отношеніи безразлично) объективное существованіе своего (логическаго) объекта по той или другой категоріи (въ той или другой формѣ); слѣдовательно, всякое опытное сужденіе, въ силу выше сказаннаго, выражаетъ не что иное, какъ отношеніе эмпирическаго содержанія индивидуальнаго сознанія къ трансцендентальному синтетическому единству апперцепціи, причемъ категоріи суть формы и способы этого отношенія.

Интеллектуальный синтезъ является разсудочнымъ познаніемъ объекта, фигурный же создаетъ самый объектъ въ воспріятіи. Воспріятіе основывается на эмпирическомъ созерцаніи и есть объективированіе послѣдняго. Какъ такое, воспріятіе, по выше указанной причинѣ, непременно должно стоять подъ первоначальнымъ синтетическимъ единствомъ апперцепціи и категоріями, какъ формами этого единства. Если такъ, то воспріятіе, какъ объективный синтезъ отдѣльныхъ созерцаній, образуется разсудкомъ въ его примѣненіи къ чувственности. Но разсудокъ не есть способность созерцаній и потому онъ не можетъ непосредственно воспринять въ себя созерцанія чувственности для объективнаго синтезирования ихъ по категоріямъ, какъ своимъ формамъ. Отсюда Кантъ выводитъ необходимость посредствующаго передаточнаго звена между разсудкомъ и чувственностью при воздѣйствіи перваго на послѣднюю и открываетъ такое звено въ продуктивномъ воображеніи его трансцендентальныхъ функціяхъ. Воображеніе, по опредѣленію Канта, есть способность представлять предметъ и безъ

его присутствія въ созерцаніи ¹⁾. Такъ какъ всякое созерцаніе чувственно, то воображеніе, воспроизводящее предметъ въ созерцаніи, относится къ чувственности, но такъ какъ съ другой стороны воображеніе есть проявленіе опредѣляющей самодѣятельности (въ воспроизведеніи предмета безъ его присутствія), то синтетическая функція воображенія есть функція разсудка. Поэтому воображеніе и можетъ быть передаточной средой при воздѣйствіи разсудка на чувственность. Сущность этого воздѣйствія состоитъ въ объективномъ синтетическомъ опредѣленіи эмпирическихъ созерцаній по категоріямъ (въ ихъ отношеніи къ трансцендентальному синтетическому единству апперцепціи), причемъ самый синтезъ созерцаній происходитъ въ двухъ формахъ—какъ синтезъ аппрегензи и какъ синтезъ репродукціи; первый синтезъ есть одновременное объединеніе (схватываніе) элементовъ созерцанія, второй—ихъ объединеніе въ ихъ послѣдовательности. Но какъ первый, такъ и второй синтезъ возможны только при синтетическомъ единствѣ апперцепціи, объективирующемъ синтезъ воображенія, потому что самый актъ синтеза необходимо требуетъ, какъ своего основанія, единства въ объединяемыхъ элементахъ; такимъ единствомъ въ субъективныхъ элементахъ сознанія и является синтетическое единство апперцепціи, по отношенію къ которому эти элементы и объединяются, какъ принадлежащіе одному и тому же субъекту; формами объединенія являются категоріи.

Такова краткая схема кантовой дедукціи возможности эмпирическаго познанія, какъ объективнаго синтеза эмпирическаго содержанія сознанія. Итоги этой дедукціи выражаются слѣдующимъ образомъ: 1) объективность эмпирическаго познанія, какъ имѣющаго значеніе для всякаго возможнаго сознанія, основывается на трансцендентальномъ синтетическомъ единствѣ апперцепціи; 2) синтетичность эмпирическаго познанія (съ его чувственной стороны), являясь постулатомъ трансцендентальнаго единства апперцепціи, зависитъ отъ функціи трансцендентальнаго воображенія; 3) категоріи суть формы синтезирова-

¹⁾ Кр. ч. р. Стр. 121.

нiя разнообразнаго созерцанiя и возведенiя полученнаго синтеза къ объективному единству апперцепцiи; 4) дедукцiя возможности эмпирическаго познанiя есть дедукцiя возможности опыта вообще, такъ какъ опытъ, по опредѣленiю Канта, именно и состоитъ въ синтетическомъ соединенiи воспрiятiй въ сознанiи, насколько это соединенiе имѣеть характеръ необходимости, который придается ему чрезъ подведенiе воспрiятiй подъ категорiи и синтетическое единство апперцепцiи. Такъ какъ, далѣе, возможность опыта есть вмѣстѣ съ тѣмъ возможность и предметовъ опыта, а совокупность всѣхъ предметовъ опыта, связанныхъ закономѣрностью опредѣленiй, составляетъ, по Канту, природу, то дедукцiя эмпирическаго познанiя есть дедукцiя возможности природы какъ съ ея формальной (закономѣрность), такъ и матеріальной (объективность) стороны (*natura formaliter spectata* и *natura materialiter spectata*).

Эмпирическому познанiю, основанному на опытѣ, противопоставляется познанiе метафизическое, какъ познанiе изъ однихъ чистыхъ понятiй разсудка безъ всякаго отношенiя къ опыту. Какъ возможно такое познанiе? Дедукцiя познанiя математическаго и эмпирическаго съ несомнѣннiю показала, что объективность, являющаяся существеннымъ признакомъ всякаго дѣйствительнаго познанiя, исключительно зависитъ отъ двухъ условiй—трансцендентальнаго синтетическаго единства апперцепцiи и эмпирическаго созерцанiя. Ни одно изъ этихъ условiй не можетъ выпасть, не лишивъ тѣмъ познанiя его объективности. Если отнять синтетическое единство апперцепцiи, то познанiе будетъ лишь хаотическимъ агрегатомъ ощущенiй, наполняющихъ индивидуальное сознанiе и не вмѣющихъ въ себѣ предѣловъ послѣдняго никакаго значенiя; если же устранить эмпирическаго созерцанiя, то синтетическое единство апперцепцiи будетъ совершенно пустымъ за отсутствiемъ матеріала для его синтетическихъ функцiй; сама апперцепцiя, какъ тождество самосознающей личности, будетъ при этомъ невозможна, потому что совнать себя тождественнымъ можно только по отношенiю къ чему либо, а здѣсь это отношенiе устраняется. Естественнымъ выводомъ изъ этихъ положенiй является тотъ, что метафизическое познанiе, осуществляемое

посредствомъ однихъ чистыхъ разсудочныхъ понятій при полномъ устраненіи всякаго опыта, никогда не можетъ быть объективнымъ, т. е., быть дѣйствительнымъ познаніемъ, имѣющимъ значеніе для всякаго возможнаго сознанія, потому, именно, что оно устраняетъ опытъ и тѣмъ лишаетъ себя возможности быть подведеннымъ подъ трансцендентальный синтезъ апперцепціи. Такое метафизическое познаніе можетъ имѣть только субъективно индивидуальную цѣнность.

Какъ было отмѣчено выше, опытъ въ его цѣломъ вполнѣ обусловленъ апріорными законами разсудка и чувственности: трансцендентальнымъ единствомъ апперцепціи, категоріями, трансцендентальнымъ воображеніемъ, пространствомъ и временемъ. Эти апріорные законы создаютъ опытъ и все опытное познаніе, какъ таковое, въ апостеріорномъ приложеніи (въ наличныхъ эмпирическихъ условіяхъ опыта, обращая эмпирическія созерцанія въ воспріятія и сужденія воспріятія въ объективно необходимыя). Но въ силу своей апріорности эти законы могутъ относиться къ опыту и въ апостеріорнаго приложенія, именно стоятъ въ отношеніи къ возможному опыту вообще, какъ его условія. Въ этомъ, случаѣ, возможны апріорныя синтетическія сужденія съ объективнымъ значеніемъ, такъ какъ они вполнѣ удовлетворяютъ, указаннымъ условіямъ объективности познанія вообще (своимъ отношеніемъ къ возможному опыту). Какъ именно образуются такія синтетическія сужденія а ріогі и что они выражаютъ?—Выше было отмѣчено, что разсудокъ, какъ несозерцательная способность, можетъ (апостеріорно) примѣняться къ опыту (къ формѣ внутренняго чувства—времени—къ которому сводится опытъ, какъ опредѣленіе сознанія) только при посредствѣ воображенія. То же самое имѣетъ мѣсто и при образованіи въ разсудкѣ синтетическихъ сужденій а ріогі относительно возможнаго опыта. Здѣсь роль воображенія состоитъ въ схематизированіи чистыхъ разсудочныхъ понятій (категорій), во времени, какъ формѣ внутренняго чувства, въ рамкахъ котораго стоитъ все эмпирическое познаніе. Результатомъ такого схематизированія являются схемы категорій, т. е., синтетическія опредѣленія времени по категоріямъ а ріогі, раздѣляющіяся по порядку

категорій на рядъ времени, на его содержаніе, на его порядокъ и на совокупность времени для всѣхъ возможныхъ представленій. На основѣ времени, какъ общей схемы категорій, и создаются апріорныя синтетическія сужденія, какъ условія возможнаго опыта, называемыя Кантомъ основоположеніями чистаго разсудка. Эти основоположенія Кантъ дѣлитъ по руководящей нити категорій на четыре группы: аксіомы созерцанія, антиципаціи воспріятія, аналогіи опыта и постулаты эмпирическаго мышленія вообще.

Принципомъ первыхъ (аксіомъ созерцанія), представляющихъ примѣненіе къ эмпирическимъ созерцаніямъ категоріи величины, служитъ положеніе: „всѣ созерцанія суть величины экстенсивныя“¹⁾, такъ какъ они воспринимаются во времени не иначе, какъ только путемъ соединенія однороднаго и сознанія его синтетическаго единства, т. е. такъ, что представленіе частей дѣлаетъ возможнымъ представленіе цѣлаго и, слѣдовательно, необходимо предшествуетъ послѣднему. Антиципаціи воспріятія представляютъ примѣненіе къ созерцаніямъ категоріи реальности. Такъ какъ эта категорія въ ея схематическомъ примѣненіи указываетъ на наполненное время, а ея противоположность—отрицаніе—на пустоту, незаполненность времени, то между отрицаніемъ (пустотой) и высшей степенью реальности (наполненности) существуютъ промежуточныя степени, хотя сама реальность въ воспріятіи не имѣетъ измѣренія (т. е. синтетическаго представленія всѣхъ своихъ частей). Это свойство реальности и антиципируется въ синтетическомъ сужденіи аргіогі: „во всѣхъ явленіяхъ реальное, которое есть предметъ ощущенія, имѣетъ интенсивную величину, т. е. степень“²⁾. Категоріи отношенія при ихъ схематическомъ приложеніи къ воспріятіямъ (т. е. при трансцендентальномъ опредѣленіи взаимоотношенія моментовъ времени, въ которомъ стоятъ всѣ воспріятія) даютъ аналогіи опыта, какъ формы соединенія воспріятій во времени. Третье категоріямъ отношенія (субстанціальности, причинности и общенію) соответствуютъ три „modi“ времени: устойчивость,

¹⁾ Кр. ч. р. Стр. 152.

²⁾ Кр. ч. р. Стр. 155.

смѣна и сосуществованіе. Категорія субстанціи (субъекта, который не можетъ быть ничѣмъ предикатомъ) во временной схемѣ устойчивости требуетъ, чтобы въ воспріятіяхъ былъ субстратъ, какъ нѣчто устойчивое, по отношенію къ которому только и возможно опредѣленіе воспріятій во времени. Этотъ субстратъ не смѣняется, но измѣняется, т. е., вслѣдствіе смѣны возникновенія и уничтоженія своихъ опредѣленій (акциденцій). Онъ переходитъ, не уничтожаясь самъ по себѣ, изъ одного состоянія въ другое. Взаимоотношеніе во времени смѣняющихся опредѣленій субстанціи опредѣляется категоріей причинности (по второй аналогіи опыта) въ формѣ послѣдовательности причинъ и дѣйствій. Субстанціи при измѣненіи своихъ состояній существуютъ одновременно; какъ возможна эта одновременность, если порядокъ въ синтезѣ аппрегензіи (въ воспріятіи) всегда послѣдователенъ? На это отвѣчаетъ третья аналогія опыта: „всѣ субстанціи, поскольку онѣ могутъ быть воспринимаемы въ пространствѣ, какъ сосуществующія, находятся въ постоянномъ взаимодействіи“¹⁾, иначе невозможна ихъ одновременность при субъективной послѣдовательности синтеза аппрегензіи.—Категоріи модальности (возможность, дѣйствительность, необходимость въ ихъ схематическомъ примѣненіи создаютъ постулаты эмпирическаго мышленія, касающіеся не опредѣленія объектовъ воспріятія, но только ихъ отношеній къ разуму въ его эмпирическомъ примѣненіи. Эти отношенія могутъ быть троякими: „1) что соотвѣтствуетъ формальнымъ условіямъ опыта (по созерцанію и по понятіямъ), то возможно, 2) что совпадаетъ съ матеріальными условіями опыта (ощущенія), то дѣйствительно, 3) то, связь чего съ дѣйствительнымъ опредѣляется по общимъ условіямъ опыта“ (по закону причинности), „существуетъ (необходимо“²⁾). Такимъ образомъ, возможное, дѣйствительное и необходимое существованіе опредѣляется „только по отношенію къ опыту и его условіямъ. Таково возможное, синтетическое, познаніе а priori (метафизическое); оно есть, слѣдовательно, познаніе необходимыхъ условій всякаго возможнаго опыта (метафизика опыта, чистое естествовѣдѣніе); никакая другая метафизика невозможна.

¹⁾ Кр. ч. р. Стр. 186.

²⁾ Кр. ч. р. Стр. 191.

Представленная схема общаго ученія Канта о возможности и основахъ познанія должна быть заключена общимъ опредѣленіемъ природы и цѣнности познанія въ его цѣломъ. Познаніе является общимъ произведеніемъ познавательныхъ способностей. Чувственность даетъ матеріалъ познанія (созерцанія), причемъ формы этого матеріала (пространство и время) апіорны (независимы отъ опыта), а содержаніе (ощущенія) апостеріорно (возникаетъ черезъ опытъ); разумъ даетъ чистыя разсудочныя понятія, какъ формы синтетическаго единства апперцепціи; способность сужденія подводитъ (при посредствѣ схемъ чистаго воображенія) созерцанія чувственности подъ эти понятія и создаетъ воспріятія и сужденія, изъ синтеза которыхъ и состоитъ познаніе. Если это познаніе совершается въ наличныхъ условіяхъ опыта, то оно является эмпирическимъ (апостеріорнымъ), если же оно относится лишь къ возможному опыту вообще, какъ познаніе его необходимыхъ условій, то оно метафизическое; если же предметомъ познанія являются лишь общія формы предметовъ опыта (пространство и время, какъ величины), то такое познаніе—математическое. Всякое познаніе, къ какому виду оно бы ни относилось, является познаніемъ объективнымъ, т. е. такимъ, которое имѣетъ одинаковое значеніе для всякаго возможнаго сознанія. Такая объективность сообщается познанію функціей трансцендентальнаго синтетическаго единства апперцепціи. По своей природѣ познаніе, такимъ образомъ, есть область субъективныхъ представленій, строго координированныхъ по законамъ познавательныхъ способностей и свою гносеологическую цѣнность (объективность) получающихъ только вслѣдствіе трансцендентальнаго синтеза апперцепціи (фактора, по своей природѣ, субъективнаго); а не вслѣдствіе дѣйствительнаго существованія (въ полѣ сознанія) объекта, производящаго познаніе, какъ полагаетъ обычное мышленіе, объясненіе котораго призрачно; мы сами создаемъ объекты нашего познанія, и только такіе объекты мы познаемъ. Наше познаніе есть, слѣдовательно, познаніе явленій, возникающихъ въ нашемъ сознаніи и обусловленныхъ законами нашихъ познавательныхъ способностей. Соответствуетъ ли объектамъ нашего познанія (явленіямъ)

бытіе вещей, совершенно независимыхъ отъ всякаго возможнаго сознанія и его законовъ (вещей въ себѣ), вотъ пунктъ, въ которомъ кантовская гносеологія приходитъ къ вопросу о вещахъ въ себѣ. Мы должны выяснитъ смыслъ этого вопроса у Канта (понятіе о вещи въ себѣ) и отношеніе Канта къ признавію бытія вещей въ себѣ, какъ акту познанія, на основаніи изложеннаго общаго ученія его о гносеологической возможности и основахъ познанія.

Мысль о бытіи въ себѣ вообще возникаетъ какъ антитеза мысли о бытіи только въ нашемъ познаніи въ указанномъ выше смыслѣ. Наше познаніе имѣетъ дѣло съ явленіями, какъ предметами опыта, непосредственно данными въ созерцаніяхъ нашей чувственности. Поэтому эти явленія могутъ быть названы явленіями чувственными или „чувственными сущностями“. Бытіе въ себѣ, по самому понятію о немъ, противоположно бытію въ нашемъ познаніи, поэтому оно понимается какъ совершенно отличное по своимъ свойствамъ отъ свойствъ чувственныхъ сущностей, и такъ какъ чувственности (какъ познавательной способности) обыкновенно противопоставляется разумъ, то бытіе въ себѣ понимается въ формѣ „разсудочныхъ сущностей“—ноуменовъ, которые уже не могутъ быть объектами нашего чувственнаго познанія. „Въ самомъ нашемъ понятіи, говоритъ Кантъ, — если извѣстные предметы, какъ явленія, мы называемъ чувственными сущностями (феноменами), ибо тотъ способъ, какъ мы ихъ созерцаемъ, мы отличаемъ отъ ихъ свойствъ въ себѣ,—заключается то, что мы противопоставляемъ ихъ по этимъ послѣднимъ свойствамъ, хотя объ этихъ свойствахъ мы и не имѣли созерцанія, другимъ возможнымъ вещамъ, которыя не объекты нашихъ внѣшнихъ чувствъ, какъ предметы, только мыслимые разумомъ, и называемъ ихъ разсудочными сущностями (ноуменами)“¹⁾. Эта общая мысль о бытіи въ себѣ, какъ противоположности бытію въ нашемъ познаніи, получаетъ предметное значеніе, когда признаки бытія въ себѣ переносятся на общій, (трансцендентальный), объектъ нашего познанія, долженствующій существовать независимо отъ нашего познанія

1) Кр. ч. раз. стр. 219.

какъ вещь въ себѣ. Возникновеніе мысли о вещи въ себѣ, какъ общемъ объектѣ нашего познанія, основывается на томъ, что „всѣ наши представленія черезъ разумокъ примѣняются къ какому либо объекту“ ¹⁾, по функціи трансцендентальнаго единства апперцепціи, и когда объ этой функціи забываютъ, то вполне естественно и неизбежно возникаетъ мысль, что основаніемъ объективности нашего познанія служитъ существующій въ себѣ объектъ, какъ его производящій факторъ. „Изъ понятія явленія“, говоритъ Кантъ, (т. е. изъ наличности познанія, безъ трансцендентальнаго изслѣдованія его возможности) „вообще естественнымъ способомъ слѣдуетъ тотъ выводъ, что ему должно соответствовать нѣчто такое, что не есть явленіе, ибо явленіе въ себѣ самомъ и внѣ нашего способа представленія есть ничто“ ²⁾. Итакъ, трансцендентальный объектъ, какъ общій „коррелятъ единства апперцепціи для единства разнообразнаго въ чувственномъ созерданіи“ ³⁾, превращается въ вещь въ себѣ. Этотъ въ себѣ существующій объектъ представляется намъ мыслимымъ чрезъ чистыя понятія разсудка (категоріи), которыя въ ихъ чистомъ значеніи „мыслятъ объекты вообще, не обращая вниманія на тотъ особенный способъ чувственности, въ которомъ они могутъ быть даны“ ⁴⁾ (въ качествѣ явленій). Чистый разумокъ поэтому представляется единственнымъ источникомъ познанія этихъ объектовъ (ноуменовъ). Такъ возникаютъ категорическія сужденія, утверждающія 1) существованіе вещи въ себѣ, 2) ея познаваемость посредствомъ чистыхъ категорій разсудка. Но какова гносеологическая цѣнность этихъ сужденій?

Первое сужденіе есть признаніе за понятіемъ о вещи въ себѣ объективнаго значенія. Согласно съ тѣмъ выясненіемъ возможности объективнаго познанія, которое было изложено выше, какъ основа кантовской гносеологіи, всякое понятіе, чтобы имѣть объективное значеніе, непременно должно относиться къ соответствующему созерданію, потому что трансцендентальный синтезъ апперцепціи, дающій познанію объективное значеніе, возможенъ только относительно созерданій. „Всѣ понятія, говоритъ Кантъ, ничѣмъ не могутъ быть дока-

1) Кр. ч. раз. стр. 217.

2) Кр. ч. р. стр. 218.

3) Кр. чист. раз. 217 (1-е изд.).

4) Кр. чист. раз. 221.

заны и поэтому не можетъ быть доказана и ихъ реальная возможность, если здѣсь устраняютъ всякое чувственное созерцаніе (единственное, что мы имѣемъ); тогда остается только логическая возможность, т. е., то, что возможно понятіе (мысль); но рѣчь здѣсь вовсе не объ этомъ, а о томъ, имѣетъ ли это понятіе отношеніе къ объекту и, слѣдовательно, имѣетъ ли оно какое либо значеніе“¹⁾. При этомъ объективность познанія указываетъ не на объектъ, существующій внѣ сознанія и независимо отъ него, но только на отношеніе субъективныхъ состояній сознанія къ трансцендентальному единству апперцепціи. Но понятіе о вещи въ себѣ совершенно не имѣетъ никакого соотвѣтствующаго ему созерцанія и имѣть не можетъ по самому опредѣленію вещи въ себѣ, какъ совершенно независимой отъ всѣхъ условій чувственнаго познанія. Слѣдовательно, оно не можетъ имѣть и объективнаго значенія. Поэтому Кантъ и говоритъ, что „объективная реальность (понятія о noumenon) не можетъ быть доказана никакимъ образомъ“²⁾, что „понятіе о noumenon не есть понятіе объ объектѣ“³⁾. Понятіе можетъ имѣть объективное значеніе или какъ возможное, или какъ дѣйствительное, или какъ необходимое. Согласно съ ученіемъ о постулатахъ эмпирическаго мышленія (выше изложеннымъ) объективная возможность, дѣйствительность и необходимость имѣютъ значеніе только въ примѣненіи къ понятіямъ схемы воображенія—времени. Понятіе о вещи въ себѣ не можетъ быть подведено подъ эту схему, потому что не имѣетъ созерцанія, на которое только и можетъ простирается эта схема. Отсюда, не только нельзя утверждать дѣйствительность или необходимость вещи въ себѣ, но, даже и ея объективную возможность, ибо „возможность вещи никогда нельзя показать только изъ отсутствія противорѣчія въ понятіи; она доказывается только тѣмъ, что данному понятію дается соотвѣтствующее ему созерцаніе“⁴⁾. Слѣдовательно заключаетъ Кантъ, о вещи въ себѣ мы не можемъ сказать, „возможна ли она или невозможна“⁵⁾. Не утверждая за понятіемъ о вещи въ себѣ реальной возмож-

1) Кр. чист. р. стр. 214 прим.

3) Кр. чист. р. Стр. 242.

2) Кр. чист. р. Стр. 221.

4) Кр. ч. р. Стр. 220.

5) Кр. ч. р. Стр. 242.

ности, Кантъ и не отрицаетъ такой возможности, потому что вообще для отрицанія реальной возможности чего либо нужно уставить несоотвѣтствіе съ формальными условіями опыта (1-й постулятъ), а вещь въ себѣ никакого отношенія къ опыту имѣть не можетъ. Изъ того, что мы не можемъ дать понятію о вещи въ себѣ объективнаго значенія, уже вытекаетъ и то, что мы не можемъ и познавать вещи въ себѣ посредствомъ категорій, какъ чистыхъ понятій разсудка. Категоріи (въ схемѣ чистаго воображенія—времени) суть формы синтеза созерцаній въ единствѣ апперцепціи. Понятіе о вещи въ себѣ не есть созерцаніе и не можетъ быть схематизировано во времени, поэтому къ нему не приложима ни одна категорія. Тамъ, гдѣ нѣтъ трансцендентальнаго единства по времени, „значитъ и въ ноуменѣ, совершенно исчезаетъ всякая возможность примѣненія категорій и даже всякое значеніе ихъ“¹⁾. Слѣдовательно, вещи въ себѣ, если бы даже онѣ и существовали, никогда не могутъ быть познаны нами черезъ разсудокъ и его категоріи. Но въ тоже время мы не можемъ доказать, „что чувственное созерцаніе есть единственное возможное созерцаніе вообще“²⁾, и поэтому мы не можемъ безусловно отрицать познаніе вещей въ себѣ вообще, хотя не можемъ доказать и возможность такого познанія.

Итакъ, выводы Канта относительно гносеологической цѣнности сужденій о существованіи вещей въ себѣ и ихъ познаваемости черезъ разсудокъ выражаются слѣдующимъ образомъ. 1) Понятіе о вещи въ себѣ никогда не можетъ имѣть объективнаго (въ смыслѣ Канта) значенія, такъ какъ къ нему совершенно не приложимы гносеологическія условія объективности познанія вообще (созерцаніе, схема и синтезъ апперцепціи); 2) Къ понятію о вещи въ себѣ, какъ не имѣющему никакого отношенія къ опыту, совершенно не приложимы категоріи разсудка, служащія условіями опыта, и поэтому относительно вещей въ себѣ не можетъ быть никакого разсудочнаго познанія. 3) Понятіе о вещи въ себѣ не можетъ имѣть имманентной объективности (по отношенію къ единству апперцепціи), принадлежащей эмпирическому познанію,—тѣмъ болѣе нельзя приписывать ему трансцендентную объективность (бытіе, независимое отъ

¹⁾ Кр. чист. раз. Стр. 220.

²⁾ Кр. ч. р. Стр. 218 (1 изд.).

всякаго познанія и трансцендентальныхъ познавательныхъ законовъ), которая вообще не можетъ принадлежать никакому познанію. („Если мы скажемъ, говоритъ Кантъ, что внѣшнія чувства представляютъ намъ предметы такъ, какъ они являются, а разумокъ, какъ они существуютъ, то это послѣднее надо понимать не въ трансцендентальномъ, а только въ эмпирическомъ отношеніи, именно какъ они, какъ предметы опыта, должны быть представляемы въ непрерывной связи явленій, а не въ томъ, чѣмъ они могли бы быть внѣ отношенія къ возможному опыту и, слѣдовательно, внѣ чувственности вообще, т. е., какъ предметы чистаго разсудка, ибо это всегда останется для насъ неизвѣстнымъ“ ¹⁾). 4) Въ тоже время понятіе о вещи въ себѣ не допускаетъ и безусловнаго отрицанія его реальности, такъ какъ оно не имѣетъ никакого отношенія къ тѣмъ формальнымъ условіямъ опыта, которыя опредѣляютъ возможность вещи. Такова гносеологическая цѣнность сужденій, утверждающихъ существованіе вещей въ себѣ и ихъ познаваемость въ чистыхъ понятіяхъ разсудка. Въ чемъ теперь состоитъ гносеологическое значеніе понятія о вещи въ себѣ?

Когда понятіе о вещи въ себѣ разсматривалось, какъ имѣющее объективное значеніе, то оно разсматривалось въ положительномъ смыслѣ: подъ вещью въ себѣ понимался разсудочный объектъ (объектъ нечувственнаго, слѣдовательно, интеллектуальнаго созерцанія). Кантъ показалъ, что понятіе о вещи въ себѣ не можетъ быть объективнымъ. Слѣдовательно, это понятіе не должно имѣть положительнаго характера, обозначать объектъ, какъ разсудочную сущность. Если же отъ понятія о вещи въ себѣ отнять его положительное значеніе, то оно будетъ только обозначать объектъ, который не есть объектъ чувственнаго созерцанія, т. е., станетъ чисто отрицательнымъ. „Ученіе о чувственности есть вмѣстѣ съ тѣмъ и ученіе о ноуменахъ въ отрицательномъ смыслѣ, т. е. о вещахъ, которыя разумокъ долженъ мыслить внѣ отношенія къ нашему способу созерцанія, значить, не какъ явленія, а какъ вещи въ себѣ“ ²⁾), безъ всякаго ихъ дальнѣйшаго опредѣленія. Это отрицательное ученіе о ноуменахъ ограничиваетъ чувственность, показывая, что „чувственное познаніе обнимаетъ не всю ту

¹⁾ Кр. ч. р. Стр. 224.

²⁾ Кр. чист. р. Стр. 220.

область, которую мыслить разумомъ“¹⁾, но простирается только на явленія. Въ этомъ ограниченіи объективнаго значенія чувственнаго познанія и состоитъ гносеологическое значеніе отрицательнаго понятія о вещи въ себѣ, которое Кантъ въ этомъ отношеніи называетъ проблематическимъ („Я называю, говоритъ онъ, проблематическимъ то понятіе, которое на заключаетъ въ себѣ противорѣчія и которое, какъ ограниченіе данныхъ понятій совпадаетъ съ другими познаніями, хотя его объективная реальность не можетъ быть доказана никакимъ образомъ. Понятіе ноумена, т. е. вещи, которую должно мыслить, не какъ предметъ внѣшнихъ чувствъ (исключительно черезъ разумъ), противорѣчія въ себѣ не заключаетъ, ибо нельзя утверждать, что чувственность есть единственный возможный способъ созерцанія; далѣе, это понятіе необходимо для того, чтобы чувственное созерцаніе не простираетъ на вещи въ себѣ и, слѣдовательно, чтобы ограничить объективное значеніе чувственнаго познанія“²⁾). Такимъ образомъ, хотя дѣленіе міра и предметовъ въ положительномъ смыслѣ на феномены и ноумены допускаемо быть не можетъ, но „понятія несомнѣнно допускаютъ дѣленіе ихъ на чувственные и интеллектуальныя“, причѣмъ послѣднія ни въ какомъ случаѣ нельзя выдавать „за понятія, имѣющія объективное значеніе“³⁾).

Итакъ, Кантъ съ точки зрѣнія своихъ основныхъ гносеологическихъ принциповъ не допускаетъ признанія бытія вещей въ себѣ (хотя и не отрицаетъ его, удерживая понятія о послѣднихъ только въ его субъективно—гносеологическомъ значеніи. Слѣдовательно, изъ отмѣченныхъ въ началѣ сочиненія трехъ отвѣтовъ Канта на вопросъ о существованіи вещей въ себѣ въ качествѣ чисто гносеологическаго воззрѣнія Канта нужно признать первый—отрицательный—отвѣтъ. Но для того, чтобы былъ ясенъ дѣйствительный смыслъ ученія Канта о вещи въ себѣ, необходимо изслѣдовать природу и сущность двухъ положительныхъ кантовскихъ рѣшеній вопроса о вещи въ себѣ, что и составитъ задачу дальнѣйшаго изложенія.

М. Одинцовъ.

(Окончаніе будетъ).

¹⁾ Кр. ч. р. Стр. 222.   ²⁾ Кр. чист. р. 221—222.   ³⁾ Кр. ч. р. Стр. 222.

Понятіе объ „utile“ (о полезномъ) во второй книгѣ сочиненія Цицерона „De officiis“ (Объ обязанностяхъ ¹).

Изъ трехъ книгъ De officiis, Цицеронъ разсуждаетъ объ „utile“ во 2-й по порядку. Разсужденіе объ „utile“ у Цицерона тѣсно связано съ разсужденіемъ о „honestum“, о которомъ онъ разсуждаетъ въ 1-й книгѣ „De officiis“. Подъ понятіемъ „honestum“ Цицеронъ разумѣетъ то, что достойно похвалы само по себѣ, по своей природѣ, хотя бы другими и не было хва-
лимо ²). Общее же положеніе объ „utile“, раскрываемое Цицерономъ во 2-й книгѣ „De officiis“, слѣдующее: нѣтъ ничего полезнаго кромѣ того, что честно; печальный предрасудокъ отдѣлять полезное отъ честнаго и говорить о нихъ, какъ о двухъ различныхъ и иногда даже противоположныхъ вещахъ; человѣкъ имѣетъ обязанности къ ближнимъ и принадлежитъ себѣ самому не вполне; онъ долженъ соблюдать общественные интересы, чтобы достигнуть своей пользы. Частію опредѣляя „utile“, Цицеронъ говоритъ, что оно относится къ удобству и

1) Предлагаемый нашъ трудъ находится въ тѣсной связи и можетъ служить какъ бы продолженіемъ напечатанной въ этомъ журналѣ статьи А. Воронцова: «Понятіе о „honestum“ (о честномъ) въ 1-й книгѣ соч. Цицерона „De officiis“» (см. Вѣра и Разумъ за 1902 г. мартъ и апрѣль). При составленіи этого изслѣдованія мы пользовались извѣстѣйшимъ на западѣ „Собраніемъ римскихъ авторовъ съ переводомъ ихъ на французскій языкъ подъ редакціей Низара“ („Collection auteurs latins avec la traduction en français, publiés sous la direction de M. Nizard, t. IV, Paris, 1852“). Конечно, латинскій текстъ для насъ былъ самымъ главнымъ: постоянно имѣя его предъ глазами, мы сравнивали, слѣдили и провѣрили имъ французскій переводъ. На это изданіе мы и будемъ дѣлать ссылки въ своемъ сочиненіи.

2) Кн. I. гл. IV, стр. 428: „Si a nullo laudetur, natura est laudabile“.

приятности жизни, увеличенію богатствъ, силы, могущества и того, что помогаетъ намъ и „нашимъ“ (ad vitae commoditatem iucunditatemque, ad facultates rerum atque copias, ad opes, ad potentiam, quibus et se potest iuvare et suos ¹⁾). Нельзя не замѣтить, что разсуждая объ „utile“, Цицеронъ имѣетъ въ виду, преимущественно, знатныхъ и благородныхъ римлянъ и выясняетъ „utile“, главнымъ образомъ, съ патриціанской точки зрѣнія: такъ, онъ говоритъ, какъ нужно поступать, будучи на должности адвоката, эдила и вообще государственнаго чело-вѣка. Оттого-то ⁰ нравственныя положенія Цицерона въ этомъ сочиненіи можно назвать кодексомъ патриціанской мудрости. Но это только одна видимая сторона морали Цицерона. Кромѣ правилъ, полезныхъ и необходимыхъ для всякаго граждаина римской республики того времени, въ сочиненіи Цицерона мы находимъ еще много *возвышенныхъ взглядовъ и благородныхъ наставленій касательно человѣческой дѣятельности вообще.* Въ этомъ отношеніи Цицеронъ занимаетъ почетное мѣсто въ исторіи философской естественной морали, служащей, въ лучшихъ ея проявленіяхъ, доказательствомъ вѣчнаго стремленія человѣческой души къ Богу. А потому весьма интересно будетъ посмотрѣть, насколько, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, естественная человѣческая мысль могла возвыситься до идеальнаго нравственнаго строя, *безъ помощи и внѣ христіанскаго откровенія.*

Что касается до плана, котораго держится Цицеронъ, въ выясненіи объ „utile“, то онъ очень простъ. Сначала, Цицеронъ перечисляетъ все полезныя предметы для чело-вѣка и все виды полезной человѣческой дѣятельности и приходитъ къ тому заключенію, что люди всею пользою, какую они получаютъ отъ полезныхъ вещей, обязаны, главнымъ образомъ, согласію и взаимной помощи людей (conspirationi hominum atque consensui), ²⁾. Доказавши эту истину разными примѣрами, Цицеронъ переходитъ ко *второй*, обширнѣйшей части своего разсужденія (начиная съ VII главы), въ которой онъ указываетъ разнообразнѣйшія средства *воздѣйствовать на*

¹⁾ Кн. I, гл. III, стр. 427.

²⁾ Кн. II, гл. V, стр. 467.

душу нашихъ ближнихъ и склонять ихъ къ нашей пользѣ: *conciliare animos hominum et ad usus adjungere* ¹⁾). Наконецъ, въ третьей части (XXIV глава) Цицеронъ кратко касается о здоровьи (*valetudo*) и о богатствѣ (*rescilia*). Мы, кажется, не впадемъ въ ошибку, если будемъ въ своемъ сочиненіи держаться того же самаго плана, которому слѣдовалъ и самъ Цицеронъ въ своемъ разсужденіи.

Объ „*utile*“ Цицеронъ говоритъ, какъ мы сказали, во 2-й книгѣ сочиненія „*De officiis*“, и „*utile*“ есть то, что относится, или способствуетъ *ad commoda vitae, copias, facultates* ²⁾). Какіе же это предметы, которые способствуютъ удобствамъ нашей жизни, относятся къ богатству, имуществу, къ власти? или что то же: какіе полезные предметы? Есть, отвѣчаетъ Цицеронъ два рода полезныхъ вещей: одніе—предметы неодушевленные, другія существа одушевленные; эти послѣднія, въ свою очередь, дѣлятся на одаренныя разумомъ и лишеныя его. Полезные предметы изъ неодушевленныхъ—это: золото, серебро, произведенія земли и т. под. Они служатъ на пользу человѣку и въ необработанномъ видѣ. Но особенно они становятся полезными въ разныхъ видахъ промышленности человѣческой и искусствахъ, напр.: въ мореплаваніи, земледѣліи, ввозѣ и вывозѣ товаровъ, медицинѣ, постройкѣ домовъ и т. под. Что касается до полезныхъ одушевленныхъ существъ, то они дѣлятся на боговъ и людей, которые суть разумныя существа, и животныхъ, которыя суть существа неразумныя. Самыми близкими къ богамъ становятся тѣ люди, которые могутъ принести наибольшую пользу своимъ ближнимъ ³⁾). Изъ животныхъ самыми полезными для человѣка являются кроткія домашнія животныя, какъ, напр.: лошади, быки и проч.

Что же даетъ человѣку силу и способность употреблять различныя предметы въ его пользу? Всѣмъ этимъ люди обя-

¹⁾ Idid.

²⁾ Кн. II, гл. III, стр. 465.

³⁾ Кн. II, гл. III, стр. 466: *proxime autem et secundum deos homines hominibus maxime utiles esse possunt*. Положеніе это, высказанное язычникомъ Цицерономъ, весьма замѣательно. Въ немъ можно усматривать указаніе на важнѣйшую христіанскую заповѣдь, именно, любовь къ ближнимъ. Исполненіе этой заповѣди, по ученію христіанской Церкви, наиболее приближаетъ и уподобляетъ человѣка Богу.

ваны труду человѣческихъ рукъ и генію искусствъ, а чтобы пользоваться ими, люди должны помогать другъ другу ¹⁾). Эта истина открывается изъ многоразличныхъ явленій жизни. Такъ, желѣзо, мѣдь, серебро и золото, столь глубоко скрытыя въ землѣ, не могли бы выйти наружу и служить на пользу людямъ, безъ труда рукъ человѣческихъ. При постройкѣ новыхъ домовъ и возстановленіи разрушенныхъ, также необходима помощь людей. Медицина, мореплаваніе, земледѣліе, орошеніе полей, устройство плотинъ, искусственныхъ гаваней, которыхъ природа не ископала и проч.—все это труды человѣка и безъ взаимной помощи людей они не мыслимы. Если перейти отъ неодушевленныхъ предметовъ къ одушевленнымъ, то увидимъ то же самое. Люди, помогая другъ другу, сумѣли укротить самыхъ дикихъ животныхъ и изъ cadaго животного стали извлекать соответствующую пользу: пасутъ стада, охраняютъ ихъ и получаютъ отъ этого выгоды; истребляютъ дикихъ и вредныхъ животныхъ, захватываютъ для себя полезныхъ и проч. Взаимной помощи люди обязаны и тѣми искусствами, которыя украшаютъ, облагораживаютъ и столь отличаютъ жизнь людей отъ жизни животныхъ. Взять, напр., облегченіе въ болѣзни, удовольствія въ здоровьи, прекрасныя и удобныя одежды и т. п. Особенно очевидно становится необходимость взаимной помощи людей для благоустройства и процвѣтанія человѣческой жизни, при разсмотрѣніи крупнѣйшихъ фактовъ исторіи. Безъ содѣйствія людей, города не могли бы быть устроены, суды и законы не могли бы возникнуть, гражданская и государственная жизнь не могла бы начаться и продолжать свое существованіе. Цицеронъ, вопреки Панѣтію ²⁾, даже не считаетъ нужнымъ, для доказательства разбираемой нами истины (что польза получается отъ единенія и общности людей), приводить примѣры знаменитыхъ государственныхъ мужей и полководцевъ, какъ, напр.:Themistocles, Pericles, Cato,

¹⁾ Ibid.: Ea enim ipsa, quae inanima diximus, pleraque hominum operis effecta, quae nec haberemus, nisi manus et ars accessisset, nec iis sine hominum administratione uteremus.

²⁾ Панѣтій—это философъ стоикъ, посялователемъ котораго былъ Цицеронъ.

Агизелая, Александра и другихъ и утверждать о нихъ, что они не могли бы сдѣлать ничего великаго и полезнаго, безъ помощи людей ¹⁾). Въ этомъ случаѣ, по Цицерону, указанная истина очевидна для всѣхъ и не требуетъ разсужденій.

Итакъ, единеніе и согласіе людей есть главное условіе для „utile“. Но, вѣдь, какъ показываетъ человѣческая жизнь и какъ ясно изобразилъ ученый перипатетикъ Дицеархъ въ своей книгѣ „De interitu hominum“ ²⁾, отъ единенія и согласія людей съ извѣстнымъ направленіемъ можетъ происходить не только добро, но и зло; и зло, причиняемое людьми, какъ, напр., войны и возмущенія, гораздо больше и значительнѣе физическаго зла, напр., наводненій, моровой язвы, нападенія дикихъ звѣрей и проч. Слѣдовательно, единеніе и согласіе людей можно направлять и къ великой пользѣ, и къ великому вреду для нашихъ ближнихъ. Затѣмъ, наблюдая тѣ же явленія въ человѣческой жизни, мы видимъ, что разныя событія нашей жизни, и благопріятныя для насъ и бѣдственныя, часто зависятъ *отъ судьбы* ³⁾. Таковы, напр., не благопріятныя событія: пожары, караблекрушенія, укушенія дикихъ звѣрей, пораженіе армій, изгнаніе изъ отечества и т. под.; и благопріятныя: успѣхи, почести, побѣды и т. под. Но нужно признаться, что, будучи зависимы отъ судьбы, они въ то же время суть дѣло воли людей и расположенія ихъ къ намъ ⁴⁾. Отсюда послѣдовательно вытекаетъ слѣдующій вопросъ: какъ же намъ поступать, чтобы привлечь къ намъ расположеніе ближнихъ и побудить ихъ дѣйствовать къ нашей пользѣ (*ad usus suos*)? ⁵⁾

¹⁾ Кн. II, гл. V, стр. 467.

²⁾ Ibid.

³⁾ Кн. II, гл. VI, стр. 468: *Magnam vim esse in fortuna in utramque partem, vel secundas ad res, vel adversas, quis ignorat?*—Здѣсь мы ясно видимъ недоумѣніе древняго мудреца предъ непонятными явленіями человѣческой жизни. (То же самое мы встрѣчаемъ еще ранѣе въ кн. Иова). Судьба (*fatum, fortuna, μοῖρα*— по греч.—Что она можетъ сказать уму и сердцу человѣка? Между тѣмъ какъ явившійся въ міръ Сынъ Божій открылъ, что все въ мірѣ имѣетъ опредѣленную плѣть и назначеніе, и безъ воли Отца Небеснаго ничто не совершается.

⁴⁾ Ibid: *Quaquam (haec occasiones) fortunae sunt, tamen sine hominum opibus et studiis neutram in partem effici possunt.*

⁵⁾ Кн. II, гл. V, стр. 467.

На это у Цицерона есть общій принципъ: можно достигнуть этого честными воззрѣніями и добрыми дѣйствіями, но никогда—зломъ и несправедливостью (*honestis consiliis justisque factis, non fraude et malitia*) ¹⁾. А какие частные виды этого общаго принципа, Цицеронъ подробно указываетъ во 2-ой части своего разсужденія.

Главное основаніе того, чтобы привлечь къ себѣ расположеніе людей и тѣмъ побудить ихъ приносить себѣ пользу—это пріобрѣтать любовь и дружбу людей; противоположное любви дѣйствіе оказываетъ страхъ, внушаемый нашимъ ближнимъ ²⁾. Польза, получаемая отъ внушаемой нами любви, лучше всего выясняется отъ противоположнаго,—что бываетъ съ тѣмъ, котораго боятся. По словамъ Эввія: *quem metunt, odere; quem quisque odit perisse expetit* ³⁾, т. е., кого боятся, того ненавидятъ; а кого кто ненавидитъ, желаетъ, чтобы онъ погибъ. Никакое богатство не можетъ противостоятъ народной ненависти. Въ особенности народное нерасположеніе преслѣдуетъ тирановъ, которые, обыкновенно, любятъ внушать страхъ своимъ подчиненнымъ. Но зато изъ нихъ нѣтъ никого, кто не погибъ бы ужасною смертію. Самая жизнь этихъ тирановъ исполнена всякихъ тревогъ и безпокойствъ за свою жизнь и безопасность. Ибо тотъ, кто желаетъ, чтобы его боялись, по необходимости, самъ долженъ бояться тѣхъ, которые подъ нимъ трепещутъ. Такъ, тиранъ Діонисій Древній, видя повсюду покушенія на его жизнь, опасался даже давать свою бороду для бритья брадобрѣю, но самъ, всегда опалая (сжигая) её горящими углями. А другой тиранъ, Александръ Тирскій, не довѣрялъ даже своей женѣ, которую онъ очень любилъ; и потому, опасаясь за свою жизнь, прежде чѣмъ идти въ ея спальню, онъ всегда посылалъ туда вооруженнаго мечемъ воина, грубаго варвара,

¹⁾ Кн. II, гл. III, стр. 466.—Этотъ цicerоновскій принципъ дѣлаетъ честь его уму и вполне соответствуетъ высотѣ настоящихъ христіанскихъ требованій относительно жизни и дѣятельности человека.

²⁾ Кн. II, гл. VII, стр. 468: *Omnium rerum nec aptius est quidquam ad opertuenilas ac tenendas, quam diligere, nec alienis, quam timere.*

³⁾ Ibid.

который долженъ былъ осмотрѣть, не спрятано-ли у жены гдѣ нибудь подъ мебелью и даже въ ея платьяхъ какое-нибудь оружіе. Предчувствіе Александра сбылось: жена убила его за подозрѣніе ея въ невѣрности. Власть такихъ людей не прочна. *Какою бы властью ты ни имѣлъ, если ты управляешь страхомъ, она не можетъ долго продолжаться* ¹⁾. Эта истина, именно, что любовь пріобрѣтаетъ и сохраняетъ привязанность и расположеніе людей, а страхъ только разрушаетъ ихъ,—можетъ быть примѣнена не только къ отдѣльнымъ лицамъ, но и цѣлымъ государствамъ, въ частности, къ римской республикѣ. Пока римляне поступали съ побѣжденными народами кротко и справедливо, оказывали имъ даже защиту, они обладали прочною властью надъ союзными народами (*clientes*). Покровительство ихъ надъ народами было скорѣе властью надъ всѣмъ міромъ. Но какъ скоро въ управленіе римскаго государства вошли насилія, несправедливости и жестокости надъ гражданами, когда нѣкоторые тираны стали продавать съ аукціона на публичномъ рынкѣ имущества лучшихъ и благороднѣйшихъ гражданъ, какъ свою добычу (*Suam praedam*), когда нѣкоторые тираны стали продавать съ молотка—даже цѣлыя провинціи и цѣлыя народы, когда стали грабить и опустошать своихъ вѣрныя союзниковъ,—тогда произошелъ упадокъ и ослабленіе римскаго могущества, появились гражданскія войны, которыя стали еще болѣе истощать государство. Поэтому по всей справедливости можно сказать, что римляне дошли до такихъ несчастій только потому, что старались болѣе внушать страхъ, чѣмъ любовь и уваженіе. Изъ этого можно понять, что благорасположеніе нашихъ ближнихъ есть наша крѣпкая защита: *benevolentiae vis est magna*, и, слѣдовательно, намъ должно стараться о томъ, чтобы имѣть преданныхъ друзей и чтобы они интересовались всѣмъ тѣмъ, что насъ касается ²⁾. Друзей необходимо имѣть.

¹⁾ Кн. II, гл. VII, стр. 469: *nec ulla vis imperii tanta est, quae premente metu possit esse diuturna.*

²⁾ *Ibid.* Primum et maximum necessarium, familiaritatis habere fidam amantium nos amicorum et nostra mirantium.

всякому; ибо всякій можетъ нуждаться въ чемъ-либо. Почести, слава, народная любовь не такъ необходимы для человѣка, какъ друзья; но пользующійся всѣми этими вещами имѣеть то преимущество,¹ что благодаря имъ, онъ можетъ извлечь для себя множество равныхъ выгодъ и приобрести друзей¹). Отсюда необходимо рассмотреть, чѣмъ же можно привлечь къ себѣ любовь и дружбу нашихъ ближнихъ и вообще всего народа. Одно изъ величайшихъ средствъ приобрести себѣ любовь и дружбу людей—это слава (gloria).

Понятіе „славы“ (gloria) составляется изъ трехъ элементовъ, именно: во-первыхъ, обладающаго этой славой любить народъ, во-вторыхъ, народъ имѣеть довѣріе къ нему, и въ-третьихъ, народъ удивляется ему, и считаетъ его достойнымъ величайшихъ почестей²). Показавши, изъ чего состоитъ слава, Цицеронъ разбираетъ сначала внутреннія качества человѣка, привлекающія и сохраняющія ему славу, а затѣмъ, подробно говоритъ о внѣшнихъ качествахъ, тоже сообщающихъ и сохраняющихъ человѣку славу. Итакъ, сначала намъ слѣдуетъ сказать о внутреннихъ достоинствахъ человѣка, какъ мотивахъ къ приобретению ему славы, и о внѣшнихъ средствахъ къ до-

Первое условіе къ приобретению славы—любовь, или благо-расположеніе (benevolentia) приобретается, главнымъ образомъ, благодѣяніями (beneficiis)³). Если же у человѣка недостаточно матеріальныхъ средствъ, чтобы помочь другому, то одно пожеланіе добра (beneficis benevolentia), съ участіемъ выраженное другому, трогаетъ и возбуждаетъ его любовь къ намъ. Наконецъ, весьма сильно привлекаетъ народную любовь (a more multitudinis) извѣстность щедрости, благотворительности, справедливости, прямодушія и другихъ добродѣтелей (fama et opinio liberalitatis, beneficentiae, justitiae, fidei et ceterorum virtutum⁴). Всѣ эти указанная средства приобретаютъ чело-

¹) Кн. II, гл. VIII, стр. 471. *Summa et perfecta gloria constat ex tribus his: si diligit multitudo, si fidem habet, si cum admiratione quadam honore dignos putat.*

²) Кн. II, гл. IX, стр. 471: *Summa et perfecta gloria constat ex tribus his: si diligit multitudo, si fidem habet, si cum admiratione quadam honore dignos putat.*

³) О нихъ мы скажемъ подробно въ отдѣлѣ о внѣшнихъ средствахъ къ до- стиженію славы.

⁴) Кн. II, гл. IX, стр. 471.

вѣку, обладающему ими, любовь и благорасположеніе народа потому, что это суть добродѣтели, относящіяся къ честности и благоприличію—„*honestum et decorum*“; и, слѣдовательно, какъ само „*honestum*“, по своей природѣ, своимъ образомъ привлекаетъ къ себѣ души всѣхъ: *animos omnium natura et specie sua commovet*,—то, подобно сему, оно восхищаетъ (*perlucet*) всѣхъ и указанными выше добродѣтелями; повтому, мы, по природѣ (*natura*), обязываемся любить тѣхъ, въ которыхъ, какъ мы предполагаемъ, находятся тѣ указанныя добродѣтели. Второе условіе къ приобрѣтенію славы—довѣріе (*fides*) внушаетъ, или приобуѣтаетъ тотъ человѣкъ, въ которомъ замѣчаютъ благоразуміе, соединенное съ справедливостью (*conjunctam cum justitia prudentiam*¹⁾). Дѣйствительно, наше довѣріе получаетъ только тотъ, котораго мы считаемъ просвѣщеннѣе насъ, въ которомъ мы замѣчаемъ даръ предусмотрительности, талантъ искусно вести дѣла и т. под.; а такой человѣкъ и называется благоразумнымъ (*prudens*). Тѣмъ болѣе мы довѣряемъ тому лицу, которое мы считаемъ совершенно неспособнымъ ни на малѣйшій обманъ, ни на малѣйшую неправду; а такой человѣкъ и есть справедливый (*justus*). Людямъ благоразумнымъ и вмѣстѣ справедливымъ мы съ совершенною увѣренностью вручаемъ; въ случаѣ необходимости, наше здоровье, наше богатство, дорогихъ и близкихъ нашему сердцу родныхъ лицъ и т. д. Но изъ этихъ двухъ добродѣтелей, привлекающихъ наше довѣріе, справедливость болѣе способна возбудить его: одна справедливость, безъ благоразумія, имѣетъ еще нѣкоторую силу; но одно благоразуміе, безъ справедливости, можетъ сдѣлать человѣка только хитрымъ, плутоватымъ; и даже возбудить къ нему ненависть людей. Итакъ, послѣ сего остается несомнѣннымъ, что, для приобрѣтенія полного довѣрія, необходимо соединять *благоразуміе и справедливость*. Третье условіе къ приобрѣтенію славы—удивленіе (*admiratione*) и достоинство чести, или почета (*honoris dignitas*) приобуѣтаютъ тѣ люди, которые, какъ всѣмъ кажется,

¹⁾ Ibid.

имѣютъ въ себѣ что-то великое и необыкновенное и особенно; обладающіе рѣдкими качествами своихъ добродѣтелей (*excellentes quasdam et singulares virtutes* ¹⁾). И, наоборотъ, больше всего порицаютъ и презираютъ тѣхъ, въ которыхъ не видятъ ни доблести, ни одушевленія, ни силы (*nihil virtutis, nihil animi, nihil vigoris*) и которые, слѣдовательно, не могутъ принести никакой пользы *pec sibi, nec alicui*. Особое удивленіе для насъ производитъ то, что люди, обладающіе высокими добродѣтелями, не поддаются тѣмъ низкимъ увлеченіямъ и страстямъ, которымъ подвержено большинство. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, не удивляться тѣмъ, которые остаются совершенно спокойными, когда влеть вопросъ объ ихъ жизни и смерти, о богатствѣ и бѣдности, и презираютъ всѣ тѣ блага и несчастья, которыя такъ волнуютъ большинство?—Но три указаннаго чувствованія—любовь, довѣріе и удивленіе—объединяются въ одной особенной добродѣтели—справедливости (*justitia*), которая приводитъ человѣка къ славѣ и; которая одна даетъ ему имя „добраго челоуѣка“ (*bonus vir*) ²⁾. Справедливый (*justus*) челоуѣкъ, дѣйствительно, возбуждаетъ къ себѣ, во-первыхъ, любовь, потому что онъ желаетъ принести пользу (*prodesse*) какъ можно большому числу людей; во-вторыхъ,—довѣріе, по той же самой причинѣ, и, въ третьихъ, удивленіе, потому что презираетъ все то, что воспаляетъ страсть у большинства людей: не боится смерти, скорби, изгнанія, бѣдности; не предпочитаетъ справедливости никакого изъ блатъ міра. Справедливость совершенно необходима челоуѣку въ его жизни для достиженія какихъ бы то ни было его желаній. Какже, въ самомъ дѣлѣ, быть любимымъ и получать помощь, если не прослышешь за честнаго челоуѣка? Она необходима во всѣхъ видахъ челоуѣческой дѣятельности—въ куплѣ и продажѣ, въ заниманіи и отдачѣ денегъ, при заключеніи торговыхъ сдѣлокъ и т. д. Но что всего поразительнѣе, справедливость считается необходимою и соблюдается даже въ воровскихъ и разбойниче-

¹⁾ Кн. II, гл. X, стр. 472.

²⁾ Кн. II, гл. XI, стр. 472.

скихъ шайкахъ. Такъ, если воръ пользуется своимъ искусствомъ, приѣмая его на комъ-нибудь изъ людей своей шайки, то его не терпятъ ни на одну минуту; если начальникъ пиратовъ сдѣлаетъ несправедливый раздѣлъ добычи, то онъ скоро будетъ преданъ на смерть, или отставленъ. Можно съ увѣренностью сказать, что справедливость (justitia) есть начало и основаніе всякаго союза и всякихъ человеческихъ обществъ¹⁾. Учрежденіе царскаго достоинства (reges constituere) и законовъ (leges constituere) объясняется не чѣмъ инымъ, какъ намѣреніемъ пользоваться и наслаждаться справедливостью (justitiae fruendae causa)²⁾ во всевозможныхъ отношеніяхъ людей между собою. Поэтому, людямъ нужно особенно стараться поступать по справедливости, во-первыхъ, ради нея самой (иначе это уже не была бы справедливость) а, во-вторыхъ, потому, что она — то и ведетъ людей къ почестямъ и славѣ³⁾.

Но недостаточно только приобрести своими внутренними качествами славу: нужно тѣмъ же способомъ и сохранять ее. Для этого нѣтъ пути болѣе краткаго и болѣе надежнаго, какъ тотъ, который былъ указанъ еще Сократомъ, это — *чтобы въ дѣйствительности быть такимъ, какимъ являешься казаться* ut qualis haberi (quis) vellet, talis esset⁴⁾. Напротивъ, дугишур... он... (изношеная кожа п.) дугишур... (изношеная кожа п.)

1) Частнѣйшее раскрытіе принципа „справедливости“ (justitia) можно видѣть въ 1-ой книгѣ Цицерона: „De officiis“, въ которой онъ излагаетъ понятіе о „honestum“. См. объ этомъ вышеуказанное изслѣдованіе А. Воронцова — Вѣра и Разумъ 1902 г., мартъ, кн. 2, № 6 II, стр. 273—274.

2) Кн. II, гл. XII, стр. 473.

3) Ibid. „Omni igitur ratione colenda et recte agenda justitia est, quam ipsa per sese (nam aliter justitia non esset) tum propter amplificationem honoris et gloriae.“

4) Кн. II, гл. XII, стр. 474. Это нравственное правило, указанное Цицерономъ только какъ средство поддержанія славы, имѣетъ и можетъ имѣть весьма широкое приѣненіе въ челоѣческой дѣятельности. По своему характеру, оно направлено прямо противъ весьма распространеннаго въ челоѣческомъ обществѣ порока лицемерія. Челоѣкъ всегда желаетъ являться предъ глазами другихъ людей въ лучшемъ и болѣе привлекательномъ видѣ, нежели каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Но Цицеронъ, по справедливости, считаетъ это одно, недостаточнымъ: нужно быть такимъ и въ дѣйствительности.

мать, что можно сохранять продолжительную славу лицемеріемъ и пустымъ тщеславіемъ—значитъ странно обманываться; ибо все, что основано на лжи и обманѣ, быстро блекнетъ и разрушается. Взять, напр., двухъ сыновей Тиверія Гракха, который прославился своими заслугами для государства: они своими безчестными поступками возбудили такое неудовольствіе добрыхъ людей (bonorum), что смерть ихъ считали справедливымъ наказаніемъ.

Теперь нужно сказать о высшихъ мотивахъ происхожденія, или приобрѣтенія славы. Слава, прежде всего, можетъ быть наследственна: отъ отца она переходитъ къ сыну. Также слава можетъ быть обязана своимъ происхожденіемъ богатству, или некоторымъ чрезвычайнымъ событіямъ, въ жизни извѣстнаго человѣка. Тѣ же, которые родились въ низкомъ состояніи и въ неизвѣстной семьѣ, сами должны стремиться къ великимъ дѣламъ, открывать себѣ поприще для благородныхъ стремленій. Первое, что можетъ дать молодому человѣку извѣстность для славнаго имени (*commendatio ad gloriam*)—это поприще военныхъ успѣховъ: молодой человѣкъ, скорѣе всего можетъ отличиться на войнѣ. Кроме того, молодой человѣкъ считается достойнымъ похвалы по своей скромности (*modestia*), любви къ родителямъ (*pietas in parentes*) и по привязанности къ родственникамъ (*in suos benevolentia*). Одно изъ лучшихъ средствъ привлечь вниманіе на себя и сдѣлаться извѣстнымъ въ лучшемъ смыслѣ—это имѣть ближайшее общеніе съ знаменитыми людьми, которые усердно стремятся приносить пользу своей странѣ. Основаніемъ славы для такого молодого человѣка служитъ то, что народъ, видя, какъ молодой человѣкъ обращается въ такомъ обществѣ, естественно, надѣется, что онъ сдѣлается подобенъ тѣмъ великимъ гражданамъ, которыхъ онъ вяжетъ себѣ за образецъ. Такъ, П., Рутидій вошелъ, въ своей молодости, съ домою Муція, и вотъ—происхожденіе его репутаціи, какъ вѣрнаго человѣка и искуснаго законовѣда. Есть еще другіе случаи, когда молодой человѣкъ можетъ приобрѣсти себѣ славу,—это, когда человѣкъ обладаетъ

краснорѣчіемъ (oratio). Есть два рода краснорѣчія: простая, или безыскусственная рѣчь, бесѣда, разговоръ (sermo); и рѣчь убѣдительная, или краснорѣчіе въ собственномъ смыслѣ (contentio или eloquentia)¹⁾. Оба эти вида краснорѣчія имѣютъ важное значеніе въ дѣлѣ приобрѣтенія славы; однако должно сознаваться, что предпочтительнѣе привѣтливая безыскусственная рѣчь (sermo), потому что ораторская рѣчь (oratio), соединенная съ намѣреніемъ убѣдить (contentio), часто только возмущаетъ народъ. Что же касается собственно до краснорѣчія (eloquentia), то оно можетъ доставить человѣку славу на разныхъ поприщахъ его служебной карьеры, но въ особенности на поприщѣ судебномъ. Судебное краснорѣчіе бываетъ двухъ видовъ, которые носятъ свои особыя спеціальныя названія: обвинительная рѣчь (accusatio) и защитительная рѣчь (defensio). Съ обвинительною рѣчью должно выступать не часто: hoc non saepe est faciendum²⁾. Исключеніе можно сдѣлать развѣ только въ тѣхъ случаяхъ, когда ораторъ выступаетъ ради государственныхъ интересовъ (reipublicae causa), или съ цѣлью отомстить (ulciscendi causa), или изъ-за отцовскаго наслѣдства (patrocinii causa). Выступая часто въ роли обвинителя рискуешь приобрѣсти себѣ репутацію человѣка жестокаго (duri), что, очевидно, не полезно. Особенно должно остерегаться, чтобы не подвергнуть обвиненію невиннаго человѣка (innocentem). Что касается до защитительной рѣчи, то съ нею должно выступать въ защиту обвиняемыхъ. Можно даже защищать и виновнаго по отношенію къ религіи, исключая, конечно, тѣхъ случаевъ, когда виновный будетъ *намѣреннымъ* врагомъ религіи (modo ne nefarius impiusque)³⁾. Но вообще виновнаго противъ религіи не слѣдуетъ защищать слишкомъ усердно. Но этого желаетъ народъ, допускаетъ обычай, терпитъ человѣколюбіе⁴⁾. Къ этому нужно еще присоединить, что оправданіе совершившаго незна-

1) Кн. II, гл. XIV, стр. 475.

2) Ibid.

3) Кн. II, гл. XIV, стр. 475.

4) Ibid.: *valt hoc multitudo, patitur consuetudo, fert humanitas.*

чительную вину доставляетъ его адвокату (patroni) славу. Но величайшую славу и благодарность получаетъ тотъ человѣкъ, который своимъ краснорѣчіемъ приходитъ на помощь къ несчастному, котораго преслѣдуетъ и хочетъ притѣснить какой-нибудь могущественный человѣкъ ¹⁾.

А. Покровский.

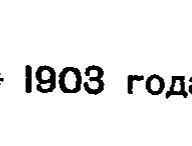
(Окончаніе будетъ).

¹⁾ Ibid.: Maxime et gloria paritur et gratia defensionibus, eoque major, si quando accidit, ut ei subveniatur qui potentis alicujus opibus circumveniri urgerique videatur.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Іюня № 11. 1903 года.

Содержаніе. Отъ Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ. — Отъ Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ. — Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища. — Епархіальныя извѣщенія. — Извѣстія и замѣтки. — Объявленія.

Отъ Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ.

Циркулярнымъ отношеніемъ Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, отъ 19 марта 1903 года за № 492, предписаво правленіямъ духовныхъ семинарій и училищъ доставлять въ Учебный Комитетъ свѣдѣнія о всѣхъ случаяхъ увольненія воспитанниковъ за дурное поведеніе не только безъ прошенія, но и по прошенію. Въ исполненіе этого въ Учебный Комитетъ стали поступать донесенія объ уволенныхъ воспитанникахъ, но безъ приложенія журнальных постановленій семинарскихъ и училищныхъ правленій объ увольненіи сихъ воспитанниковъ.

Вслѣдствіе этого Учебный Комитетъ считаетъ долгомъ разъяснить правленіямъ семинарій и училищъ, что взложенное въ циркулярномъ отношеніи Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, отъ 5 марта 1898 года, требованіе о доставленіи въ Учебный Комитетъ копій журнальных постановленій правленій семинарій и училищъ объ увольненіи воспитанниковъ за проступки должно быть соблюдаемо при сообщеніи Комитету свѣдѣній объ увольненіи воспитанниковъ одинаково какъ безъ прошенія, такъ и по прошенію.

Отъ Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ.

Въ виду обнаруженныхъ повсемѣстно въ Россіи недозволенныхъ сборовъ пожертвованій на православныя учрежденія на Востокѣ, въ особенности на Афонскіе монастыри и келліи, въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“ неоднократно разъяснялось, что обращеніе настоятелей Афонскихъ келлій, именующихъ себя старцами, къ русскимъ благотворителямъ посредствомъ писемъ и возваній является злоупотребленіемъ и крайне неблаговядною эксплуатаціею религіов-

паго чувства русскаго народа и что лишь тѣ пожертвованія достигаютъ своей благотворительной цѣли, кои производятся по выдаваемымъ отъ Святѣйшаго Синода, въ пользу дѣйствительно нуждающихся обителей, сборнымъ книгамъ, при чемъ были объявлены во всеобщее свѣдѣніе имена нѣкоторыхъ завѣдомо неблагонадежныхъ сборщиковъ келліотовъ, которымъ отсылка пожертвованій, поступившихъ въ Хозяйственное Управление, воспрещена Святѣйшимъ Синодомъ. Въ числѣ таковыхъ сборщиковъ поименованы: 1) старецъ келлій Трехъ Святителей Варлаамъ Чернышевъ; 2) старецъ келліи Рождества Богородицы (пыль Игнатія Богоносца) Моисей Вуреппъ; 3) старецъ келліи Іоанна Предтечи іеромонахъ Инновентій; 4) старецъ келліи Положенія Пояса Богоматери, іеромонахъ Іоанникій Литвиненко; 5) старецъ келліи Иверской Божіей Матери (Кутлумушскаго монастыря) Симеонъ Чеботаревъ; 6) старецъ келліи Казанской Божіей Матери (Ставропигитскаго монастыря) іеросхимонахъ Герасимъ Зивовьевъ и 7) старецъ келліи Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы (Ставропигитскаго монастыря) іеромонахъ Матвѣй Воронковъ.

Между тѣмъ, какъ видно изъ дѣлъ Святѣйшаго Синода, настоятелемъ келліи Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, іеромонахомъ Матвѣемъ Воронковымъ, а теперь рассылаются по Россіи, въ большомъ количествѣ, письма, съ приглашеніемъ къ пожертвованіямъ въ пользу этой обители и съ просьбою посылать пожертвованія непосредственно въ обитель, а не чрезъ Хозяйственное Управление при Святѣйшемъ Синодѣ.

Вслѣдствіе сего, Хозяйственное Управление, согласно постановленію Святѣйшаго Синода, вновь объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, что Афонская обитель Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы принадлежитъ къ числу тѣхъ обителей, пожертвованія въ которыя не высылаются по завѣдомой неблагонадежности ихъ настоятелей.

Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища. 20
Совѣтъ училища извѣщаетъ духовенство Харьковской епархіи, что передержка экзаменовъ во всѣхъ классахъ училища назначена на 20 и 21-е августа н. г., а приемные экзамены для поступленія въ подготовительный, пятый и шестой классы назначены на 25 и 26-е августа н. г.; при чемъ Совѣтъ училища предупреждаетъ, что всѣ дѣвицы, которыя не явятся въ назначенные дни къ экзамену и переекзаменовкѣ, не будутъ впослѣдствіи допущены къ

экзамену вовсе, а къ переекзаменованью — безъ представленія достаточно уважительныхъ причинъ неявки своевременно.

Епархіальныя извѣщенія.

ВАКАНТНЫЯ МѢСТА:

Священническія:

- Рождество-Бородичная церковь с. Шуликиной, Старобѣльскаго уѣзда.
 Троицкая церковь с. Перекопа, Валковскаго уѣзда.
 Николаевская церковь с. Лихачовки, Богодуховскаго уѣзда.
 Иоанно-Предтеченская церковь с. Рябушекъ, Лебединскаго уѣзда.
 Григоріевская церковь с. Турья, Ахтырскаго уѣзда.
 Александро-Невская церковь х. Ново-Александровки, Волчанскаго уѣзда.
 Георгіевская церковь сл. Поповки, Изюмскаго уѣзда.
 Петропавловская церковь сл. Павловки, Старобѣльскаго уѣзда.
 Анна Зачат. церковь с. Ильмовъ, Сумскаго уѣзда.
 Георгіевская церковь сл. Барвепковой, Изюмскаго уѣзда.
 Троицкая церковь с. Мироновки, Харьковскаго уѣзда.

Діаконскія.

- Покровская церковь сл. Ново-Астрахани, Старобѣльскаго уѣзда.
 Арханг.-Михаил. церковь сл. Верхняго Бийкина, Зміевскаго уѣзда.
 Георгіевская церковь с. Бѣловода, Сумскаго уѣзда.
 Успенская церковь сл. Рублевки, Богодуховскаго уѣзда.
 Троицкая церковь с. Моисеевки, Старобѣльскаго уѣзда.
 Покровская церковь с. Городища, Старобѣльскаго уѣзда.
 Николаевская церковь с. Ново-Александр., Старобѣльскаго уѣзда.
 Ахтырской Георгіевской церкви.
 Петро-Павловская церковь с. Бияжнаго, Валковскаго уѣзда.
 Иоанно-Богословская церковь с. Гомолыши, Зміевскаго уѣзда.
 Митроф. церковь с. Демьяновки, Старобѣльскаго уѣзда.
 Покровская Соборная церковь г. Купянска, діаконское.
 Воскресенская церковь с. Боголюбовки, Купянскаго уѣзда.
 Покровская церковь Харьковскаго Благотворительнаго Общества.
 Иоанно-Предтеченск. церковь с. Ново-Ивановки, Зміевскаго уѣзда.
 Воскресенская церковь с. Надеждовки, Изюмскаго уѣзда.
 Александро-Невская церковь сл. Александровки, Валковскаго уѣзда.

Николаевская церковь с. Гіевки, Харьковскаго уѣзда.
 Покровская церковь с. Глазуновки, Зміевского уѣзда.
 Харьковскаго Реального Училища.
 Свято Духовская церковь с. Кононовки, Старобѣльскаго уѣзда.
 Успенская церковь с. Коломака, Валковскаго уѣзда.
 Николаевская церковь с. Наугольновки, Купянскаго уѣзда.
 Арханг.-Михайловск. церковь г. Красноутска.
 Рожд.-Богородичн. церковь с. Сѣнной, Богодуховскаго уѣзда.
 Введенская церковь с. Студенка, Изюмскаго уѣзда.
 Николаевская церковь с. Циркуновъ, Харьковскаго уѣзда.
 Троицкая церковь с. Чернокаменки, Зміевского уѣзда.
 Георгіевская церковь с. Павловки, Богодуховскаго уѣзда.
 Соборная Успенская церковь с. Ахтырки
 Екатеринаинская церковь сл. Поличковки, Богодуховскаго уѣзда.
 Влад.-Богородичн. церковь с. Должика, Харьковскаго уѣзда.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

Содержаніе. Поѣздка Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія въ г. Ахтырку.—Возвращеніе въ Харьковъ Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія и посѣщеніе имъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній.—Поѣздка воспитаницъ Епархіальнаго училища въ Спасовъ Скль.—Архіерейское служеніе и актъ въ Епархіальномъ женскомъ училищѣ.—Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшихъ Арсеніемъ Духовной Семинаріи, (10 іюня).

Поѣздка Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго въ городъ Ахтырку.

22 мая съ поѣздомъ Харьково-Николаевскою ж. д., въ 5 ч. по полудни, въ г. Ахтырку прибылъ изъ Харькова Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій. Для встрѣчи Владыки на станцію „Кирковка“ выѣхали благочинный 1 округа священникъ Гавріиль Белоусовъ и Ахтырскій уѣздный исправникъ А. Ф. Грабовскій. По прибытіи на ст. Кирковка поѣзда, въ которомъ слѣдовалъ Высокопреосвященнѣйшій Владыка, встрѣчавшіе тотчасъ были приняты Владыкой въ вагонѣ. Поздоровавшись милостиво съ прибывшимъ и преподавъ имъ Архипастырское благословеніе, Его Высокопреосвященство здѣсь же повторилъ изложенныя въ маршрутѣ распоряженія касательно обзора церквей и школъ и совершенія Богослуженія. Въ оживленной бесѣдѣ Владыки время шло незамѣтно, а между тѣмъ поѣздъ двинулся въ городъ, въ которомъ съ нетерпѣніемъ ждалъ Высокаго Гостя и Архипастыри. Открытая мѣстность, на которой расположенъ городской вокзалъ, еще изъ окна вагона позволяла видѣть массу публики, собравшейся на

вокзальномъ перронѣ и съ нетерпѣніемъ ожидавшей прїѣзда Владыкъ. И вотъ минуты ожиданія окончены... локомотивъ подъѣхалъ къ платформѣ, и поѣздъ остановился. Какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, всѣ головы обнажились; на всѣхъ лицахъ явно отражено напряженное вниманіе, и взоры жадно впиваются въ выдѣляющійся своими размѣрами вагонъ Его Высокопреосвященства. Среди пестрой толпы встрѣчающихъ рельефно выдѣляется блестящими знаками группы представителей городского и крестьянскаго управленія. Какъ только остановился поѣздъ, тотчасъ вошли въ вагонъ для првѣтствія прибывшаго Владыки настоятель Ахтырскаго монастыря, Архимандритъ Алимпій и временно-командующій расположеннымъ въ городѣ Одесскимъ драгунскимъ полкомъ подполковникъ А. А. Ходневъ. Еще минута и въ дверяхъ вагона показался Владыка. Добрая, привѣтливая улыбка и Архимандритское благословеніе сразу оживили застывшую въ ожиданіи толпу и заставили ее отвѣтить на привѣтствіе Владыки низкимъ поклономъ. Лишь только Владыка переступилъ послѣднюю ступеньку вагонной лѣстницы, къ нему подошелъ г. городской голова М. В. Курило съ членами управы и привѣтствовалъ Владыку поднесеніемъ хлѣба-соли и краткой рѣчью. Вслѣдъ за этимъ подошелъ волостной старшина и просилъ Владыку принять хлѣбъ-соль отъ крестьянъ г. Ахтырки. Поблагодаривъ встрѣчавшихъ за привѣтствіе и пожелавъ городу—процвѣтанія, а обществу крестьянъ—изобилія плодовъ земныхъ, Его Высокопреосвященство изволилъ направиться къ ожидавшей его каретѣ. При торжественномъ звонѣ церковныхъ колоколовъ, вѣщавшихъ горожанамъ о прибытіи Архимандрита, Владыка, сопровождаемый густою вереницею экипажей и заполнившей Харьковскую улицу публикой направился къ городскому Собору. У святыхъ воротъ обширной соборной ограды Владыку встрѣтило все городское духовенство въ легкихъ зеленыхъ облаченіяхъ и хоръ соборныхъ вѣвчихъ; при чемъ соборный староста Ѡ. В. Куриловъ имѣлъ участіе, при выходѣ Владыки изъ кареты, поднести хлѣбъ-соль. Облачившись въ мантию и поцѣловавъ Св. крестъ и окропивъ себя святою водою, Владыка прошелъ въ большой храмъ. Чуждую картину представляло это шествіе облаченнаго въ святительскую мантию сановитаго Архимандрита, предшествуемаго длинной вереницей духовенства и сопровождаемаго тысячною толпою народа и звономъ колоколовъ. Многіе изъ богомольцевъ были чрезвычайно умилены и растроганы этой картиной; на лицахъ ихъ были и радость, и слезы, и благоговѣніе... Въ среднѣй

храма Владыка остановился и настоятель собора, протоіерей В. Федоровъ, привѣтствовалъ его слѣдующею рѣчью:

— Ваше Высокопреосвященство,

Милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ!

Съ чувствомъ глубочайшей благодарности и радости привѣтствуемъ прибытіе Вашего Высокопреосвященства на нашъ праздникъ, — вѣрный ходъ съ чудотворною иконою Богоматери. Присутіе Ваше къ намъ возвышаетъ, оживляетъ и укрѣпляетъ наши религіозныя чувства и усиливаетъ наше торжество прославленія Пресвѣтлѣйшей Богородицы. Привѣтствуемъ Ваше Высокопреосвященство съ чувствами сыновней преданности и глубочайшаго уваженія, какъ Милостивѣйшаго Архипастыря и Отца, понесшаго особые свои труды и заботы на пользу православной Церкви и Отечества, а также и для спасенія многочисленныхъ своихъ духовныхъ чадъ.

Благослови насъ Пресвѣщеннѣйшій Владыко! Это святительское благословеніе, по присущей ему, сугубой благодати Божіей, призоветъ на насъ милосердіе Божіе. Помолитъ за насъ, Владыко Святый, Царица Небесная, предъ Ея Чудотворнымъ ликомъ, находящимся въ семъ Свѣтомъ храмѣ, чтобы Она, Милосердная Заступница и Покровительница рода человѣческаго, Своимъ предстательствомъ предъ престоломъ Всевышняго, избавила насъ отъ всякихъ бѣдъ, и чтобы мы, подъ Ея всемогущимъ покровомъ, сохранили въ чистотѣ святое евангельское ученіе, никогда не уклонялись отъ Церкви Христовой и всегда были ревностными вѣрнопоклонными членами Благочестивѣйшаго Государя Императора и истинными сынами нашего Отечества. Помолитъ, Владыко, Святый, а также чтобы мы въ свей жизни руководились не гордостью, завистью, враждою и корыстолюбіемъ, а христіанскою любовью къ ближнему, которая долго терпитъ, милосердствуетъ, не завидуетъ, не превозносится, не гордится, не безчисляетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется неправдѣ, а скорбуется истинѣ, все покрываетъ, всему вѣритъ, всему надѣется, все переноситъ и никогда не перестаетъ. (1 Кор. 13, 4-8) ино и тѣхъ.

Выслушавъ благосклонно привѣтствіе, Владыка вошелъ въ алтарь и сталъ облачаться. Въ это время на большомъ бархатномъ коврѣ была восставлена аналой и на немъ иконостасъ чудотворная икона Божіей Матери. Облачившись въ малое архіерейское облаченіе, Владыка вышелъ изъ алтара, остановился на одеѣ и обратился къ наполнившему храмъ народу съ словомъ назиданія. Обычно, такъ началъ свое слово Владыка, а привыкъ проводить дѣнь ве-

ликихъ церковныхъ праздниковъ въ своемъ кафедральномъ городѣ, въ молитвенномъ единеніи съ ближайшими чадами паствы. Но на этотъ разъ вмѣстѣ установленному порядку ради той великой святыни, которая хранится въ Вашемъ великодушномъ храмѣ и которая служитъ залогомъ благодатнаго покровительства Царицы Небесной Вашему граду и всей прилегающей къ нему окрестности. Да будетъ всегда благословенно благодатное имя Пречистой Матери Божіей и всемилостивой заступницы рода христіанскаго, въ безконечныхъ знаменіяхъ и чудесахъ являющей непостыдное о насъ предстательство предъ Престоломъ Бездѣльнаго Сына Своего и Бога Нашего! Указавъ вѣдѣмъ, что это молитвенное ходатайство Матери Божіей за родъ христіанскій у насъ — въ православной Руси съ особенной силой открывается въ дарованіи прославленныхъ чудотворныхъ иконъ Ея, Высокопреосвященнѣйшій Владыка сказалъ, что и Ахтырскій образъ Божіей Матери извѣстенъ въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ нашего православнаго отечества и самимъ Владыкой почитается отъ днѣй ранней юности его. Закончилъ свое слово Владыка приглашеніемъ помолвться вмѣстѣ съ нимъ — Архипастыремъ Матери Божіей, предъ чудотворнымъ образомъ Ея, о дарованіи „граду сему“ и всѣмъ православнымъ чадамъ Церкви Христовой мира, твердости въ вѣрѣ и христіанскаго жительства. Рѣчь Владыки, сказанная простымъ, доступнымъ пониманію каждому языкомъ, была проникнута глубокою вѣрою самаго Святителя, пронизана на всѣхъ ясныхъ впечатлѣніяхъ Младше со слезами умиленія, горячо молился при последованіи за словомъ молебномъ пѣніемъ. Внѣтное, одухотворенное, сердечною теплотою служеніемъ Владыки, сонмъ священнослужителей, окружившихъ блестящій драгоценностями образъ Богоматери, богатый, мощный и выразительности голосъ протодіакона, при величественной обстановкѣ рѣднаго на внутреннему благолѣпію храма, все это заставляло молящихся переживать самыя высокія, живыя моменты предпознаго восторга и положительно дѣйствовало величьемъ и красотою церковной службы. Молебенъ заключился провозглашеніемъ многолѣтня Царствующему Дому, Свя. Синоду, и Высокопреосвященнѣйшему Архипаскопу, Арсенію, съ богохранимою его паствою, братьямъ въ храма и всѣмъ православнымъ христіанамъ. Разоблачившись, по окончаніи молебна, Высокопреосвященнѣйшій Владыка, сопровождаемый духовенствомъ и народомъ, являлись осматривать находящіяся въ соборной оградѣ церкви полевую и „графскую“ (зимній соборъ). Въ полевой церкви Владыку встрѣтили командующій полкомъ, подполковникъ Ходчевъ и церковный

староста ротмистръ Черемисновъ съ нижними чинами по нѣскольکو человекъ отъ каждаго эскадрона. Послѣ обычнаго многолѣтія Владыка, взявши крестъ, самъ провозгласилъ многолѣтіе побѣдоносному русскому воинству и въ краткой рѣчи пожелалъ полку неизмѣнно хранить святые завѣты преданности вѣрѣ, престолу и отечеству и служить украшеніемъ арміи. Въ „Графской“ церкви Владыка, освѣдомившись объ исторіи построения храма, изволилъ остановить свое вниманіе на 3 иконахъ, принадлежащихъ кисти знаменитаго художника Муряло и выразилъ сожалѣніе, что недостатокъ свѣта въ алтарѣ не позволяетъ видѣть ихъ надлежащимъ образомъ. Узавъ, что съ устройствомъ отопленія въ большомъ соборѣ, въ „Графской“ церкви стали рѣже совершать Богослуженіе, Владыка выразилъ желаніе, чтобы „и въ этомъ благолѣпномъ храмѣ“ служеніе совершалось какъ можно чаще. Затѣмъ, согласно намѣченному въ маршрутѣ порядку Его Высокопреосвященство изволилъ осматривать ближайшія къ собору городскія церкви: Преображенскую, Николаевскую, Успенскую и домовую—Николаевскую при мужской гимназіи. Въ каждомъ храмѣ, послѣ подробнаго осмотра его, Владыка заставлялъ псаломщиковъ и діаконовъ исполнить тѣ или другія пѣснопѣнія и обращался къ прихожанамъ съ словомъ назиданія. Нечего и говорить о томъ, что каждое слово Святителя принималось съ глубокою благодарностію и положительно покорило Владыкѣ сердца его слушателей. По прибытіи Высокопреосвященнѣйшаго Владыка къ зданію гимназіи, у воротъ гимназической ограды его встрѣтили директоръ гимназіи Р. Л. Миротворцевъ и инспекторъ Н. И. Клевцовъ, а у параднаго подъѣзда причтъ гимназической церкви. Послѣ обычной встрѣчи въ храмѣ Владыка взялъ Св. Крестъ и самъ провозгласилъ многолѣтіе начальствующимъ, учащимъ и учащимся въ гимназіи. Оставшись очень доволенъ благолѣпіемъ храма и пѣніемъ гимназическаго хора, Владыка благословилъ всѣхъ собравшихся и пожелалъ имъ твердо хранить тѣ завѣты доброй жизни и поведенія, которымъ ихъ учили въ стѣнахъ учебнаго заведенія и которыми особенно окончившимъ курсъ, выходящимъ на распутіе новой жизни, должны служить твердымъ оплотомъ противъ оживающихъ въ себѣ и увлеченій со стороны вратовъ церкви и государства. Посѣтивъ затѣмъ квартиру директора, Его Высокопреосвященство изволилъ отбыть въ квартиру благочиннаго городскихъ церквей, гдѣ ему была приготовлена легкая закуска и чай. Немного отдохнувши и подкрѣпивъ себя пищею, Владыка отправился на ночлегъ въ Ахтырскій Св. Трѣицкій монастырь.

23 мая, около 9 часовъ утра, Владыка снова возвратился въ городъ и, при въѣздѣ въ него, осмотрѣлъ монастырскую школу, благоустройствомъ и чистотою которой остался очень доволенъ. Затѣмъ Владыка прослѣдовалъ въ Георгіевскую церковь. Здѣсь Высокопреосвященнѣйшій Архипастыръ остановилъ свое вниманіе на стройномъ пѣніи хора изъ учащихъ въ церковной школѣ и любителей—прихожанъ. По желанію Владыки, хоръ исполнилъ нѣсколько церковныхъ пѣснопѣній и между прочимъ херувимскую пѣснь обычнаго напѣва. „Я очень люблю этотъ напѣвъ Херувимской пѣсни“, сказалъ Владыка. Поблагодаривъ пѣвцовъ за хорошее пѣніе и благословивъ ихъ крестиками, Владыка направился къ зданію Соборной церковно-приходской школы, въ которомъ ожидали Его Высокопреосвященства всѣ учащіе в учащіяся въ церковныхъ школахъ гор. Ахтырки. Наружный видъ обширнаго школьнаго зданія видимо понравился Владыкѣ, что онъ и высказалъ встрѣчавшимъ его лицамъ. При входѣ въ классную комнату Его Высокопреосвященства, дѣти дружно и стройно пропѣли „въ полла: эти, деспота“. Осѣнивъ собравшихся Архипастырскимъ благословеніемъ и приказавъ всѣмъ повернуться лицомъ къ иконѣ, Владыка предложилъ пропѣть праздничный тропарь. По исполненіи тропаря, уѣздный наблюдатель священникъ Гавріилъ Вѣлюсовъ обратился къ Его Высокопреосвященству съ слѣдующею рѣчью:

Ваше Высокопреосвященство, уважаемый Владыко, мы сердечно поздравляемъ съ прибытіемъ въ сей скромный питомникъ церковно-школьнаго просвѣщенія отъ лица учащихъ и учащихъ въ церковныхъ школахъ гор. Ахтырки.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко,

Милостивѣйшій Архипастыръ и Отецъ!

Позвольте мнѣ, какъ уѣздному наблюдателю, привѣтствовать Ваше прибытіе въ сей скромный питомникъ церковно-школьнаго просвѣщенія отъ лица учащихъ и учащихъ въ церковныхъ школахъ гор. Ахтырки. Не смѣю скрыть, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, что вмѣстѣ съ радостью, которую вызываетъ въ сердцахъ нашихъ посѣщеніе Вашимъ Высокопреосвященствомъ нашей школьной семьи, мы невольно испытываемъ чувство смущенія и робости, соразмѣряя наше убожество съ обиліемъ благодати Божіей, присущей Вашему высокому сану и съ той выдающеюся многостороннею просвѣтительною Архипастырскою дѣятельностью—Вашего Высокопреосвященства, которой отмѣчено Ваше служеніе Православной Русской Церкви и необъятному нашему отечеству. Не, нашему, конечно, слабому слову взобразить хотя бы въ общихъ чертахъ всю без-

предѣльную ширь этой повстанія апостольской дѣятельности Вашего Высокопреосвященства, ширь, въ которой, какъ въ богатомъ калейдоскопѣ, проходятъ одна за другой многоназидательныя картины Вашей трудовой жизни: И тихій Днѣпръ и изумрудныя берега нѣжной Тавриды, и царственная Нева, и стремящаяся къ западу Двина, и мать русскихъ рѣкъ многоводная Волга, забывая равдѣляющее ихъ пространство, сливаютъ свои голоса въ одинъ могучій аккордъ хвалы и благодаренія Богу и непрестанно свидѣтельствуютъ о повесенныхъ Вашимъ Высокопреосвященствомъ трудамъ и болѣзнямъ на разныхъ поприщахъ и въ разныхъ мѣстахъ служенія Вашего Царства русскому дѣлу. Намъ—малымъ труженникамъ на святой нивѣ просвѣщенія народа да будетъ позволено въ этотъ счастливый день приподнять хотя край той широконной завѣсы, за которой исторія хранитъ проникнутыя истеческой заботливостью, искреннею любовью и глубокимъ знаніемъ дѣла труда Вашего Высокопреосвященства: по засаженію и устроенію церковно-школьнаго дѣла въ епархіяхъ Рижской и Казанской. Промыслъ Божій, призвалъ Васъ въ первую изъ названныхъ епархій въ то многознаменательное время, когда Державной волею почившаго Великаго Русскаго Императора Александра 3-го пражавное духовенство призывалось послужить народу въ званіи школьныхъ учителей и наставниковъ! Мы знаемъ, святой Владыко, какой массой труда, энергій и заботъ о новомъ дѣлѣ края дѣлѣ Вы отозвались на этотъ царскій призывъ. Мы знаемъ, кѣмъ вспахана, вскормлена и согрѣта Рижская нива церковно-школьнаго просвѣщенія и кому она обязана своимъ нынѣшнимъ цвѣтущимъ состояніемъ. Знаемъ, какъ болѣло Ваше доброе сердце за нужды школъ Казанскихъ, расцвѣвшихъ среди иороднаго и иноафрагнаго населенія и потому требовавшихъ отъ Васъ особой Архипастырской доречительности и подвиговъ любви и терпѣнія. Помнимъ, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, тѣ вылитыя отъ сердца слова, которыя были сказаны Вами по этому поводу: „Одному Господу Богу извѣстно, сколько я выстрадалъ душею, какъ болѣло мое сердце, когда я видѣлъ, что многія начинанія въ указанномъ направленіи не могутъ получить своего осуществленія по недостатку средствъ. Да, не легко миѣ тогда бывало“. (Конецъ рѣчи). Сознаемъ это, милосердый Владыко, и тѣмъ съ большимъ смущеніемъ должны сознаваться, что и мы—новые чада Вашей святительской попечительности: не можемъ обѣщать Вамъ полного покаянія и свободы отъ заботъ о нашихъ нуждахъ. Но много смущенія смѣняется въ насъ чувствомъ радости. Радуетъ, что въ святительской особѣ Вашего

Высокопреосвященства встрѣчаемъ не только Высокаго Начальника и покровителя церковныхъ школъ, но и мудреннаго знаіемъ и богатаго опытомъ святителя—педагога. Радуемся; что, наши юныя, еще не виолнѣ окрѣпшія школы, вступая подъ благодатную сѣнь Вашего святительскаго покровительства, съ свѣтлой надеждой взираютъ на свое будущее, и съ теплотой сердечной вѣры благодаримъ Господа, такоу благодѣющаго намъ. Отъ насъ же, учащихъ и учащихся, примите, Милостивѣйшій Владыко, какъ чистый даръ покорныхъ Вамъ сердецъ, искреннюю сыновнюю любовь къ Вамъ, нелицемѣрную готовность слѣдовать всѣмъ Вашимъ повелѣніямъ и горячую молитву томъ, чтобы Владыка жизни—Господь нашъ Іисусъ Христосъ укрѣпилъ Ваши силы в здорově для счастья всей Церкви Харьковской, и юныхъ чадъ ея въ частности на многія лѣта.

Выслушавъ благосклонно эту рѣчь, Владыка сказалъ: „Спасибо за доброе слово. Если вы слѣдили за моею дѣятельностью по народному образованію, то отъ васъ не должно укрыться, что я болышой поборникъ возможно широкаго развитія грамотности и безусловно ратую за необходимость школьнаго образованія для дѣвочекъ. Онѣ принадлежатъ семьѣ больше, чѣмъ мальчики, и даже въ годы юности своей могутъ быть полезными пособницами просвѣтителей народа, научая своихъ младшихъ братьевъ и сестеръ молитвамъ и начальной грамотѣ, а кому изъ нихъ Богъ укажетъ достигнуть зрѣлыхъ лѣтъ и сдѣлаться матерями, тѣмъ безъ сомнѣнія, съ особеннымъ усердіемъ отзовутся на добрый призывъ къ просвѣщенію, и это святое дѣло въ самой семьѣ волучитъ надежную опору и нѣжныя материнскія заботы“. Освѣдомившись затѣмъ о числѣ учащихся дѣвочекъ, Владыка высказалъ сожалѣніе, что онѣ составляютъ незначительный % въ отношеніи къ учащимся мальчикамъ и обрадовался, когда уѣздный наблюдатель доложилъ, что въ недалекомъ будущемъ при Успенской церкви города Ахтырки отъсрывается церковно-приходская школа для дѣвочекъ. Въ это время попечитель Архангело-Михайловской церковно-приходской школы И. Н. Милославскій обратился къ Его Высокопреосвященству съ рѣчью, въ которой, выразивъ благодарность городскому духовенству за заботы о просвѣщеніи народа, высказалъ увѣренность, что это доброе дѣло, при мудромъ водителствѣ прославленнаго Святителя—педагога, быстро достигнетъ блестящихъ результатовъ, поручкой чему служить испытанная опытность самаго Владыки и добросовѣстный трудъ духовенства. Затѣмъ, Высокопреосвященнѣйшій Владыка сталъ провѣрять знанія учениковъ. Между тѣмъ обшир-

ный (около 30 арш. въ длину) школьный залъ, раздѣленный раздвижными дверями на двѣ комнаты, сталъ наполняться народомъ; и еслибы противники церкви и церковно-школьнаго образованія видѣли ту картину, которую представляло въ это время школьное помещеніе, они должны были бы убѣдиться въ бесполезности ихъ неблаговднхъ козней и въ несокрушимой силѣ, объединяющей во едино стадо Христово Богомъ поставленныхъ пастырей и благодарованную паству. Быть можетъ, этой чудной картиной и не хватало внѣшней художественной красоты, но ея прелесть—въ той внутренней духовной красотѣ, которая свойственна дѣламъ встанной любви и правды Божіей. Великій Святитель, какъ другъ и близкій человѣкъ, входитъ въ средину дѣтей, просто и ласково бесѣдуетъ съ ними, чисто съ отеческой нѣжностію ободряетъ навболѣе робкихъ и вскорѣ такъ овладѣваетъ дѣтьми, что тѣ буквально льнутъ къ нему и одинъ передъ другимъ стараются попасть на глаза и дать отвѣтъ на предлагаемые вопросы. Замѣтивъ это, Святитель—педагогъ предлагаетъ отвѣчать хоромъ. Воодушевленіе растетъ съ каждой минутой и отъ дѣтей передается взрослымъ, которые все болѣе и болѣе тѣснымъ вѣльцомъ окружаютъ дѣтей и смѣшиваются съ ними. Отвѣты даются бойкіе и видимо радуютъ Владыку. „Довольно отвѣчать, говоритъ Архипастырь, спойте Херувимскую пѣснь“. Послѣ херувимской поютъ „Милость мира“, „Спаси Господи люди твоя“ и тропарь Божіей Матери (Ахтырской иконѣ). „Хорошо вы поете, хорошо отвѣчали, а вотъ теперь я васъ сконфужу, говоритъ Владыка, обращаясь съ ласковой улыбкой къ дѣтямъ. Вѣдь вы навѣрно не знаете, какой у васъ завтра праздникъ?“ — „Знаемъ, знаемъ“, раздаются дружные голоса: „перенесеніе Чудотворной иконы изъ собора въ монастырь“. „А исторію явленія Иконы знаете?“ „Знаемъ, знаемъ“ — „Кто же мнѣ расскажетъ объ этомъ?“ — „Я, мнѣ поднимаются сотни рукъ, и одинъ изъ ближайшихъ къ Владыкѣ учениковъ начинаетъ передавать исторію явленія иконы. Взрослые съ большимъ вниманіемъ слѣдятъ за вопросами Владыки и отвѣтами учениковъ. Высокпреосвященнѣйшій Владыка обращается къ взрослымъ и предлагаетъ одной дѣвицѣ прочесть вечернюю молитву; оказалось, что она этой молитвы не знаетъ. „А ты грамотная?“ спрашиваетъ Владыка. „Нѣтъ, не грамотная“. И навѣрно жалѣешь объ этомъ?“ „Очень жалѣю“. Воспользовавшись этимъ, Владыка указалъ взрослымъ на ихъ глазахъ обнаруженное преимущество грамотности и просилъ ихъ приложить стараніе къ поддержанію и развитію школы. „А теперь споемъ всѣ народный гимнъ“ — И, по желанію Владыки, гимнъ былъ

исполненъ два раза. Пожелавъ учащимся съ любовью внимать преподаваемому имъ ученію и выразивъ одобреніе учащимъ и наблюдателю за достигнутые успѣхи, Его Высокопреосвященство, благословивъ всѣхъ крестиками и книжками, отправился обозрѣвать церкви Петро-Павловскую и Архангело-Михайловскую. Обѣ церкви и въ особенности послѣдняя произвели на Владыку самое отрадное впечатлѣніе. Владыка долго любовался величіемъ храма и высказалъ благодарность усердію прихожанъ. Архангело-Михайловскою церковью закончилось обозрѣніе церквей.

По приглашенію директора и начальницы, Его Высокопреосвященство направился къ женской гимназіи. У параднаго подъѣзда Владыку встрѣтили начальствующія лица, а въ актовомъ залѣ—персоналъ учащихся и воспитанницы гимназіи. На первыхъ порахъ на юныхъ лицахъ ученицъ явно сказывалось волненіе и робость, но вскорѣ ласковымъ отеческимъ обращеніемъ Владыка вызвалъ на всѣхъ лицахъ радость и оживленіе. Долго делалась живая бесѣда Владыки съ воспитанницами, но видно было, что имъ хотѣлось еще и еще задержать Высокаго Гостя, и когда Владыка на прощанье благословилъ ихъ крестами и пожелалъ имъ неизмѣнно хранить чистоту сердца и твердость вѣры, воспитанницы до самой кареты провожали его дружнымъ пѣніемъ „многая лѣта“. Между тѣмъ въ городскомъ домѣ собрались представители городского общества, ожидавшіе прибытія Владыки на предложенный городомъ и Его Высокопреосвященствомъ милостиво принятый обѣдъ. Въ большомъ залѣ помимо гостей Владыку встрѣтили пѣніемъ „всѣхъ полна: эти деспота“ ученики городского приходскаго училища. Провѣривъ знанія учениковъ по Закону Божию и предложивъ имъ спѣть „Отче нашъ“, Владыка, благословивъ, отпустилъ учениковъ, и гости сѣли за трапеззу. Участвовавшихъ собралось свыше 50 человекъ. Благодаря общительности и остроумной назидательной бесѣдѣ Владыки, обѣдъ прошелъ очень оживленно. Когда подали шампанское, Владыка провозгласилъ тостъ за драгоценное здоровье Государя Императора и всего Царствующаго дома. Второй тостъ—за здоровье Великаго Архипастыря и Высокаго Гостя—предложилъ г. городской голова М. В. Курило. На этотъ тостъ Владыка отвѣтилъ пожеланіемъ городу Ахтырѣ и всѣмъ его учрежденіямъ мирнаго преуспѣянія и благоденствія. Далѣе были связаны, исполненыя любви и благодарности Владыки рѣчи благочиннымъ городскихъ церквей и И. Н. Милославскимъ. Обѣдъ окончился въ 3 часа и Владыка, поблагодаривъ горожанъ

за ихъ любезность и добрыя чувства, отправился въ квартиру Благочиннаго.

Въ 6 ч. 15 м. въ квартирѣ, занимаемой Его Высокопреосвященствомъ, собрались настоятель Святогорскаго Успенскаго монастыря архимандритъ Вассіанъ, настоятель Ахтырскаго монастыря архимандритъ Алипій, о. ключарь Виноградовъ, настоятель собора протоіерей Оедоровъ, благочинный и прочее городское духовенство, въ числѣ 18 человекъ, и, совершивъ положенное начало, проводили Владыку въ храмъ на всенощное бдѣніе. Сравнительно хорошая погода собрала въ храмъ и церковной оградѣ до 20 тысячъ пришлыхъ и мѣстныхъ богомольцевъ. На молитву всѣ служащіе вышлись съ Архипастыремъ, вышли на церковную нарты и этой молитвѣ подъ открытымъ небомъ принимала вся 20 тысячная толпа, не могущая вышиться въ храмъ. Торжественная служба продолжалась до 10^{1/2} часовъ ночи. Довольно усталый Владыка, по окончаніи службы, возвратился въ квартиру. 24 мая, въ 8^{1/4} часовъ утра, воѣ служащіе (2 архимандрита, 11 протоіерей, 7 священниковъ, протодіаконъ, 5 діаконъ и 2 иподіаконъ) снова собрались съ духовнѣмъ Его Высокопреосвященства и такъ же, какъ и наканунѣ, со славою провели Владыку въ храмъ. Около 9 часовъ началась Божественная литургія, которая закончилась въ 11 часамъ. Проводивъ Образъ, по окончаніи литургій, до Соборной площади, Его Высокопреосвященство возвратился въ Соборъ, а крестный ходъ, при участіи о. архимандрита Вассіана и всего городскаго духовенства, направился къ монастырю. Разоблачившись, Владыка отправился въ квартиру о. Благочиннаго. Когда Высокопреосвященнѣйшій Владыка здѣсь отдохнулъ немного и подкрѣпилъ себя чашкой чая, соборный причтъ и староста удостоились поднести Его Высокопреосвященству копію Ахтырскаго чудотворнаго образа Божіей Матери. Црививъ образъ, Владыко милостиво благодарилъ причтъ и старосту за иѣнное для него подношеніе. Затѣмъ Его Высокопреосвященство отправился также въ монастырь для встрѣчи крестнаго хода. Около часу крестный ходъ приблизился къ монастырю. Въ это время Владыка, облачившись въ полное архіерейское облаченіе, окруженный настоятелемъ и братією монастыря, ожидалъ у св. воротъ монастырской ограды подходившихъ съ образомъ Божіей Матери. Возвышенная мѣстность, на которой расположенъ монастырь, позволяла видѣть Его Высокопреосвященству всю движущую живую рѣву торжественной процессіи. „Какая чудная, удивительная картина!“ сказалъ восхищенный Владыка. Такое же

чувство переживали и участвующіе въ крестномъ ходѣ, созерцая съ подошвы горы стоящаго на вершинѣ ея облеченнаго въ золотыя одежды Архипастыря и сонмъ монастырской братіи. „Кто тебе не ублажить, Пресвятая Дѣво“ несутся голоса снизу, „Радуйся, Царице“ вторять могучій монастырскій хоръ сверху, и, кажется, земля и небо сливаются свои голоса, прославляя величіе и милость Царицы Небесной.

Въ этотъ же день Высокопреосвященнѣйшій Владыка совершалъ въ монастырскомъ соборѣ всенощное бдѣніе. Въ 6 часовъ вечера, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній изъ покоевъ, назначенныхъ для него въ монастырѣ, отправился „со славою“ въ главную монастырскую Троицкую церковь, при торжественномъ колокольномъ звонѣ, въ предшествіи двухъ архимандритовъ Святогорскаго—Вассіана и Ахтырскаго—Алипія, соборнаго ключаря Г. Виноградова, десяти іеромонаховъ, протоіакона, трехъ іеродіаконовъ и пѣвчихъ, которые пѣли тропарь праздника. По пришествіи Владыки въ церковь, тотчасъ началось всенощное бдѣніе. Во время его Владыка выходилъ на лѣтню, которая совершена была внѣ храма у западныхъ дверей,—и на велѣчаніе. Послѣ велѣчанія Владыка помазывалъ св. елеемъ служащихъ съ нимъ, братію и молящихся въ храмѣ до конца канона. Всенощная окончилась въ 10 часовъ ночи. Богомольцевъ были тысячи.

25 мая, Троицынъ День, храмовой праздникъ въ Ахтырскомъ Троицкомъ монастырѣ. Въ 9 час. утра Высокопреосвященнѣйшій Владыка, также какъ и наканунѣ, былъ „со славою“ препровожденъ въ церковь. Здѣсь, послѣ облаченія и прочтенія часовъ, былъ отслуженъ Владыкою благодарственный молебенъ, послучаю празднованія дня рожденія Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. Затѣмъ совершена была литургія, а послѣ нея непосредственно—вечерня, съ чтеніемъ на ней положенныхъ уставомъ молитвъ, которыя читалъ самъ Владыка. Въ сослуженіи съ Владыкою въ этотъ день были: святогорскій архимандритъ Вассіанъ, ахтырскій Архимандритъ Алипій, ключарь свящ. Г. Виноградовъ и пять іеромонаховъ.

По традиціонному обычаю, послѣ литургіи въ покояхъ Его Высокопреосвященства состоялся обѣдъ, на которомъ Владыка своею живою остроумною бесѣдою положительно очаровалъ всѣхъ присутствовавшихъ. Благочинный городскихъ церквей, являясь истолкователемъ чувствъ горожанъ и духовенства, осмѣлился обратиться къ Его Высокопреосвященству съ слѣдующею рѣчью.

Ваше Высокопреосвященство

Милостивѣйшій Архипастыръ в Отецъ!

Сегодня мы снова имѣемъ счастье лицезрѣть Ваше Высокопреосвященство и пользоваться Вашимъ святительскимъ общеніемъ. Знаемъ, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, что это не заслуженная еще нами милость, драгоценный даръ Вашей Архипастырской любви къ обожающей Васъ Ахтырской паствѣ, ради которой Вами повесены въ одинъ, нынѣшній день чрезмѣрные труды и подвиги. Только высокая, самоотверженная любовь Архипастыря, пренебрегающаго личнымъ покоемъ ради удовлетворенія духовной жажды его окружающихъ, способна на такія жертвы. Правда, немного счастливыхъ часовъ выпало на нашу долю быть вблизи святительской особы Вашего Высокопреосвященства, но это короткое счастье будетъ отмѣчено ничѣмъ не изгладимой записью не только въ лѣтописяхъ жизни города, но и въ сердцахъ безусловно плѣненной Вашей паствы Ахтырской. Простите, Милостивѣйшій Владыко, если я осмѣлюсь сказать, что Вы достигли этого не силою только своего высокаго сана, но и чарующей мощью Вашей высокой души, той исключительной, присущей Вашему Высокопреосвященству обаятельностью, которая съ первой же встрѣчи заставляеть не только любить но положительно благоговѣть, преклоняться предъ Вами.

Если великій римскій полководецъ Цезарь нѣкогда имѣлъ право сказать о себѣ: „пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ“, то Вамъ, Высокопреосвященнѣйшій Владыка это право принадлежитъ въ высокой степени. Вы овладѣли нами быстрѣе Цезаря. Побѣжденные силою оружія скрываютъ свои сокровища отъ побѣдителей, но покоренные силою духа съ любовью и энтузіазмомъ несутъ къ алтарю побѣдителя все самое цѣнное. Позвольте же, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, намъ—побѣжденнымъ принести Вамъ—побѣдителю самый цѣнный нашъ даръ—безгранично любящія и преданныя Вамъ сердца и отъ полноты ихъ возгласить: да продлитъ Господь дни Вашей жизни въ подномъ счастья и благополучія на многая лѣта.

Въ тотъ же день въ 7 часовъ вечера Владыка слушалъ утреню въ домовоі церквѣ монастыря, а въ 9 ч. вечера Его Высокопреосвященство, сопровождаемый торжественнымъ звономъ колоколовъ и общимъ благопожеланіями, отбылъ на желѣзнодорожный вокзалъ для слѣдованія въ городъ Харьковъ. Проводить Владыку собрались городскіе священники и масса публики во главѣ съ городскимъ

головою. Владыка милостиво простился съ провожавшими и вошелъ въ вагонъ; оставляя за собою неподдѣльную любовь и безконечную преданность всей паствы Ахтырской.

— *Возращеніе Высокопреосвященнаго Арсенія въ Харьковъ.* Высокопреосвященнѣйшій Арсеній возвратился въ Харьковъ: въ поѣздкѣ въ Ахтырку 26 мая, въ Духовъ день въ 7½ часовъ утра, а въ 9 часовъ того же дня служилъ литургію въ Харьковскомъ Покровскомъ монастырѣ. На литургіи, во время малаго входа Владыка возложилъ наперсный крестъ на іеромонаха Теофила, а на іеромонаховъ Иринея и Иларіона набедренники.

— *Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній.* По возвращеніи изъ поѣздки въ Ахтырку, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній почти ежедневно посѣщалъ мѣстные учебныя заведенія, особенно когда происходили тамъ экзамены по предметамъ вѣрученія и правоученія христіанскаго. Какъ глубокій знатокъ сердца человѣческаго вообще и дѣтскаго въ частности, Владыка—Архіепископъ прекрасно понимаетъ, что благожелательное присутствіе архипастыря среди дѣтей особенно въ важнѣйшіе моменты ихъ школьной жизни должно имѣть громадное вліяніе на настроеніе и характеръ „будущихъ дѣятелей“ нашего общества; общеніе архипастыря съ дѣтьми, безъ сомнѣнія, должно сблизить, сроднить, покростающее поколѣніе, съ нами, духовно-нравственнымъ руководителемъ общества; втечлененіе Владыки къ учащимся и его близкое участіе въ экзаменскихъ волненіяхъ дѣтей, безъ сомнѣнія, должно вселить въ нихъ любовь и расположеніе къ своему Архипастырю; при частомъ явленіи мѣстнаго епископа среди дѣтей и при тѣсномъ общеніи его съ ними самое слово „архіерей“ не будетъ для нихъ пустымъ звукомъ, а найдетъ себѣ надлежащее мѣсто въ воспріимчивомъ дѣтскомъ сердцѣ. Несомнѣнно, каждый изъ насъ знаетъ, какъ сильны въ человѣкѣ дѣтскія впечатлѣнія и чувства, и какъ глубоко ихъ вліяніе на послѣдующую жизнь его. Только глубокимъ сознаніемъ Владыкою благотворнаго вліянія на дѣтей Архипастырскаго общенія съ ними и слѣдуетъ объяснять его частыя посѣщенія то того, то другого учебнаго заведенія. Такъ, по возвращеніи изъ Ахтырки, Владыка 27 мая посѣтилъ Духовное училище, гдѣ изволилъ присутствовать на экзаменѣ по церковному уставу.

28 мая Владыка посѣтилъ 4 гимназію. По пріѣздѣ въ гимназію Его Высокопреосвященство былъ встрѣченъ законоучителями гимназій, директоромъ и всѣми преподавательскимъ персоналомъ. Гимназическій хоръ пропѣлъ тропарь „Благословенъ еси, Христе

Боже нашъ“ и „всѣхъ полна эти, деспота“. Его Высокопреосвященство совмѣстно съ г. попечителемъ учебнаго округа тайнымъ совѣтникомъ М. М. Алексѣенко и окружнымъ инспекторомъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Д. Е. Архангельскимъ изволилъ присутствовать на испытаніи зрѣлости по Закону Божію, при чемъ экзаменовалъ учениковъ самъ. Затѣмъ, похваливъ хоръ и благословивъ присутствующихъ, Его Высокопреосвященство отбылъ изъ гимназіи въ половинѣ двѣнадцатаго дня. «Харьк. Губ. Вѣд.»

Ласковое, чисто отеческое обращеніе Владыки съ учащимися, какъ это мы слышали отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, произвели на всѣхъ ихъ самое отрадное впечатлѣніе.

29-го мая Высокопреосвященнѣйшій Арсеній посѣтилъ 2-ю мужскую гимназію, гдѣ совмѣстно съ г. попечителемъ округа М. М. Алексѣенко присутствовалъ на выпускномъ экзаменѣ по Закону Божію. Того же числа Высокопреосвященнѣйшій Арсеній въ господнѣ попечитель Харьковскаго учебнаго округа посѣтили Харьковское реальное училище и присутствовали на экзаменѣ по Закону Божію учениковъ 7 дополнительнаго класса. Владыка былъ встрѣченъ наблюдателемъ за преподаваніемъ Закона Божія въ г. Харьковѣ, протоіереемъ Любичкинымъ, директоромъ училища, преподавателями и выпускными учениками и при пѣніи учениками и хоромъ „всѣхъ полна эти деспота“ прослѣдовалъ въ училищную церковь, гдѣ и была совершена установленная церковная встрѣча.

По окончаніи литіи и многолѣтій Его Высокопреосвященство направился въ экзаменаціонный залъ и производилъ лично испытаніе учениковъ.

Преподавъ ученикамъ наставленіе и архипастырское благословеніе, Владыка отбылъ изъ училища вмѣстѣ съ г. попечителемъ округа, посѣтивъ передъ отбытіемъ начальника заведенія въ его квартиру. «Харьк. Губ. Вѣд.»

— 30 мая Владыка посѣтилъ институтъ благородныхъ дѣвицъ. Въ институтской церкви онъ совершилъ литургію, на которой, кромѣ преподавательскаго персонала и воспитанницъ, присутствовали родители и родственники пообѣднихъ, и д. губернатора О. Н. Гербель, попечитель учебнаго округа М. М. Алексѣенко, ректоръ университета Н. О. Куплеваскій и консультантъ института профессоръ М. М. Ломиковскій. Во время Богослуженія Владыка обратился къ выпускнымъ воспитанницамъ съ прочувственнымъ словомъ, которое напечатано въ Церковномъ отдѣлѣ настоящей книжки. Во время же Богослуженія Владыка возложилъ камлатье на

на настоятеля институтской церкви и законоучителя о. Павла Грома, пожалованную ему 15-го мая.

Послѣ Богослуженія, въ одномъ изъ класныхъ помѣщеній, Высокопреосвященному Арсенію и приглашеннымъ гостямъ былъ предложенъ чай. Затѣмъ въ торжественномъ залѣ института въ присутствіи Владыки состоялся актъ. Инспекторъ классовъ С. В. Булгаковъ прочелъ краткій отчетъ по учебной части, послѣ чего былъ розданы награды выпускнымъ воспитанникамъ. Актъ закончился пѣніемъ всѣхъ воспитаницъ „Боже, Царя храни“. Послѣ акта Владыка благословилъ всѣхъ присутствовавшихъ и при пѣніи воспитаницъ „Дѣсь поля эти, деснота“ уѣхалъ изъ института.

«Южн. Кр.».

— 1-го іюня Владыка былъ въ мужскомъ Духовномъ училищѣ на открытіи педагогическихъ курсовъ для учителей и учительницъ церковно-приходскихъ школъ. Въ 12 часовъ дня 1-го іюня въ домово́й церкви Духовнаго училища Высокопреосвященный Владыка въ сослуженіи о. ректора духовной семинаріи, уѣздныхъ наблюдателей и другихъ священниковъ, въ присутствіи 80-ти курсистовъ и курсистокъ, ихъ руководителей и наблюдателей, а также смотрителя училища А. А. Снегирева и членовъ училищнаго совѣта, совершилъ молебствіе, во время котораго пѣлъ хоръ, состоящій изъ учителей и учительницъ, подъ управленіемъ о. Д. Петровскаго. Предъ началомъ молебна Владыка обратился къ слушателямъ курсовъ съ назидательною рѣчью, которая уже помѣщена въ „Южн. Кр.“ а въ свое время будетъ помѣщена въ нашемъ журналѣ.

— 2-го іюня Владыка присутствовалъ на экзаменѣ по Закону Божию въ 1-й гимназій съ 9 до 11½ часовъ утра, а потомъ до 2 часовъ въ Духовной Семинаріи на экзаменѣ по Догматическому богословію въ 5 классѣ. О посѣщеніи 1-й гимназій Высокопреосвященнымъ Арсеніемъ Хар. Вѣд. пишутъ слѣдующее: 31-го мая, въ 9 час. 10 мин. утра, Высокопреосвященный Арсеній посѣтилъ 1-ю харьковскую мужскую гимназію. Встрѣченный въ приемной г. окружнымъ инспекторомъ Д. Е. Архангельскимъ, г. директоромъ гимназій, инспекторомъ, о. прот. С. Любичкимъ, и членами испытательной комиссіи по Закону Божию Его Высокопреосвященство прошелъ въ гимназическую церковь, гдѣ былъ встрѣченъ настоятелемъ ея, прот. П. А. Солнцевымъ, и учениками 8 класса. Послѣ пѣнія тропаря Св. Троицѣ было совершено краткое молебствіе, причѣмъ пѣли ученики 8 класса. Владыка самъ провозгласилъ многолѣтіе начальствующимъ, учащимъ и учащимся. Преподавъ свое Архипастырское благословеніе всѣмъ присутствующимъ, Его

Высокопреосвященство направился въ экзаменаціонный залъ. После пѣнія молитвы: „Достойно есть“ Владыка благословлялъ учащихя. Послѣдніе отвѣчали пѣніемъ: „Исѣ пола эти деспота“. Во время испытанія Его Высокопреосвященство самъ предлагалъ вопросы учащимся, дававшіе возможность взаимующимся показывать не только свои познанія, но и общее развитіе. Въ 11 часовъ объявленъ былъ перерывъ. Передъ выходомъ изъ зала Его Высокопреосвященство обратился къ оканчивающимъ курсъ съ назидательнымъ словомъ, увѣщавая ихъ твердо хранить завѣты православной вѣры. Простившись съ воспитанниками и еще разъ прохаживъ имъ свое благословеніе, Высокопреосвященный Архипастыръ посетилъ К. директора и въ 11 час. 20 мин., уѣхалъ изъ гимназіи.

— Высокопреосвященный Арсеній 31 мая посетилъ и 8-ю мужскую гимназію. Его Высокопреосвященство, встрѣченный попечителемъ учебнаго округа М. М. Алексѣенко, директоромъ и инспекторомъ гимназіи, прошель въ церковь, гдѣ былъ встрѣченъ церковнымъ причтомъ и учениками 8-го класса, пѣвшими тропарь Вознесенію. Изъ церкви Владыка прошель въ залъ, гдѣ, послѣ пѣнія учениками „Царю Небесный“, самъ произвелъ испытанія по Закону Божію ученикамъ 8-го класса. Въ 12 часу дня Высокопреосвященный Арсеній, преподавъ наставленіе ученикамъ и благословивъ каждого изъ нихъ, посетилъ квартиру директора, а затѣмъ уѣхалъ изъ гимназіи.

«Харьк. Губ. Вѣд.».

— *Поездка воспитанницъ Епархіальнаго училища от Спасова Скита.* Въ Воскресенье, 1 іюня воспитанницы Харьковскаго женскаго Епархіальнаго училища совершили поездку въ Спасовъ Скитъ.

Около 80 воспитанницъ, сопровождаемыя педагогическимъ персоналомъ и своею начальницею, прибыли рано утромъ на вокзалъ ст. „Харьковъ“, гдѣ, размѣстившись въ особо предоставленные имъ вагоны, отбыли по К.-Х. ж. д. на ст. „Воркв“. Отсюда они направились въ храмъ, гдѣ и присутствовали при совершеніи Божественной литургіи. Пѣли на литургіи сами воспитанницы. Затѣмъ, осмотрѣвъ достопримѣчательности въ Спасовомъ Скиту, на мѣстѣ чудеснаго спасенія Царской Семьи отъ грозившей опасности при крушеніи Императорскаго поезда, воспитанницы позавтракали, а потомъ, погулявъ на чистомъ воздухѣ, возвратились на платформу, гдѣ уже ихъ ожидалъ поездъ. Веселыя и живнерадостныя возвратились экскурсантки въ Харьковъ, сохранивъ пріятное воспоминаніе о совершенной прогулкѣ.

— *Архіерейское служеніе и актъ въ Епархіальномъ училищѣ.*

Въ воскресенье 8 іюня въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ было торжественное Архіерейское служеніе литургіи и послѣ нея благодарственный молебенъ во случаю окончанія учебнаго года въ училищѣ. Божественную литургію совершилъ Преосвященнѣйшій Стефанъ, Епископъ Сумской, въ сослуженіи о.о. Ректора Семинаріи, предсѣдателя совѣта Епархіальнаго училища, соборнаго ключаря, инспектора классовъ и двухъ приходскихъ священниковъ. Въ свое время на литургіи сказалъ наидательное слово воспитанницамъ инспекторъ классовъ о. І. Котовъ. Въ немъ проповѣдникъ начерталъ тотъ идеалъ, который по мѣрѣ возможности должны осуществлять въ своей жизни воспитанницы училища. Молебенъ послѣ литургіи былъ совершенъ съ небывалою еще въ училищѣ торжественностію. Кромѣ Преосвященнаго Стефана, на молебствіе вышелъ еще и Высокопреосвященнѣйшій Владыка—Архіепископъ, такъ что оно было совершено двумя Архипастырями съ соборомъ духовенства. На литургіи и молебнѣ присутствовали, кромѣ воспитанницъ, воспитательницъ и учителей, много лицъ сочувствующихъ духовному просвѣщенію: г. начальникъ губерніи, г. попечитель учебнаго округа, г. предсѣдатель Харьковскаго окружнаго суда, г-жа попечительница училища, а также масса родителей и родственницъ воспитанницъ. По окончаніи молебна г. начальницею училища былъ предложенъ духовенству и гостямъ чай. Затѣмъ въ залѣ училища былъ актъ, на которомъ послѣ обычной молитвы дѣлопроизводитель совѣта, прочиталъ краткій отчетъ о состояніи училища (онъ будетъ помѣщенъ у насъ въ Листкѣ) и были розданы всѣмъ воспитанницамъ, окончившимъ курсъ, аттестаты, а нѣкоторымъ, заслужившимъ, и награды. Число послѣднихъ въ настоящемъ году было очень значительно: изъ 75 воспитанницъ, окончившихъ курсъ, 17 получали награду за отличные успѣхи въ наукахъ, 6 награждены за успѣхи въ музыкѣ, 3 за успѣхи въ рукодѣльѣ и 3 за успѣхи въ иконописаньѣ. Кромѣ того Его Высокопреосвященство лично отъ себя благословилъ каждую окончившую курсъ воспитанницу Озерянскою иконой Божіей Матери, молитвенникомъ и Св. Евангеліемъ. Актъ закончился, прѣіемъ народнаго гимна. Послѣ этого Его Высокопреосвященство подошелъ къ воспитанницамъ, которыя обступили его полукругомъ, и преподалъ имъ напутственныя наставленія. Слова Владыки, выходящія изъ сердца, видимо, падали на воспріимчивую почву и сильно тронули сердце воспитанницъ: у всѣхъ ихъ были видны слезы на глазахъ; не могли удержать въ

себѣ слезъ и многіе изъ родителей, слушавшихъ слово Владыки. Говорилъ Владыка въ своей рѣчи приблизительно слѣдующіе:

Привѣтствую васъ, питомцы Харьковскаго Епархіальнаго училища, съ окончаніемъ годовыхъ занятій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ окончаніемъ вашего курса. Сегодня насталъ вождельный для васъ день, къ которому вы стремились въ теченіе семи лѣтъ, день выпуска васъ изъ училища.

Въ настоящую минуту я вижу всѣхъ васъ съ аттестатами въ рукахъ, свидѣтельствующими о вашихъ усердныхъ занятіяхъ и вашихъ успѣхахъ. Вы со своими аттестатами въ рукахъ напомнили мнѣ отправляющихся въ дальнюю дорогу путниковъ съ посохами, на которые можно прочно опираться на жизненномъ путѣ. Дѣйствительно, вы очень походите на этихъ путниковъ. Черезъ нѣсколько часовъ вы навсегда оставляете стѣны давшаго вамъ пріютъ, взлелѣявшаго и возрадившаго васъ училища, въ которомъ, я увѣренъ, теперь все, даже разные уголки въ комнатахъ и саду, для васъ дорого, а современемъ будетъ еще дороже. Вы оставляете здѣсь любящихъ васъ и преданныхъ вамъ лицъ начальствующихъ, преподавателей и воспитательницъ, которые предусматривали всѣ ваши нужды, руководилъ вами, заботился о вашемъ благополучіи, воспитаніи и образованіи. Выходя изъ училища каждая изъ васъ, разстается со всѣми своими подругами, съ которыми связана была въ теченіе семилѣтней совмѣстной жизни узами общихъ интересовъ, разстается также и съ тѣми изъ нихъ, съ которыми, какъ друзьями, привыкла дѣлиться своими думами, радостями и печалью. Со многими вѣрными и испытанными руководителями и друзьями разлучаетесь вы сегодня!.. Найдете-ли вы (кромя своихъ родителей) такихъ искреннихъ друзей и близкихъ къ вамъ лицъ въ жизни, двери которой только что открылись для васъ?—Наше время смутное, опасное и лукавое время. Нынѣ очень легко вмѣсто добраго друга натолкнуться на такого, отъ котораго нужно бѣжать, какъ отъ чумы. Нужно быть вамъ слѣшкомъ осторожными и осмотрительными при выборѣ новыхъ друзей! Чѣмъ же вы должны руководиться при этомъ выборѣ? Отвѣчу кратко: въ пригодныхъ для васъ друзьяхъ и близкихъ вашему сердцу людяхъ, на которыхъ вамъ можно положиться, и съ которыми смѣло можете вступать въ тѣсныя отношенія, должны быть тѣже самыя качества, которыя стремились развить въ васъ здѣсь; въ училищѣ, ваша начальница, воспитательницы и преподаватели. Вы хорошо знаете эти качества: начало развитія ихъ положено еще вашими родителями въ вашемъ дѣтствѣ въ родной семьѣ. Качества эти—тру-

долюбіе, честность, вскрєненія вѣра въ Бога и во все то, вѣровать чему учили васъ въ дѣтствѣ родители, а здѣсь учителя и воспитательницы. Только съ лицами такихъ качествъ вы и дружите по выходѣ изъ училищъ.

Какихъ-бы впрочемъ друзей вамъ Господь ни судилъ: обратъ по выходѣ въ жизнь изъ училища, все таки несомнѣнно, что жизнь готова встрѣтить васъ съ распростертыми объятіями. Въ обществѣ нашемъ на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ и особенно на маловодѣланной нивѣ народнаго просвѣщенія требуются многіе дѣятели и дѣятельницы, особенно получившіе образованіе. Вы же несомнѣнно должны быть отнесены къ разряду такихъ лицъ. Своими семилѣтними усердными занятіями вы получили полное право причислиться къ людямъ образованнымъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ какъ даные вамъ аттестаты, такъ и только что полученные многими изъ васъ награды. Изъ аттестатовъ вашихъ видно, что всѣ вы получили почтенное научное среднее образованіе съ правомъ домашнихъ учительницъ. Награды же, полученные многими изъ васъ показываютъ, что вы оказали отличные успѣхи не только въ наукахъ, но и въ искусствахъ пѣвія, музыки, иконописанія и рукодѣлья. Очевидно, такія люди, какъ вы, очень нужны обществу. Какое же поле для своей дѣятельности удобнѣе всего вамъ избрать себѣ? Какъ извѣстно, здѣсь въ училищѣ теоретически вами изучено вѣроученіе христіанское, вамъ переданы религіозно-нравственныя правила, вы изучили науки о премудромъ устройствѣ природы, о судьбахъ рода человѣческаго и русскаго народа, о счисленіи, вы изучили и лучшія словесныя художественныя произведенія. Практически вы ознакомились съ рукодѣльемъ, домашнимъ хозяйствомъ. Но больше всего въ училищѣ обращалось ваше вниманіе на науку объ обученіи дѣтей, которую вы усвоили и теоретически, и практически. Всѣ вы и на урокахъ, и въ своей образцовой школѣ научились, съ чего начинать и какъ вести обученіе дѣтей грамотѣ въ школахъ. Поэтому дѣятельность въ начальныхъ школахъ въ качествѣ учительницъ народныхъ школъ, думаю, будетъ самою пригодною для васъ дѣятельностію. Правда, эта дѣятельность многимъ кажется низкою, тяжелой, неблагодарной. Но вы не смущайтесь этимъ. Принимайтесь бодро и за низкую, трудовую дѣятельность, какова бы она ни была, лишь-бы только трудъ, выпавшій вамъ на долю былъ свѣтъ, честенъ, полезенъ и богоугоденъ. Если Богъ судитъ вамъ трудиться на учебномъ поприщѣ, то съ особеннымъ усердіемъ занимайтесь обученіемъ и

воспитаніемъ дѣтей нашего народа въ духѣ вѣры и благочестія. Народъ нашъ высоко цѣнитъ такихъ учительницъ и легко становится подъ ихъ вліяніе. Я знаю нѣкоторыхъ изъ нихъ и всегда съ умиленіемъ вспоминаю о нихъ. Ихъ не мало уже вышло изъ стѣнъ вашего училища.

А чтобы вамъ другихъ воспитывать въ вѣрѣ и благочестіи, для этого нужно сперва вамъ самимъ быть релігіозными. Крѣпко держите вы въ своемъ сердцѣ св. Законъ Божій, любите св. Церковь Христову, неопустительно посѣщайте Богослуженіе, чтайте и пойте навкляросѣ, заводите на селлахъ пѣніе, подобное вашему прекрасному и стройному пѣнію, которое и раньше во мнѣ вызывало, да и сегодня вызвало особенное молитвенное настроеніе, не забывайте и установленныхъ св. Церковію постовъ. Тѣ изъ васъ, которыя сами соблюдаютъ да и другихъ научатъ соблюдать все это, будутъ высоко стоять не только въ глазахъ, ближнихъ своихъ, но и въ очахъ Царя Небеснаго. Правда, не легко, бываетъ иногда, совершать дѣло Божіе. На пути добра, жизнь чаще всего относится къ чловѣку, не какъ добрая мать, и какъ суровая мачеха. Не смущайтесь и не падайте духомъ отъ этого. Помните, что жизнь не пиръ, а поле труда, подвиговъ и лишеній. На этомъ полѣ успѣваетъ въ трудѣ, съ достоинствомъ переносить подвиги и лишенія только тотъ, кто искренно вѣруетъ въ Бога. Вѣра и благодать Божія научатъ васъ тому, какъ вы должны вести себя въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Съ надеждою на Бога, съ преданностію Его воли вы всегда сумеете выйти побѣдителями изъ всякаго тяжелаго положенія, въ какое бы вы ни попали. Посему, всегда имѣйте въ сердцѣ Бога: съ благодарностію къ Господу, принимайте блага жизни, и съ покорностію воли Провидѣнія, переносите разные житейскія невзгоды и лишенія.

Я отъ всей души желаю вамъ, никогда не отступать отъ тѣхъ релігіозно-нравственныхъ правилъ, которыя преподаны вамъ въ училищѣ, и всегда поддерживать честь своего заведенія. Для учителей вашихъ и воспитательницъ, все равно, что и для родителей, нѣтъ большей радости, какъ видѣть и слышать о своихъ воспитанникахъ, что онѣ живутъ честно, и ходятъ правымъ путемъ, что о нихъ идетъ одна добрая слава. Да будетъ же благословеніе Госнодне на васъ, Того благодатію и чловѣколюбіемъ всегда, нынѣ и прсно и во вѣки вѣковъ.

Послѣ акта, всѣ гости были приглашены на семейный обѣдъ вмѣстѣ съ воспитанницами.

— *Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ Харьковской Духовной Семинаріи 10 іюня.* За послѣдніе двадцать с лишкомъ лѣтъ Харьковская Духовная семинарія выиѣ въ первый разъ имѣла счастье въ день выпуска окончившихъ курсъ воспитанниковъ видѣть въ стѣнахъ своихъ своего Архипастыря! и пріять вмѣстѣ съ нимъ участіе въ благодарственной молитвѣ Господу послучаю окончанія учебнаго года. Да вознаградятъ Господь своею любовію и милостію всѣхъ любящихъ вертоградъ духовнаго просвѣщенія и благожелательныхъ къ нему!

Встрѣченный при входѣ въ Семинарію о.о. ректоромъ, инспекторомъ, соборнымъ ключаремъ, членомъ Семинарскаго Правленія отъ духовенства о. Ѳомнымъ и всѣми преподавателями семинаріи, Высокопреосвященнѣйшій Владыка преподалъ имъ благословеніе и направился въ Семинарскій храмъ; гдѣ собрались воспитанники трехъ старшихъ классовъ и ученики образцовой школы. Облачившись въ алтарѣ въ архіерейскія одежды, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній вышелъ на среднюю храма, на амвонъ, и съ собою священнослужителей совершилъ благодарственный молебенъ. Внятное и осмысленное чтеніе на киворотѣ предначертаннаго псалма, отчетливое возгласеніе протодіакономъ моленій, стройное и растворенное грустью пѣніе хора и наконецъ выразительное и умилятельное произношеніе Архипастыремъ возгласовъ и молитвословій произвели на сердцахъ молящихся сильное впечатлѣніе. Въ концѣ молебна о. протодіаконъ возгласилъ обычное многолѣтіе Царствующему дому, Святѣйшему Правительствующему Синоду, Высокопреосвященнѣйшему Арсенію съ его Богохранимою паствою, начальствующимъ въ семинаріи, учащимъ и учащимся, послѣ чего вѣнзавышіе въ храмъ приложились ко кресту и получили окропленіе св. водою. Затѣмъ Владыка вошелъ въ алтарь, разоблачился, вышелъ на солею, и обратился къ тѣсно окружившимъ его окончившимъ курсъ воспитанникамъ съ глубоко навидательнымъ и чрезвычайно сердечно сказаннымъ словомъ. Слово это, по своему обычаю, говорилъ Владыка экспромтомъ, безъ предварительной записи. Вслѣдствіе этого мы лишены возможности передать его здѣсь въ томъ видѣ, въ какомъ оно слышалось въ устахъ Владыки, со всѣми тѣми прекрасными выраженіями в сравненіяхъ, которыми ораторъ украшалъ рѣчь свою; и по необходимости должны ограничиться только изложеніемъ главнѣйшихъ мыслей. Вотъ что приблизительно говорилъ Владыка воспитанникамъ въ своемъ словѣ: «Видя, что вы идете въ миръ, я желаю вамъ, чтобы вы, какъ и прежде, были въ немъ, какъ и прежде, въ мирѣ. Поздравляю васъ, возлюбленные юноши, съ окончаніемъ курса.

Мнѣ извѣстно, что нѣкоторые изъ васъ намѣреваются продолжать свое образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ: иные стремятся поступить въ духовную академію, иные въ университетъ. Желаю вамъ полнаго успѣха въ такихъ стремленіяхъ и желаніяхъ. Молю Бога и надѣюсь, что, куда бы вы ни поступили, вездѣ поддержите честь и славу того заведенія, которое воспитало васъ. Боже же всего желаю вамъ твердо и верушимо сохранить тѣ религіозно-нравственныя начала, въ которыхъ вы воспитывались и въ семинаріи и въ училищѣ, да и въ родной семьѣ. Начала эти, посѣяныя въ душѣ вашей и въслѣдствіемъ родителевъ, возрожденныя и укрѣпленныя духовно-учебными заведеніями, помогутъ вамъ, при случаѣ показать себя борцами, исповѣдниками и, кто знаетъ, можетъ быть, мучениками за вѣру, царя и отечество. Вамъ самимъ извѣстно, какъ лукавы настоящіе дни, какъ много въ нашемъ обществѣ ходитъ нивѣ различныхъ бредней, соблазновъ и лжеученій. Да хранитъ Господь васъ отъ нихъ. Да и вамъ ли, получившимъ весьма серьезное образованіе, въ чемъ я убѣдился присутствуя у васъ на экзаменахъ, вамъ ли, повторяю, увлекаться какими то лжеученіями, вамъ ли поддаваться соблазнамъ и погружаться въ бездну тьмы и лжи? Нѣтъ напротивъ, вы не только сами должны твердо держаться словесъ здраваго ученія и не соблазняться никакими нелѣпыми стремленіями и ложными мыслями, но и другихъ убѣждать отказываться отъ этихъ мыслей, уяснять и представлять въ истинномъ свѣтѣ все ухищренія и неправды людей злорадныхъ и вредныхъ. Да сохранитъ васъ Господь цѣломудренными въ правомъ ученіи и вѣрными сынами Св. Церкви на избранномъ вами пути!

Что теперь мнѣ сказать тѣмъ изъ васъ, которые остаются здѣсь въ епархіи и будутъ служить мѣстной церкви? Отдохнувши немного, такъ какъ отдыхъ для васъ послѣ понесенныхъ усиленныхъ занятій необходимъ и исполнѣн естествененъ, вы снова принимайтесь за трудъ и прежде всего не оставляйте книгъ: читайте «Слово Божіе, творенія св. отцовъ и учителей церкви, богословскія сочиненія. Въ семинаріи изученіе предметовъ богословія или менѣе ограничено программой; на свободѣ же вы имѣете полную возможность заняться образованіемъ своимъ посерьезнѣе и восполнить или расширить свои богословскія свѣдѣнія чтеніемъ тѣхъ или другихъ богословскихъ сочиненій. Ни въ какомъ случаѣ не теряйте вы тѣхъ знаній, которыя пріобрѣли въ школѣ. Не выдыхайтесь! Помните, что въ дѣлѣ умственнаго развитія, просвѣщенія и образованія стоять ни одинъ человекъ не можетъ на одной и той

же ступени: кто не подвигается впередъ, кто не развивается, тотъ всегда подвигается назадъ, опускается. Затѣмъ изучайте уставы церковный и непремѣнно практически, посѣщая Храмъ Божій и принимая въ Богослуженіи самое дѣятельное участіе. Читайте и пойте на вѣрость. Чтеніе ваше, какъ чтеніе людей образованныхъ, должно быть разумнымъ, осмысленнымъ. Многіе изъ васъ хорошо изучили церковное пѣніе; пусть они принимаютъ въ немъ дѣятельное участіе, обучая прѣхожанъ пѣнію. Какъ сладко бываетъ сердцу пастыря и каждаго присутствующаго въ Храмѣ христіанина, когда всѣ они едиными устами славятъ и воспѣваютъ тамъ всеблагого Господа! А это уже завелось во многихъ приходяхъ нашей Руси; есть это и въ нашей епархіи.

Не забывайте далѣе, возлюбленные юноши, и проповѣдательской дѣятельности. Не выпускайте пера изъ рукъ. почаще пришлите извѣдательныя поученія для народа въ провинсіяхъ въ церкви, на что вы по своему образованію имѣете полное право. Въ этомъ дѣлѣ я увѣренъ, каждый священникъ будетъ способствовать вамъ, такъ какъ дѣло проповѣди—долгъ пастыря и проповѣдуетъ въ Храмѣ Божіемъ, вы будете помогать священнику въ выполненіи его прямой и святой обязанности. Приучайтесь говорить въ импровизаціи; живое слово дѣйствуетъ на сердце сильнее вышлаго. Не думайте, что говорить импровизацію, съназельскомъ храмѣ для назданія сельскихъ жителей—дѣло трудное. Смотрите на это проще: прочитайте вы внимательно разъ два или три дневное Евангеліе или Апостолъ; увѣсь непременно составится въ умѣ то, о чемъ можно разсказать слушателямъ; одѣлайте къ этому разсказу соответствующее нравственное приложеніе, и увѣсь выйдетъ пригодно для простаго народа поученіе. А случаевъ для такого рода поученій въ селѣ бываетъ много: то Господь посылаетъ засуху, то продолжительные дожди, то воступаетъ посѣвъ, то жатва и т.д. Все это итакіе случаи, когда съ вользою для прихожанъ можно сказать многое. Какъ вамъ извѣстно, въ настоящее время особенно усиливается стремленіе къ открытію въ богослужебныхъ собесѣдованій. Принимайте вы и въ нихъ дѣятельное участіе. Народъ нашъ и прежде имѣлъ и особенно нынѣ имѣетъ сильную алчбу и жажду къ слушанію Слова Божія, только къ присворбію, часто не находилъ да и теперь не всегда находитъ надлежащаго и удовлетворенія своимъ законнымъ желаніямъ и потребностямъ. Вслѣдствіе этого и верѣдко бываетъ, что иные прѣстѣды поддаются завлекательнымъ рѣчамъ лжеучителей и напризнанныхъ проповѣдниковъ; легко склоняются

или въ какую либо секту и удаляются отъ истинной Матери— Церкви. На пастыряхъ Церкви лежить обязанность удовлетворять духовно нравственнымъ потребностямъ народа, и вы до своего поступления въ пастыри можете помогать имъ въ исполненіи этой обязанности. Въ селахъ между утреней и литургіей всегда бываетъ промежутокъ, когда првчтъ или служатъ акаѳистъ или отправляютъ требы прихожанамъ. Въ это время, особенно лѣтомъ, въ оградѣ церковной можно видѣть группы людей, не занятыхъ никакимъ дѣломъ. Вотъ вамъ и удобный случай прочесть или рассказать народу что либо религіозное, поучительное. Здѣсь вы можете сразу приложить къ дѣлу тѣ знанія, которыя вы приобрѣли въ семинаріи и въ училищѣ. Говорю все это по собственному опыту. По этому же опыту знаю и свидѣтельствую вамъ о необыкновенной любви прихожанъ къ дѣтямъ священно и церковнослужителей, проникнутымъ духомъ церковности и предлагающимъ хоть малую заботу о просвѣщеніи темныхъ людей. Но Боже сохрани васъ уклоняться отъ Богослуженій, и заниматься чтеніемъ книгъ непотребныхъ и такимъ образомъ вывѣтривать въ себѣ тотъ духъ, которымъ запечатлѣны вы въ своемъ воспитаніи и обученіи. Вы должны помнить, что вамъ придется быть пастырями Церкви, что поэтому вамъ необходимо держаться твердо дѣла религіознаго, церковнаго, необходимо развивать и укрѣплять его въ себѣ, и что главнымъ средствомъ къ этому служить дѣятельное участіе въ религіозной жизни народа.

Многіе изъ васъ до поступленія въ священники будутъ школьными учителями. Помните, что эта должность высокая, почетная и святая! Объ этомъ многократно свидѣтельствовалось и свидѣтствуются вышнимъ начальствомъ. Высоко цѣнимъ и уважаемъ учителя въ средѣ простого народа, если онъ съ любовію и искренностію относится въ своему живому и святому дѣлу. Народъ нашъ мало разработанная почва, но тучная и влачная. Задача школы состоятъ въ томъ, чтобы дѣтей народа, эти злаки, проваросшія на нивѣ народной, воспитать въ любви и преданности къ св. Церкви, въ духѣ религіозномъ. Безспорно, это высокая задача для учителя. И кто изъ насъ не умилялся сердцемъ, видя и слыша восторговъ родителей крестьянъ, когда сынъ ихъ или дочь участвуетъ въ чтеніи и пѣніи на клиросѣ! Большое вліяніе имѣетъ внимательный къ своему дѣлу учитель и на всѣ общество, на весь народъ въ приходѣ. Какъ то обыкновенно случается, что такого учителя всегда приглашаютъ принимать, и онъ принимаетъ живое участіе въ жизни не только своихъ учениковъ, но в родителей ихъ, во

всѣхъ ихъ радостяхъ и печаляхъ, вѣ наоборотъ, не бываетъ на селѣ ни почета, ни уваженія къ тому учителю, который холодно и съ небреженіемъ относится къ своему святому дѣлу. Это я могу подтвердить вамъ указаніемъ на нѣсколько примѣровъ мѣстной здѣшней жизни, очевидцемъ которыхъ мнѣ пришлось быть очень недавно. Да не будете вы похожими на этихъ учителей!

Впрочемъ, возлюбленные юноши, будете ли вы пока еще жить въ семьѣ родителей и родственниковъ, будете ли вы учить дѣтей въ школахъ, помните, что главное и важнѣйшее ваше служеніе—священническое. Всячески готовьтесь къ нему. Не обращайтесь на тѣ нареканія, какія нерѣдко приходится слышать о лицахъ духовныхъ. Одежда священническая—почтеннѣйшая одежда, званіе священника высокое званіе, и служеніе священническое—устройство своего вѣчнаго спасенія и спасенія ближнихъ—величайшее служеніе. Помните, что, въ словѣ Евангельскомъ, пастыри церкви называются свѣтильниками міру и солію земли. Да сподобитъ же васъ Господь Богъ, по образу Сына Его единороднаго и св. Его учениковъ, быть свѣтомъ истиннымъ, просвѣщающимъ, освящающимъ и укрѣпляющимъ въ добрѣ всякаго человѣка, котораго вы будете призваны пасти. Благословеніе Господа да будетъ на васъ Того благодатію и человѣколюбіемъ всегда, нынѣ и престо и во вѣки вѣковъ. Аминь.

По окончаніи своего наставленія окончившимъ курсъ ученія воспитанникамъ, Владыка благословилъ каждого изъ нихъ иконой и молитвенникомъ и св. Евангеліемъ послѣ чего преподавъ всѣмъ общее благословеніе и вышелъ изъ храма, сопровождаемый громкимъ пѣніемъ всѣхъ пола эти, деснота. Всѣ бывшіе въ храмѣ начальствующіе въ Семинаріи, учащіе и учащіеся проводили Владыку до подъѣзда съ искреннимъ пожеланіемъ ему многихъ лѣтъ за тотъ трудъ любви, который онъ проявилъ по отношенію къ Семинаріи.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

Учитель пѣнія и регентъ

Озургетскаго Духовнаго Училища г. Кунда, имѣющій свидѣтельство объ окончаніи курса въ Придворной капеллѣ, желаетъ
перемѣнить мѣсто.

Адресъ: Великій Бобрискъ, Сумскаго уѣзда, Харьковской губ.

Филарету Яблоновскому.

ФАБРИКАНТЪ ЦЕРКОВНОЙ УТВАРИ

ТОРГОВАГО ДОМА

АНДРЕЯ ЗАХРЯПИНА СЫНОВЬЯ.

Имѣю честь довести до свѣдѣнія г.г. покупателей
въ нашихъ магазинахъ.

<p>I.</p> <p>Въ Москвѣ</p> <p>Никольская ул., верх- ніе торговые ряды №№ 82, 155, 156, 227, 228, 229.</p>	<p>II.</p> <p>Въ г. Воронежѣ</p> <p>Московская ул., про- тивъ Духовной Кон- систоріи. Магазины открыты съ 1-го ок- тября 1902 г.</p>	<p>III.</p> <p>Въ ярмаркахъ Нижне- городской по шоссе противъ флаговъ. Въ Вологдѣ и Ро- стовѣ Ярославской губ.</p>
---	--	--

Всегда имѣется полный и большой выборъ всей церковной утвари лучшаго издѣлія, художественной работы, собственной фабрики, всевозможныхъ размѣровъ и рисунковъ какъ-то: паникадила, люстры, подсвѣчники, лампы, хоругви, закрестольныя иконы, евангелія, кресты, сосуды, ковчеги, вѣнцы, металлическія свѣчи, чаши водосвятныя, плащаницы, гроблицы, иконы, парчи для облаченій и пр. и пр., также имѣются и серебряныя вещи 84°, а также принимаются заказы на всевозможную церковную утварь, металлическія, такъ равно и серебряныя 84° и ризы на иконы, одежды на престолы и жертвенники, царскія двери, кресты на главы, и рѣшетки по солямъ и пр. и пр., какъ лично, также и заочно, посредствомъ переписки.

По требованію при заказѣ, Торговый Домъ высылаетъ смѣты и рисунки, а также въ случаѣ надобности высылаются довѣренныя, для личныхъ переговоровъ и принятія заказа.

Принимаются всякаго рода починки и ремонтірованіе старыхъ вещей церковной утвари золоченіе и серебряніе исполняются въ точности безъ замедленія.

Цѣны на церковную утварь существуютъ одинаковыя какъ въ Московскомъ магазинѣ, такъ и въ Воронежскомъ магазинѣ и ярмаркахъ.

При заказѣ и покупкѣ товаровъ для небогатыхъ храмовъ, дѣлается разсрочка въ платежѣ.

Фабрика наша существуетъ болѣе 50 лѣтъ и имѣетъ при себѣ около 500 человекъ мастеровъ, благодаря лучшаго производства вырабатываемыхъ въ ней предметовъ и усовершенствованія, всѣми необходимыми средствами, для выработки церковной утвари, скорого и аккуратнаго исполненія заказовъ, приобрѣла самый громадный кругъ г.г. покупателей и заказчиковъ, Фабрика и главная контора въ г. Переславль Заслѣскомъ Влад. губ.

При выпискѣ товаровъ, просимъ обозначать адресъ, чрезъ кого посылать товаръ, по желѣзной дорогѣ, до какой станицы, или чрезъ контору и адресъ почтовый.

Искреннею надеждою, что Вы не оставите насъ своимъ благосклоннымъ вниманіемъ, а также и посѣщеніемъ нашихъ магазиновъ въ Москвѣ и г.г. Воронежѣ.

Торговый Домъ Андрея Захряпина С-вья.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые десять лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромя того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать“? Собесѣдованія прот. А. Хойнацкаго.—„Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. Н. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Боровскій“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія каеологической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Церковно-религіозное состояніе Запада и вселенская Церковь“. Свящ. Т. Буткевича.—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое наследованіе А. Бертеловскаго.—„Язычество и іудейство во времени земной жизни Господа нашего Іисуса Христа“. Свящ. Т. Буткевича.—Статьи „о штундистахъ“. А. Шугаевскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществомъ“? В. Комадевскаго.—„Основныя задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„О славянскомъ языкѣ въ церковномъ богослуженіи“. А. Струникова.—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ современной умственной жизни“. А. Бѣллева.—„Очерки русской церковной и общественной жизни“. А. Рождественна.—„О церковныхъ ялодоприношеніяхъ“. Н. Протопопова.—„Вторая книга „Исходъ“ въ переводѣ и съ объясненіями“. Проф. П. Горскаго—Платонова.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„О покоѣ воскреснаго дня“. Доцента А. Бѣллева.—„Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности“. Шестакова.—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„Ученіе Стефана Яворскаго и Теофана Прокоповича о свѣд. Преданіи“ М. Саввевича.—„О православной и протестантской проповѣднической митровизаціи“. К. Истомина.—„Отношеніе раскола къ государству“. С. Г. С.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Замѣтки о церковной жизни за-границей“. А. К.—„Сущность христіанской нравственности въ отлчійи ея отъ меральной философіи графа Л. Н. Толстого“. Свящ. І. Филевскаго.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Ученіе Бента о Церкви“. А. Кириловича.—„Православенъ-ли інтегритиціон, предлагаемый намъ старокатоликами“. Прот. Ю. К. Смирнова.

Въ философскомъ отдѣлѣ журнала помѣщены статьи профессора Академіи и Университета: А. Введенскаго, С. Глаголева, А. Зеленогорскаго, В. Кудрявцева, П. Линицкаго, М. Остроумова, В. Снегирева, П. Соколова, Г. Струве и другихъ. А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Бента, Баро, Жяне и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначены, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя намѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на не полученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на не полученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: { Рectorъ Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ ЗНАМЕНСКІЙ
и Дѣйств. Статск. Совѣтникъ Константинъ ИСТОМИНЪ.